

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 20. № 2

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тема номера: / Theme:

«Лингвистика текста в эпоху цифровых коммуникаций»

“Text Linguistics in the Age of Digital Communications”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 20. No. 2

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021

Том 20. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021

Volume 20. No. 2

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021. Vol. 20. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Theme: "Text Linguistics in the Age of Digital Communications"

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Macerata, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editor, Proofreader: *I.V. Smetanina*

Editors of English texts:

E.A. Agarkova, O.S. Volkova, Yu.V. Chemeteva

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing Mar. 4, 2021.

Date of publication June 25, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 14.9. Published pages 16.0.

Number of copies 500 (1st dublicate 1–44).

Order 102. «C» 13.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021. Т. 20. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Лингвистика текста в эпоху цифровых коммуникаций»

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седельце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Мачерата, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редактор, корректор *И.В. Сметанина*
Редакторы английских текстов:
Е.А. Агаркова, О.С. Волкова, Ю.В. Чеметева
Верстка и техническое редактирование
О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 04.03 2021 г.
Дата выхода в свет 25.06 2021 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 14,9.
Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–44).
Заказ 102. «С» 13.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

<i>Потапова Р.К., Курьянова И.В.</i> Особенности исследования текста в эпоху цифровой коммуникации	5
<i>Болотнова Н.С.</i> Категория диалогичности медиатекста как отражение идиостиля автора	16
<i>Иссерс О.С.</i> Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в событийном контексте 2020 года	26

РЕЧЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ЕДИНИЦЫ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Хоузе Ю., Кадар Д.З., Леонтьев В.В.</i> Языковые индикаторы ритуальных фреймов (научная беседа) [На англ. яз.]	42
<i>Шпильная Н.Н.</i> Прагматические варианты диалогического текста как языковой единицы	47
<i>Божженкова Н.А., Каличкина Т.И., Пантелеева А.П.</i> Тропофигуры как новые реалии текстов современной политической коммуникации	57
<i>Горбачева А.В., Берлин Хенис А.А., Пучкова А.Н., Осадчий М.А.</i> Сложность восприятия демотиваторов и мемов: экспериментальное исследование	74
<i>Громова А.В.</i> Переписка в мессенджере: идентификация автора по тексту в условиях трансформации индивидуализирующих признаков	87

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРОВ И ТИПОВ ТЕКСТОВ

<i>Тюкаева Н.И., Бринева К.И.</i> Тексты естественной письменной речи как объект жанрового анализа: проблема метода	99
<i>Болотнов А.В.</i> Стрим как новый гипермедиажанр	111
<i>Волкова Я.А., Панченко Н.Н.</i> Новостной текст: жанровое перевоплощение	121
<i>Величкова Л.В., Петроченко Е.В.</i> «Вокальная форма» как музыкально-фонетический речевой жанр: аспекты изучения	133
<i>Глушкова М.С., Згурская О.Г., Таланина А.А.</i> Возможности использования понятия «хронотоп» для описания жанра лекции	144

CONTENTS

THEORETICAL PROBLEMS OF THE STUDY DIGITAL SPACE TEXTS

<i>Potapova R.K., Kuryanova I.V.</i> Features of Text Research in the Age of Internet-Mediated Communication	5
<i>Bolotnova N.S.</i> The Category of Media Text Converse as a Reflection of the Author's Idiostyle	16
<i>Issers O.S.</i> Potential of Transformations in Polycode Internet Meme Within the Event-Related Context of 2020	26

SPEECH MECHANISMS AND UNITS OF TEXT COMMUNICATION

<i>House J., Kádár D.Z., Leontyev V.V.</i> Ritual Frame Indicating Expressions (An Academic Conversation)	42
<i>Shpilnaya N.N.</i> Pragmatic Options of the Dialogical Text as a Language Unit	47
<i>Bozhenkova N.A., Kalichkina T.I., Panteleeva A.P.</i> Tropofigures as New Realities of Texts in Modern Political Communication	57
<i>Gorbacheva A.V., Berlin Khenis A.A., Puchkova A.N., Osadchiy M.A.</i> Experimental Study of Demotivators and Memes Perception Complexity	74
<i>Gromova A.V.</i> Correspondence in the Messenger: Identifying the Author by Text in the Context of the Transformation of Individualizing Features	87

NEW ASPECTS OF STUDYING GENRES AND TYPES OF TEXTS

<i>Tyukaeva N.I., Brinev K.I.</i> Texts of Natural Written Speech as an Object of Genre Analysis: The Problem of Method	99
<i>Bolotnov A.V.</i> Stream as a New Hypermedia Genre	111
<i>Volkova Ya.A., Panchenko N.N.</i> News Text: Genre Transformation	121
<i>Veličkova L.V., Petročenko E.V.</i> "Vocal Form" as a Music-Phonetic Speech Genre: Aspects of Study	133
<i>Glushkova M.S., Zgurskaya O.G., Talanina A.A.</i> On Feasibility of Using Chronotope for Description of Lecture Genre	144

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.1>

UDC 81'42
LBC 81.055.1

Submitted: 10.11.2020
Accepted: 12.01.2021

FEATURES OF TEXT RESEARCH IN THE AGE OF INTERNET-MEDIATED COMMUNICATION

Rodmonga K. Potapova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Irina V. Kuryanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;
Moscow Research Center, Moscow, Russia

Abstract. The current paper is focused on the research of Internet-mediated text as a special kind of oral-written discourse. The Internet has spawned an entirely new form of communication at the intersection of its conventional forms – a “written spoken language” which differs both from standard written speech and standard oral speech. Social network discourse as a result of Internet-mediated communication is characterized by a set of variant and invariant parameters that appear in the verbal and paraverbal characteristics of the digitally processed written text. The text as a product of the intellectual activity of a particular person is a complex structural formation with the laws of relations. The transition to a *digital personality* significantly affected the process of transmission and formation of the final digital product: text – intertext – quasi-text as a product of multi-stage processing of the initial version of the text. The main factors that characterize social network discourse presented in the article are reflected in the specifics of the texts generated in its process and which are considered as the result of the newest type of Internet-mediated communication. The article presents a paradigm change of linguistic expertology in relation to digital content, considers traditional and the newest approaches to estimating the key linguistic parameters that would allow to solve profiling issues on the basis of Russian speech.

Key words: Internet-mediated communication, social network discourse, text, intertext, quasi-text, individualizing features of the author’s speech, profiling, expert analysis.

Citation. Potapova R.K., Kuryanova I.V. Features of Text Research in the Age of Internet-Mediated Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 5-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.1>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 10.11.2020
Дата принятия статьи: 12.01.2021

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Родмонга Кондратьевна Потапова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Ирина Владимировна Курьянова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия;
 Московский исследовательский центр, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам исследования опосредованного Интернетом текста как особой разновидности речевых произведений, прошедших цифровую обработку. Они отражают новую форму общения, находящуюся на стыке известных форм, – письменную разговорную речь, которая отличается как от стандартной письменной речи, так и от стандартной устной речи. Тексты социально-сетевого дискурса, возникающие в процессе цифровой коммуникации, реализуют совокупность вариативных и инвариантных параметров, проявляющихся в вербальных и паравербальных характеристиках. В статье продемонстрировано, что переход к «цифровой личности» существенно повлиял на формирование конечного цифрового продукта в результате многоэтапной переработки начального речевого варианта по модели «текст – интертекст – квазитекст». Обобщение закономерностей организации и функционирования социально-сетевого дискурса открывает возможности решения прикладных задач, связанных с исследованием текстов цифрового пространства на более высоком уровне. В статье рассмотрены традиционные и новейшие подходы к оценке ключевых лингвистических параметров интернет-текстов, позволяющие на материале русской речи решать задачи профайлинга и лингвистической экспертологии применительно к цифровому контенту.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, социально-сетевой дискурс, текст, интертекст, квазитекст, индивидуализирующие признаки речи автора, профилирование, экспертология.

Цитирование. Потапова Р. К., Курьянова И. В. Особенности исследования текста в эпоху цифровой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 5–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.1>

Введение

В эпоху цифровизации и информационной глобализации понятие коммуникации обретает новые и все более разнообразные сферы применения, поэтому достижения лингвистики XXI столетия основываются на комплексном междисциплинарном исследовании речевой деятельности человека [Потапова и др., 2020; Потапова и др., 2015; Речевая коммуникация..., 2016]. Трансформация современной социокультурной реальности и увеличение «территории» Интернета (с одной стороны, рост веб-аудитории, с другой – развитие ресурсной базы Сети) повлияли и на характер общения [Potarova, 2015]. Интернет стал основным коммуникационным центром цифровой эпохи, что повлекло изменения как в функционировании языка, так и в речевом взаимодействии: появились новые средства обозначения эмоций, новые модели текстов, новые жанры общения [Речевая коммуникация..., 2016; Potarova, 2015]. Развитие Интернета как глобальной системы реализации потребностей человека и общества в целом, в том числе коммуникативных, обусловило появление в последние десятилетия исследований, посвященных изучению речевого взаимодействия посредством интернет-ресурсов (см., напри-

мер: [Голощапова, Курьянова, 2019; Ионова, 2016; Новые медиа..., 2017; Потапова и др., 2020; Потапова, Потапов, 2021; Речевая коммуникация..., 2016; Potarova, 2015]).

Интернет-коммуникация – трансляция текстовых, аудио- и видеоданных в цифровом пространстве с помощью электронных писем, сообщений в блогах, форумов, веб-страниц, социальных сетей и различных платформ мгновенного обмена сообщениями (Facebook, YouTube, Twitter, WhatsApp и др.) – представляет собой динамичное социальное явление, требующее всестороннего изучения, а также обобщения уже имеющихся результатов его исследования в гуманитарных, социальных и естественно-научных областях. В частности, необходима систематизация накопленных знаний о текстах современной эпохи и подходах к их исследованию в теоретической и прикладной лингвистике.

Важным направлением современной лингвистики является исследование и моделирование вариативности дискурса русской речи, в которых используется информация о языке и фоновых знаниях о мире. Это приобретает особое значение в связи с функционированием социально-сетевого дискурса в информационно-коммуникационном пространстве Сети [Potarova, 2015]. Он представляет собой один

из наиболее востребованных и общедоступных видов коммуникации, поскольку в таком дискурсе в речевое взаимодействие может включиться любой индивидум вне зависимости от возраста, образования, религии, политических взглядов, страны проживания и т. д. Развитие технологий, повышение скорости и качества работы сети Интернет, доступная стоимость мобильного Интернета позволяют использовать все преимущества Сети практически в любой точке земного шара, поэтому веб-аудитория в России ежегодно увеличивается. Общение посредством Интернета предоставляет практически неограниченные возможности для обмена самой разнообразной информацией (текстовой, фото, видео и т. д.); создания индивидуальных профилей с тем количеством персональной информации, которое пользователь считает необходимым сообщить о себе; отслеживания связей между участниками сетевого общения; комментирования контента и многого другого [Голощапова, Курьянова, 2019; Курьянова, Гусакова, 2020; Речевая коммуникация..., 2016].

Результаты и обсуждение

Социально-сетевой дискурс как объект лингвистического исследования

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет характеризуется одновременным сосуществованием множества сегментов виртуального пространства, которые различаются функциональной направленностью. В работах ряда исследователей социально-сетевой дискурс определяется как глобальное межкультурное явление, особая разновидность устно-письменного дискурса, существующего в интерактивной сфере (см., например: [Ионова, 2016; Новые медиа..., 2017; Potarova, 2015]). В цифровом контенте выделяется блок текстов, рассчитанных на одностороннее получение (или предоставление) информации в целях индивидуального восприятия. Однако большую часть веб-пространства занимают сегменты, предполагающие обратную связь, то есть коммуникацию двух и более сторон [Потапова и др., 2020; Речевая коммуникация..., 2016; Potarova, 2015].

В междисциплинарных исследованиях интернет-коммуникации, проведенных нами ранее [Потапова и др., 2015; Потапова, 2020; Речевая коммуникация..., 2016], были установлены особенности сетевого дискурса, в частности опосредованность общения, пространственная удаленность коммуникантов, вариативность речевой деятельности (письменная или устная), а также возможность асинхронного общения.

С учетом междисциплинарного подхода представляется целесообразной следующая классификация характеристик социально-сетевого дискурса:

- необратимость;
- ситуативность;
- динамичность;
- нарушение иерархии социальных отношений (демократичность / псевдodemократичность);
- комбинаторика монохронности и полихронности ввиду высокой скорости (темпа) распространения информации;
- комбинаторика высказываний представителей культуры с низким контекстом и культуры с высоким контекстом;
- увеличение межличностного пространства;
- тематическая неограниченность;
- казуальная обусловленность;
- манипулирование сознанием реципиента;
- эмоционально-модальная насыщенность [Речевая коммуникация..., 2016, с. 20–21].

Статус одного из соавторов (Р.К. Потапова с 1996 г. по настоящее время является действительным членом Международной ассоциации по судебной фонетике и акустике речи – IAFPA, г. Бирмингем, Великобритания) при разработке данной классификации дает возможность более полно учитывать международные тенденции в динамике подходов к исследованию текста.

Свойства социально-сетевого дискурса обуславливают специфику порождаемых в нем текстов, форма которых отличается как от стандартной письменной речи (например, редким использованием заглавных букв для упрощения общения), так и от стандартной устной речи (например, креолизированностью, то есть использованием в общении не только букв и цифр, но и картинок, а также аудио-,

видеофайлов), что представляет собой письменную разговорную речь.

Растущая популярность интернет-общения, включенность в нее миллионов людей, относительная бесконтрольность, практическое отсутствие реальной связи между людьми предоставляют пользователям Сети практически неограниченные возможности. В последние годы различные интернет-платформы перестали быть способом исключительно дружеской коммуникации, восстановления утраченных связей или выражения своего мнения. Анонимность создает идеальные условия и для введения участников сетевого дискурса в заблуждение о реальной идентичности адресанта сообщений. В условиях относительной анонимности общение в социальных сетях, форумах и на иных интернет-платформах явилось в том числе своеобразным плацдармом для обеспечения конспирации при совершении противоправных деяний (см. об этом: [Курьянова, Гусакова, 2020]). В связи с технической оснащенностью и высокой степенью подготовленности преступлений в настоящее время все большее значение в борьбе с правонарушениями приобретают методы прикладной и математической лингвистики, в частности судебной экспертизы (лингвистической, автороведческой, фоноскопической), в основе которой лежит профессиональное криминалистическое исследование речевой информации с целью идентификации человека по речи (устной и письменной), а также диагностики его личностных характеристик.

Главное преимущество мобильного Интернета – это свобода перемещений с доступом к нужной информации. Широкие возможности и доступность электронно-вычислительной техники, дистанционная обработка информации, независимость от государственных границ, обезличенность цифровой информации – основные причины, по которым субъекты преступной деятельности все чаще используют Интернет с целью совершения противоправных действий. Сетевая коммуникация позволяет сохранять инкогнито пользователей: одно и то же лицо имеет возможность отправлять сообщения под разными никнеймами (псевдонимами), обрабатывать и перерабатывать первоначальный аутентичный текст в целях маскировки. Зачастую мате-

риалы интернет-переписки являются единственным источником доказательств при расследовании уголовных дел. В связи с этим особую актуальность приобретают пополнение знаний о традиционных лингвистических параметрах описания текста сведениями о значимых признаках текстов, прошедших цифровую обработку, выявление ключевых детерминантов, с опорой на которые можно составить «речевой портрет» говорящего.

Исследование цифрового контента традиционными методами

Традиционно уровнями, на которых проводится исследование письменного текста для решения идентификационных и диагностических задач, являются:

- текстологический (логико-структурный);
- стилистический;
- синтаксический;
- лексико-фразеологический;
- семантический;
- графический;
- грамматический;
- орфографический;
- пунктуационный [Методические рекомендации..., 2015, с. 63].

Нами предлагается классификация лингвистических параметров для определения индивидуализирующих признаков речи автора письменного интернет-текста.

I. Общие (групповые) лингвистические параметры:

1. Общие топографические признаки интернет-текста.
2. Лексико-семантические признаки интернет-текста.
3. Лексико-стилистические признаки интернет-текста.
4. Грамматические признаки интернет-текста.
5. Синтаксические признаки интернет-текста.
6. Орфографические и пунктуационные признаки интернет-текста.

II. Специфические (частные) графические параметры:

1. Признаки, характеризующие графическое исполнение сообщения и способ организации текста.

2. Признаки, характеризующие способ написания слов.

3. Признаки, характеризующие паравербальные средства (интонацию, паузацию, артикуляцию).

4. Признаки, отражающие эмоционально-модальное отношение автора сообщения.

При анализе текстов социально-сетевых дискурсов учитывается, что они обладают особенной гиперструктурой, строящейся по законам внутренней речи [Ионова, 2016], поэтому каждая из выделенных групп, представленных выше, может и должна быть структурирована на подгруппы, в которые объединены признаки, значимые для описания конкретного текста.

Исследование интернет-текста социально-сетевых дискурсов в соответствии с перечисленными параметрами, как правило, включает анализ объема сообщения, установление особенностей компрессии текста или ее отсутствия, описание графической «аранжировки» текста, способа публикации сообщения (например, наличие или отсутствие рубрикации, способ выделения абзацев или их отсутствие, «построчная» публикация одного сообщения и т. д.). Значимыми являются признаки текста, отражающие общий словарный запас, особенности лексики адресанта, принципы и приемы сочетаемости лексем. Специфические черты речи в Интернете во многом обусловлены ее изначально устной формой существования, а именно характером членения любых устных нечитаемых текстов. Так, пользователями Сети могут употребляться разнообразные лексико-семантические средства, например различного рода каламбуры, неологизмы, обценная лексика, аббревиатуры: *Чуркистан*, *Москвабад* (о Российской Федерации), *деДушки с ограниченной ответственностью* (о представителях власти), *оДИЧалые* (о представителях группы лиц, выделенной по национальному признаку).

Аббревиация заслуживает отдельного внимания при исследовании письменного текста в электронной переписке: сокращению могут подвергаться не только отдельные слова и словосочетания, но и предложения, например: *СПС* – «спасибо», *ттт* – «тьфу-тьфу-тьфу», *КМК* – «как мне кажется» и т. п. Значительный интерес может представлять та-

кая разновидность аббревиатур, как акронимы: *ИМХО* (англ. In My Humble Opinion – «по моему скромному мнению»), *LOL* (англ. Laughing Out Loud – «громко смеюсь»), *ROFL* (англ. Rolling On Floor Laughing – «катаюсь по полу и умираю от смеха») (другие примеры см. в: [Голощапова, Курьянова, 2019; Курьянова, Гусакова, 2020]).

При выявлении лексико-стилистических признаков текста, как правило, оценивается уровень владения автором выразительными средствами речи (ср.: *СПС – благодарю – мерси; Ок – хорошо – я доволен – договорились – великолепно; приветики – приветствую – доброго дня / утра / вечера – хай* (подробнее об этом см. в: [Голощапова, Курьянова, 2019]). Грамматические признаки традиционно рассматриваются с точки зрения владения автором текста грамматическими нормами русской речи: низкий, средний, высокий. Анализ на синтаксическом уровне ориентирован на общее и детальное описание синтаксических конструкций. Несмотря на то что новая форма речи, характерная для текстов в Интернете, является менее структурированной, при анализе способов связи слов и словосочетаний внимание обращается на типичные для речи того или иного пользователя синтаксические структуры (например, в материалах интернет-переписки частотны неполные структуры, сегментация, парцелляция, повтор актуальных компонентов и др.).

При анализе частных параметров, характеризующих графическое исполнение сообщения и способ организации текста, как правило, внимание обращается на наличие / отсутствие дефиса в написании слов, приоритет строчных или прописных букв, в том числе в наименованиях, отсутствие или обилие знаков препинания, использование таких «супраграфических» средств, как пробел, курсив, шрифтовое варьирование и т. п. (см.: [Курьянова, Гусакова, 2020]). Признаки, характеризующие способ написания слов, могут отражать предпочитаемые начертания цифрового сообщения (например, написание слова по принципу семантического сближения или, напротив, его традиционное начертание; ср.: *о5 – Опять, 4то – че/чо, что*). Паравербальные средства в цифровой коммуникации (интонация, паузация, артикуляция) замеща-

ются пользователями графическими и пунктуационными знаками. Например, многоточие или многократный повтор точек символизирует длительность паузы в письменной речи электронной переписки; написание лексем заглавными буквами и/или повтор одного и того же знака свидетельствуют о выделении значимой информации, повышении громкости и высоты голоса (ЧОООООО????, О ДАААААА). В интернет-коммуникации в чатах не соблюдаются правила использования заглавных букв (например, в начале текста или предложения), что может быть как следствием желания сэкономить время и усилия, так и средством выделения значимой для пишущего информации. Кроме того, при выражении агрессии в Сети постановка заглавных букв может не только выделять ключевые слова или фразы, но и показывать, что говорящий «кричит» на собеседника [Потапова, 2015].

Язык общения в чатах и социальных сетях, насыщенный эмотивными элементами, создает экспрессивный фон на всем протяжении речевого общения. Отдельного внимания заслуживает характеристика признаков, отражающих эмоционально-модальное отношение автора сообщения. Одной из особенностей виртуального общения является отсутствие традиционных средств передачи коннотативных значений: тембра речи, акцентирования части высказывания увеличением интенсивности и повышением силы голоса, использования в коммуникации жестов, мимики и пр. [Потапова и др., 2015; 2020]. Коммуникантами вырабатываются особые графические приемы передачи паралингвистической информации в письменной речи: заглавные буквы, подчеркивание, жирный шрифт, курсив, многократный повтор одних и тех же знаков препинания, графем и т. д. В связи с этим целесообразно выделение следующих способов выражения эмоционально-модальных значений:

– эмотиконы, представленные сочетанием традиционных графических знаков (например, хорошо))))), при этом количество знаков соответствует силе эмоции), а также набором символов / картинок / стикеров (☺ и ☹, 😊) из готового «списка» (так называемые «эмодзи», когда сочетания смайлов заменяют словосочетания или предложения);

– использование GIF-анимаций, аудио-и/или фрагментов видеозаписей (следует отметить, что это новейшая тенденция в электронной переписке посредством мессенджеров). На сегодняшний день этот способ передачи эмоций наиболее сложно поддается описанию и анализу на предмет определения какого-либо эмоционального состояния адресанта и/или эмоционально-модального его отношения к адресату / публикации и пр.

Текст как продукт интеллектуальной деятельности конкретного лица представляет собой сложное структурное образование с закономерностями отношений. Письменный машинописный текст или текст, созданный с помощью электронных средств (например, письмо, направленное на электронный почтовый ящик адресату), отличается от цифрового текста, представленного, например, в системах мгновенного обмена сообщениями (мессенджерах), социальных сетях (в ветках комментариев и т. п.). В связи с этим круг традиционных объектов исследования текста в экспертологии как важнейшей прикладной отрасли лингвистики закономерно и значительно расширился: появился новый специфический объект, представленный новейшими текстами интернет-контента.

Специфика исследований современного цифрового контента

Вышеперечисленные и проанализированные лингвистические параметры, традиционно используемые экспертами-криминалистами в процессе работы с текстом, являются основой для решения задач идентификации, диагностики и профайлинга (атрибутики и портретирования) личности по языковым (вербальным) характеристикам письменной речи.

Задачи работы с текстом, прошедшим многоэтапную цифровую обработку, существенно усложняются (подробнее об этом см.: [Потапова, Потапов, 2021]). При переходе экспертологии от аналогового способа передачи информации к электронному способу классическая формула опоры на вербалику не претерпела каких-либо кардинальных изменений [Потапова, Потапов, 2017; Потапова, Потапов, 2016; 2017]. Вербальный продукт коммуникации «электрон-

ной личности» в Сети традиционно включает в себя реализацию индивидуальных личностных языковых параметров, позволяющих без помех осуществлять интернет-общение, реализующее как информативную, так и регулятивную (воздействующую) функции. Однако переход от «электронной личности» к «цифровой личности» существенно повлиял на сам процесс передачи и формирования конечного цифрового продукта-текста [Потапова, Потапов, 2017]. Существенную роль в этом сыграла технология перевода аналогового сигнала в цифровой код с учетом скорости, доступности и возможности перевода любого текста в компактную запись, легко передаваемую и связываемую с другими записями такого же формата, что позволило создать сети мультимедиа, коллаборацию и интерактивное взаимодействие в процессе коммуникации [Потапова, Потапов, 2021].

В лингвистике рассмотрение текста и его анализ, проводимый в целях криминалистической экспертизы, традиционно включали градацию текстов с позиции как собственно лингвистических особенностей (представлено выше), так и с позиций соотношения данного текста с такими категориями, как *темпоральность*, *эмоциональность*, *интертекстуальность*. Каждая из перечисленных категорий позволяет вскрыть целый ряд индивидуальных особенностей автора текста:

а) на какие временные категории он опирается (прошлое, настоящее, будущее);

б) насколько эмоциональна позиция автора текста по отношению к обсуждаемой проблеме (негативная, позитивная, нейтральная);

в) в какой степени автор текста опирается на другие мнения, как часто он прибегает к точке зрения других коммуникантов и т. д. (подробнее об этом см.: [Потапова, Потапов, 2006; Потапова и др., 2015; 2020]).

В связи с обращением к текстам других авторов следует остановиться на понятии «интертекст», которое играет большую роль в процессе авторской идентификации. Интертекстуальный анализ позволяет установить характер отсылок к другим текстам, степень маскировки, связь с первоисточником на базе употребления аллюзий и т. д. [Женетт, 1998;

Пьеге-Гро, 2008]. Наличие интертекста любого вида определяется:

а) по присутствию кавычек (цитирование);

б) по отсутствию кавычек, но по свободному пересказу с указанием на источник;

в) по пересказу без ссылки на автора (плагиат).

Учитывая функционирование цифровой медиативистики, в настоящее время лингвисты, в частности криминалисты, сталкиваются с так называемыми «фейковыми текстами», которые являются продуктом многоэтапной переработки начального варианта текста:

а) текст-оригинал;

б) интертекст (в одной из вышеуказанных форм);

в) многократно передаваемый тот же текст, но содержащий дополнительные изменения, которые внесены даже без подробного предварительного ознакомления с этим текстом и т. д. [Женетт, 1998; Die Psychologie..., 2020].

Конечный вариант цифрового контента в этой цепочке преобразований мы сочли уместным назвать «квазитекстом» (лат. *quasi* – «как будто, будто бы»). На основе анализа всех составляющих данного смыслового преобразования предполагается итоговый вариант наблюдаемого процесса преобразования цифрового сетевого текста обозначить как «Т – ИТ – КТ» («Текст» – «Интертекст» – «Квазитекст»). Программная цифровая обработка гуманитарного исходного материала реализуется многоэтапно. Алгоритмы обработки исходного (аутентичного) языкового материала на каждом из этапов вносят новые элементы в конечный продукт – цифровой текст. Логично, что появляющиеся на каждом из них тонкие «смысловые оттенки» не могут не влиять на первоначальную базовую индивидуальную версию текста. Поэтому, с одной стороны, цифровая обработка текста рассматривается сквозь призму скорости поступления информации, что соответствует динамике развития современного общества, с другой стороны, возникает эффект виральности, то есть способность контента распространяться в цифровой сети методом «вирусного заражения» (подробнее о виральности см.: [Савельев, 2015]).

Все вышесказанное создает экспертам ряд серьезных трудностей при решении задач профайлинга с опорой на цифровые тексты, интертексты и квазитексты, так как многократная цифровая обработка первичного текста, исходящего от конкретного автора, наносит серьезный ущерб первичной лингвистической информации, служащей основой при проведении криминалистических экспертиз. Кроме того, функционирующие в настоящее время в Сети монополярные интернет-платформы активно вмешиваются в цифровой контент, проводя самостоятельное цензурирование и редактирование лингвистического материала.

Учитывая высокую степень сложности лингвистического анализа цифровых аналогов текстов, интертекстов, квазитекстов, на данном этапе целесообразно сосредоточиться на таких разновидностях текстового пространства, как блогосфера, интернет-опросы, чатинг, различные виды пользовательского контента (записи, комментарии, заметки, например, на своей странице «Живого Журнала», выступления на форумах интернет-сообществ и т. д.). Информативен также развлекательный контент, мониторинг пользовательского контента (записи, комментарии, заметки и др.) [Новые медиа..., 2017]. В основе криминалистического анализа цифровой триады (текст – интертекст – квазитекст) в экспертологии должен быть первичный текст (оригинал).

Выводы

Комплексное исследование цифрового текста и дальнейшая разработка алгоритма анализа текстов, созданных в интернет-пространстве, являются одной из важнейших задач прикладной лингвистики, решение которой будет, в частности, способствовать объективизации лингвистической и иных, смежных видов экспертиз. На заседаниях Совета Безопасности Российской Федерации 2014–2020 гг. вопросы противодействия киберпреступности провозглашены в качестве первостепенных. Именно поэтому в последнее время анализ текстовых сообщений, отправляемых с помощью средств интернет-коммуникации, приобрел особую актуальность. Изучение текстов, размещенных в сети Интернет, не только представляет самостоятельный

научный интерес, но и вносит несомненный и существенный вклад в разработку способов решения практических задач, стоящих перед современной лингвистикой, в том числе в области экспертологии. При этом ведущей тенденцией современного изучения цифровых текстов является стремление к синтезу знаний в результате применения междисциплинарного исследовательского подхода.

Учет в практике анализа интернет-текстов их лингвистических параметров, обобщение закономерностей организации и функционирования таких текстов, разработанные в теоретической лингвистике, позволяют на более высоком уровне решать прикладные задачи, связанные с исследованием текстов цифрового пространства. Многоаспектный синергетический подход к изучению текста, учитывающий новейшие способы их знакового воплощения, позволяет наиболее достоверно определять общественные настроения, симпатии и антипатии различных коммуникативных аудиторий, а также выявлять индивидуальные характеристики каждой отдельной личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голощапова Т. И., Курьянова И. В., 2019. Функционирование языка – зеркало нации // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being : Image and essence. Humanitarian aspects. № 2 (37). С. 61–72.
- Женетт Ж., 1998. Фигуры. В 2 т. Т. 1–2. М. : Изд-во им. Сабашниковых. 944 с.
- Ионова С. В., 2016. Лингвистика нового языкового сознания и информационных технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 3. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.1>.
- Курьянова И. В., Гусакова Ю. А., 2020. Интернет-коммуникация как особая разновидность дистантного опосредованного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 9 (838). С. 83–92.
- Методические рекомендации по проведению авторедческих экспертиз по материалам интернет-переписки, 2015 : пособие для экспертов / под общ. ред. Т. И. Голощаповой, А. П. Коршикова. М. : ЭКУ 9 Департамента ФСКН России. 109 с.

- Новые медиа: социальная теория и методология исследований, 2017 : слов.-справ. / отв. ред. О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. СПб. : Алетейя. 262 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., 2006. Язык, речь, личность. М. : Яз. слав. культуры. 496 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., 2012. Речевая коммуникация : От звука к высказыванию. М. : Яз. слав. культур. 464 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., 2017. Основы многоаспектного исследования «электронной личности» по голосу и речи в информационно-коммуникационной среде Интернета // Человек : Образ и сущность. № 1/2 (28/29). P. 87–111.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., Лебедева Н. Н., Агибалова Т. В., 2015. Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности / под ред. Р. К. Потаповой. М. : Яз. слав. культуры. 352 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., Лебедева Н. Н., Агибалова Т. В., 2020. Поликодовая среда Интернета и проблемы валеологии / под ред. Р. К. Потаповой. М.: Яз. слав. культуры. 136 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., 2021. Эмоциогенное информационное содержание цифровых технологий в формате Digital Humanitis // Вызовы цифровизации общества. М. : ИНИОН РАН. (В печати).
- Пьере-Гро Н., 2008. Введение в теорию интертекстуальности. М. : Изд-во ЛКИ. 240 с.
- Речевая коммуникация в информационном пространстве, 2016 / отв. ред. Р. К. Потапова. М. : ЛЕНАНД. 112 с.
- Савельев Д. Что такое виральный контент? URL: <https://texterra.ru/blog/chto-takoe-viralnyy-kontent-infografika.html> (дата обращения: 09.11.2020).
- Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait und Co., 2020 / Hrsg. von M. Appel. Würzburg : Springer. 215 p.
- Potapova R., 2015. From Deprivation to Aggression Verbal and Non Verbal Social Network Communication // Global Science and Innovation : Materials of the VI International Scientific Conference (Chicago, 18–19 November 2015). Chicago : Accent Graphics Communications Publishing Office. Vol. 1. P. 129–137.
- Potapova R., Potapov V., 2016. On Individual Polyinformativity of Speech and Voice Regarding, Speakers Auditive Attribution (Forensic Phonetic Aspect) // SPECOM 2016. LNCS (LNAI) 9811 / ed. by A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh. P. 507–514. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-43958-7_61.
- Potapova R., Potapov V., 2017. Human as Acmeologic Entity in Social Network Discourse (Multidimensional Approach) // SPECOM 2017. LNCS (LNAI). Vol. 10458 / ed. by A. Karpov, R. Potapova, I. Mporas. P. 407–416. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-66429-3_40.

REFERENCES

- Goloshchapova T.I., Kuryanova I.V., 2019. Funktsionirovanie yazyka – zerkalo natsii [Language Rules Characterize the Nation]. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects*, no. 2 (37), pp. 61-72.
- Zhenett Zh., 1998. *Figury. V 2 t. T. 1–2* [Figures. In 2 Vols. Vol. 1–2]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh. 944 p.
- Ionova S.V., 2016. Lingvistika novogo yazykovogo soznaniya i informatsionnykh tekhnologij [Linguistics of the New Language Consciousness and Information Technologies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 3, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.1>.
- Kuryanova I.V., Gusakova Yu.A., 2020. Internet-kommunikatsiya kak osobaya raznovidnost' distantnogo oposredovannogo diskursa [Internet Communication as a Special Type of Distant Mediated Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], no. 9 (838), pp. 83-92.
- Goloshchapova T.I., Korshikov A.P., eds., 2015. *Metodicheskie rekomendatsii po provedeniyu avtorovedcheskikh ekspertiz po materialam internet-perepiski: posobie dlya ekspertov* [Methodological Recommendations for Conducting Commodity Expertise Based on the Materials of Internet Correspondence: Handbook for Experts]. Moscow, ECU 9 Departamenta FSKN Rossii. 109 p.
- Sergeev O.V., Tereshchenko O.V., eds., 2017. *Novye media: sotsial'naya teoriya i metodologiya issledovaniy: slov.-sprav.* [New Media: Social Theory and Research Methodology. Reference Dictionary]. Saint Petersburg, Aleteya Publ. 262 p.
- Potapova R.K., Potapov V.V., 2006. *Yazyk, rech', lichnost'* [Language, Speech, Personality]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 496 p.
- Potapova R.K., Potapov V.V., 2012. *Rechevaya kommunikatsiya: Ot zvuka k vyskazyvaniyu* [Speech Communication: From the Sound to the Statement]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 464 p.

- Potapova R.K., Potapov V.V., 2017. *Osnovy mnogoaspektного issledovaniya «elektronnoy lichnosti» po golosu i rechi v informatsionno-kommunikatsionnoy srede Interneta* [Fundamentals of Multi-Versatile Voice and Speech research of the “Electronic Personality” on the Information and Communication Internet Medium]. *Chelovek: Obraz i sushchnost* [Human Being: Image. Essence. Humanitarian Aspects], no. 1/2 (28/29), pp. 87-111.
- Potapova R.K., Potapov V.V., Lebedeva N.N., Agibalova T.V., 2015. *Mezhdistsiplinarnost' v issledovanii rechevoj poliinformativnosti* [Interdisciplinarity in the Study of Speech Polyinformativity]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 352 p.
- Potapova R.K., Potapov V.V., Lebedeva N.N., Agibalova T.V., 2020. *Polikodovaya sreda Interneta i problemy valeologii* [Polycode Environment of the Internet and Problems of Valeology]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 136 p.
- Potapova R.K., Potapov V.V., 2021. *Emotsiogennoe informatsionnoe sodержание tsifrovyykh tekhnologiy v formate Digital Humanitis* [Emotionogenic Information Content of Digital Technologies in the Digital Humanities Format]. *Vyzovy tsifrovizatsii obshchestva* [Challenges of Digitalization of Society]. Moscow, INION RAN. (In Print).
- P'ege-Gro N., 2008. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality]. Moscow, Izd-vo LKI. 240 p.
- Potapova R.K., ed., 2016. *Rechevaya kommunikatsiya v informatsionnom prostranstve* [Speech Communication in the Information Space]. Moscow, LENAND Publ. 112 p.
- Savel'ev D. *Chto takoe viral'nyj kontent?* [What Is Virtual Content?]. URL: <https://texterra.ru/blog/chto-takoe-viralnyy-kontent-infografika.html> (accessed 9 November 2020).
- Appel M., ed., 2020. *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait und Co.* Würzburg, Springer. 215 p.
- Potapova R., 2015. From Deprivation to Aggression Verbal and Non Verbal Social Network Communication. *Global Science and Innovation: Materials of the VI International Scientific Conference (Chicago, 18–19 November 2015)*. Chicago, Accent Graphics Communications Publishing Office, vol. 1, pp. 129-137.
- Potapova R., Potapov V., 2016. On Individual Polyinformativity of Speech and Voice Regarding, Speakers Auditive Attribution (Forensic Phonetic Aspect). Ronzhin A., Potapova R., Németh G., eds. *SPECOM 2016. LNCS (LNAI) 9811*, pp. 507-514. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-43958-7_61.
- Potapova R., Potapov V., 2017. Human as Acmeologic Entity in Social Network Discourse (Multidimensional Approach). Karpov A., Potapova R., Mporas I., eds. *SPECOM 2017. LNCS (LNAI)*, vol. 10458, pp. 407-416. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-66429-3_40.

Information About the Authors

Rodmonga K. Potapova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Member of the International Academy of Informatization, Head of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Director, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia, RKPotapova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-9156>

Irina V. Kuryanova, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Experimental Phonetic Laboratory of Criminalistics for Speech Translation, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia; Head of the Department of Forensic Linguistics, Moscow Research Center, Nizhnyaya Syromyatnicheskaya St, 5, Bld. 3, 105120 Moscow, Russia, ivkuryanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3698-3013>

Информация об авторах

Родмонга Кондратьевна Потапова, доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, заведующая кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, директор института прикладной и математической лингвистики, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия, RKPotapova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-9156>

Ирина Владимировна Курьянова, кандидат филологических наук, заведующая экспериментально-фонетической лабораторией криминалистики по речеведению института прикладной и математической лингвистики, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия; начальник Управления судебного речеведения, Московский исследовательский центр, ул. Нижняя Сыромятническая, 5, стр. 3, 105120 г. Москва, Россия, ivkuryanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3698-3013>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.2>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.1

Submitted: 12.11.2020
Accepted: 12.01.2021

THE CATEGORY OF MEDIA TEXT CONVERSE AS A REFLECTION OF THE AUTHOR'S IDIOSTYLE

Nina S. Bolotnova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Abstract. Dynamically altering reality stimulates the use of new means and ways of communication in the process of textual activity. Peculiarities of present-day media communication (polycode, polydiscursiveness, intertextuality, interactivity, openness, etc.) and anthropocentrism of the modern linguistic paradigm determine the dialogue between the author and the addressee based on the text, which requires special study. The identification of the means and ways of expressing the category of media text dialogicity in the aspect of idiosyle is carried out on the basis of the analysis of the texts regulativity in the context of the communicative-activity approach to it. A broad range of linguistic and extralinguistic means of dialogization, which are typical of the author's journalistic texts, was revealed in the mainstream of the theory of regulation as one of the directions of communicative stylistics, based on the articles of 2020 in the "Rossiyskaya Gazeta" by the famous journalist and political scientist L. Radzikhovskiy. The sphere of communication, the author's idiosyle, the peculiarities of the representation of regulation as a systemic quality of the media text are considered as factors that influence the dialogue with the addressee. The approach to the analysis of the media text based on the allocation of various regulatory means, structures, methods of regulation, and regulatory strategy that controls the cognitive activity of the addressee allows us to judge upon the specificity of the dialogic character of the modern publicistic text in accordance with the genre of the article in the aspect of the author's idiosyle. The proposed approach also is of interest for media linguistics and mediastylistics, the communicative theory of text, theory of speech impact.

Key words: category of dialogicity, media text, communicative stylistics, theory of regulation, idiosyle.

Citation. Bolotnova N.S. The Category of Media Text Converse as a Reflection of the Author's Idiosyle. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 16-25. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.2>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 12.11.2020
Дата принятия статьи: 12.01.2021

КАТЕГОРИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ МЕДИАТЕКСТА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА

Нина Сергеевна Болотнова

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Аннотация. Динамично меняющаяся действительность стимулирует использование новых средств и способов общения в процессе текстовой деятельности. Особенности современной медиакоммуникации (поликодовость, полидискурсивность, интертекстуальность, интерактивность, открытость и др.) и антропоцентризм современной лингвистической парадигмы определяют диалог автора и адресата на основе медиатекста, требующий специального изучения. Выявление средств и способов выражения категории диалогичности медиатекста в аспекте идиостиля осуществлено на основе анализа регулятивности текста в рамках коммуникативно-деятельностного подхода к нему. В русле теории регулятивности как одного из направлений коммуникативной стилистики на материале статей 2020 г. в «Российской газете» известного журналиста и политолога Л. Радзиховского определен широкий спектр лингвистических и экстралингвистических средств диалогизации, характерных для публицистических текстов этого автора. В качестве факторов, влияющих на диалог с адресатом, рассмотрены сфера общения, идиостиль автора, особенности репрезентации регулятив-

ности как системного качества текста. Предложенный подход к анализу медиатекста на основе выделения управляющих познавательной деятельностью адресата различных регулятивных средств, структур, способов регулятивности, регулятивной стратегии позволяет судить о специфике диалогичности современного публицистического текста в жанре статьи в аспекте идиостиля автора и представляет интерес для медиалингвистики и медиастилистики, коммуникативной теории текста, теории речевого воздействия.

Ключевые слова: категория диалогичности, медиатекст, коммуникативная стилистика, теория регулятивности, идиостиль.

Цитирование. Болотнова Н. С. Категория диалогичности медиатекста как отражение идиостиля автора // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 16–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.2>

Введение

Новые информационные технологии и изменения в жизни современного общества с учетом динамики современного мира стимулируют особый интерес к медиатекстам (см. работы Т.Г. Добросклонской, И.В. Анненковой, Л.Р. Дускаевой, М.Ю. Казак, Н.И. Клушиной, Т.В. Чернышевой и др.). Поскольку в медиалингвистике термин «медиатекст» используется «в качестве родового по отношению к серии традиционных и новых обозначений: публицистический текст, газетный текст, радио- и телетекст, сетевой текст, гипертекст, рекламный текст и т. п.» [Казак, 2014, с. 65], далее данный термин используется в статье наряду с термином «газетно-публицистический текст». Так как любой текст ориентирован на адресата, выявление специфики средств выражения категории диалогичности в разных сферах общения, особенно в современных масс-медиа, актуально.

Изучение текстовой категории диалогичности имеет давнюю историю, связанную с именем М.М. Бахтина, который писал: «Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин, 1997, с. 229]. Как «фундаментальное свойство речи вообще», как «всеобщий ее признак, выступающий как речевая реализация коммуникативной функции языка» рассматривала диалогичность М.Н. Кожина [Кожина, 1986, с. 37]. Новая лингвистическая парадигма, отражающая коммуникативно-деятельностный подход к тексту, стимулировала особое внимание к текстовой деятельности и развитие новых направлений исследования, включая коммуникативную стилистику. В ее задачи входит изучение различных средств и способов органи-

зации диалога автора и адресата текста, выявление различных закономерностей процесса коммуникации, осуществляемой на основе текстовой деятельности с учетом экстралингвистических факторов [Болотнова, 2009; Коммуникативная стилистика..., 2011; Языковая личность..., 2017].

Разработанная в рамках коммуникативной стилистики теория регулятивности учитывает достижения лингвистической прагматики [Барт, 2001; Болотнова, 2008; Дейк, 2001; Коммуникативная стилистика..., 2011], коммуникативной лингвистики [Демьянков, 1983; Каменская, 1990; Сидоров, 1987], теории дискурса [Арутюнова, 1990; Гаспаров, 1996; Дейк, 1989; Карасик, 2004; и др.]. Вслед за Е.В. Сидоровым регулятивность рассматривается как системное качество текста, связанное с его информативностью, структурностью, интегративностью [Сидоров, 1987].

В рамках концепции регулятивности нами выделены различные типы регулятивных средств на уровне элементов текста, связанные с осознаваемыми адресатом микроцелями автора; регулятивные структуры (стилистические приемы, текстовые парадигмы, типы выдвижения); способы регулятивности (принципы организации текста); регулятивные стратегии, отражающие поэтапное приобщение адресата к коммуникативной стратегии автора [Болотнова, 1998; Болотнова, 2009].

Текстовая категория диалогичности рассматривается в коммуникативной стилистике как ключевая. В рамках этой категории выделяются субкатегории субъектности и адресованности, связанные с образами автора и адресата. Применительно к медиатексту субкатегория субъектности реализуется на уровне автор – реальное лицо и образ автора как глобальная категория, которая синтезирует

структуру, семантику и прагматику текста и отражает особенности реального автора, «стоящего» за текстом. Его идиостиль трактуется как «индивидуально-авторские особенности мировидения и текстовой деятельности, отраженные в тексте как форме коммуникации, включая организацию диалога с читателем» [Болотнова, 2018, с. 201]. Субкатегория адресованности связана с реальным адресатом текста (читателем, слушателем) и с собирательным образом адресата как текстообразующей категорией.

В условиях медиакommunikации адресат часто становится автором вторичного или третичного текста (термин А.В. Болотнова), отражающих реакции на первичный или вторичный текст. В итоге рождаются «информационное эхо» и информационные волны разных типов, выделенные и описанные А.В. Болотновым [Болотнов, 2015; Языковая личность..., 2017]. О вторичных текстах и характерной для них функционально-семантической категории аппроксимации, «обозначающей реализацию значения приблизительности, неточности средствами языка и текста», писала С.В. Ионова [Ионова, 2005; 2006].

Целью данной статьи является рассмотрение категории диалогичности первичного медиатекста на материале статей яркого журналиста и политолога Леонида Радзиховского, имеющего свой индивидуальный стиль, который отражается в использовании различных регулятивных средств и структур, отражающих категорию диалогичности.

Методика исследования

Категория диалогичности рассматривается в статье с учетом специфики медиатекстов на основе разработанной в коммуникативной стилистике методики анализа их регулятивности. Данная методика включает: выделение регулятивных средств разных типов; их рассмотрение в рамках регулятивных структур; определение способа регулятивности и регулятивной стратегии текста; обобщение полученных наблюдений и конкретизацию глубинного смысла текста и интенции автора. Общее направление такого исследования связано с переходом от анализа текста в дискурс: по мнению Т.А. ван Дейка, дискурс

«в широком смысле слова является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [Дейк, 1989, с. 121]. Регулятивность как системное качество текста отражает его смысловое развертывание в соответствии с интенцией автора и стимулирует потенциальную познавательную деятельность адресата, то есть определяет диалог автора с ним через текст как объект восприятия и интерпретации.

Результаты и обсуждение

Взятый для анализа материал позволяет выделить различные регулятивные средства и способы организации диалога с коллективным адресатом, свойственные тексту статьи, «в котором на первый план выходит лингвистическая демонстрация причинно-следственных связей между суждениями» [Дускаева, 2018, с. 182]. При этом надо учитывать сферу общения и функционально-стилистическую маркированность текста. К особенностям текстов публицистического стиля Г.Я. Солганик отнес социальную оценочность, специфику автора, который является конкретной личностью («частным человеком») и «человеком социальным», документальность, эмоциональность, субъективность [Солганик, 2003, с. 313–314].

На уровне общих тенденций для современных медиатекстов характерны яркие регулятивные средства с четко акцентированной целевой установкой, регулятивные структуры эксплицитного типа (повтор, контраст, обманутое ожидание, конвергенция), сильные регулятивные стратегии, основанные на контрастах и парадоксах текстового развертывания, а также стратегии последовательно-конвергентного типа, связанные с поэтапным усилением разными средствами доминантных смыслов, отражающих интенции авторов [Болотнова, 2019, с. 49].

Для анализа категории диалогичности медиатекста, рассматриваемой в идиостилевом аспекте, обратимся к эмпирическому материалу. Проблемно-аналитическая статья «Величие Америки» в «Российской

газете» (Радзиховский, 2020а) посвящена размышлениям журналиста и политолога Л. Радзиховского о месте США в мире накануне выборов президента. Автора медиатекста отличает высокая риторическая культура, умелое использование риторических приемов, различных регулятивных средств и структур, отражающих категорию диалогичности. Основные способы регулятивности (принципы текстовой организации) в статье – конвергенция и контраст. Поверхностный смысл данного медиатекста – актуализация идеи величия Америки в прошлом и настоящем. Глубинный смысл – сложность достижения и сохранения величия страны в условиях меняющегося мироустройства.

Анализируемый медиатекст имеет регулятивную лексическую макроструктуру эксплицитного дедуктивного типа, отражающую в экспрессивной речевой манере общую логику рассуждений журналиста, включая выделение тезиса и его доказательств, выдвижение аргументов и выводов на их основе. Благодаря этому потенциальный адресат приобщается к интенции автора, вступает с ним в диалог, что достигается использованием особых регулятивных структур. Доминантными регулятивными структурами в статье являются:

– многочисленные риторические вопросы: *Так, значит, величие куда-то ушло (уходит)? Куда, почему? И как же его вернуть?; Что есть Сила Страны?; Может быть, скоро Китай начнет задавать миру свои (какие?!) правила – хотя бы в экономике, торговле, финансах? Или вообще свой дискурс (опять – какой?). Или это нереально?* и др.;

– антитеза, используемая многократно: *Закат Европы стал «Рассветом Америки»; шумно или молча признается «лучшей» (о программе «Величия»); Китай – одна из немногих стран, где ВВП в 2020 г. растет, а не падает; Сила – не в Больших Батальонах, а в Экономике; Так Новый Свет шел впереди Старого Света;*

– градация: *Понятно, «закат» не означает «гибель». Звучит слишком пафосно, но это – объективная потребность («скрепа») многих государств, наций, обществ, элит и более широких слоев.*

Ярким средством выражения авторской оценки ключевого события (выборы президента США) в статье является текстовая парадигма номинатов. Элементы данной парадигмы характеризуются стилистической неоднородностью и усилены в тексте графическими средствами регулятивности: *Мировое Шоу Года, финиш-катарсис, суетня*. Графические регулятивные средства используются автором особенно часто. Например, главные в смысловом и прагматическом отношении слова выделяются в статье прописными буквами: *СМЫСЛ; ПО-СВОЕМУ (жизнь); СВОЮ (программу); СИЛЬНЕЕ (богаче) ДРУГИХ (быть); ИЗБРАННОСТЬ; в ОЩУЩЕНИИ (дело)* и др. Написание некоторых ключевых в плане воздействия слов с прописной буквы служит средством привлечения внимания адресата, акцентирования на логически значимых смысловых вехах в диалоге с ним: *Исходная Вера в Особый Путь; Наука, Технологии, Информация; эра Мирового Монополизма США* и др.

Для усиления аргументации журналист использует цифровые показатели как важное регулятивное средство, убеждая читателя в справедливости выдвинутого тезиса о меняющемся мироустройстве: *В 1990-м доля США в мировом ВВП – 22 %, КНР – 4 %. В 2013-м Китай догнал США – по 16 % у каждого и стал неумолимо обходить. «При Трампе» разрыв вырос с 2,1 % до 3,6 %.*

Одним из средств выражения диалогичности в статье является использование прецедентных текстов, к которым, в частности, относятся: *Вернем Америке былое величие (лозунг Д. Трампа); Все великое земное / Разлетается, как дым: / Ныне жребий выпал Трое, / Завтра выпадет другим...* (цитата из стихотворения В.А. Жуковского «Торжество победителей», перевод баллады Шиллера «Das Siegesfest», 1829).

Опора на широкий социально-исторический контекст делает эффективным и употребление различных эвфемизмов: *диссидент (о России, входящей «в эту Сверх-Цивилизацию»), Мировое Шоу года (о выборах президента в США); задача, названная Трампом 4 года назад; Атлантический, Белохристианский (Западный мир); Тем време-*

нем в США – постановки «1984»; с «новоязом» («черное и белое» не говорите); мыслепреступлениями, 5-минутками ненависти; война нового типа – без выстрелов и столкновений государств (о ситуации с ковидом). В целях воздействия на читателя умело употребляются различные эпитеты, среди которых есть метафорические: *звонкий слоган, 3 Мировая ковидная; Но Вечных Чемпионов, как и Конца Истории, – не бывает* и др.

Показательно, что Л. Радзиховский для воздействия на массового адресата и усиления регулятивного эффекта применяет различные сочетания регулятивных средств и структур. Сравним нанизывание определений в сочетании с графическими средствами: *К 1990-м сложилась уникальная ситуация Абсолютного Доминирования США: экономического, технологического, информационного, научного, идеологического, брендов и трендов.*

Особенно эффектны в медиатексте регулятивные структуры, которые привлекают внимание адресата и отражают метафорический стиль мышления журналиста:

– сочетание хиазма и графических средств регулятивности: *Идеология помогла Силе – Сила подтвердила идеологию;*

– использование метафор в сочетании с графическими средствами регулятивности: *Цивилизация остается – просто уже не задает дискурс миру, она сама в чем-то становится ПОДЧИНЕННОЙ; В этом смысле у США была Историческая Форя; Их Система много раз показывала способность к Перезагрузке, а кризисы могут как раз «взбадривать»; Тень Китая ложится на США, на Запад;*

– применение метафор в сочетании с анафорами и антитезой: *Европа весь XIX – начало XX века мучительно, зигзагами догоняла идеологию Французской Революции – изживала сословное общество. А в США его не было изначально... Европа истошала себя войнами – в США после Гражданской войны их не было, а 1 и 2 МВ их только обогатили и материально, и, что особенно важно, морально: они вступили в Западную Европу как Спасители...*

Таким образом, в статье Л. Радзиховского «Величие Америки» регулятивность как

системное качество медиатекста получает многоаспектное проявление, отражая идиостиль автора, его метафорический когнитивный потенциал, высокую речевую культуру, особенности мировосприятия, умение организовать диалог с массовым адресатом, управляя его познавательной деятельностью на основе стратегии последовательного приобщения адресата к позиции автора.

Чтобы показать многообразие средств репрезентации категории диалогичности газетно-публицистического текста на материале медиадискурса Леонида Радзиховского, обратимся к другой статье автора – «Русский след» (Радзиховский, 2020б). Поверхностный смысл этой статьи в «Российской газете» можно интерпретировать как размышления о современной ситуации в США в связи с обострением расовой проблемы. Глубинный смысл данного медиатекста – обусловленная исторически общность некоторых социальных табу в России XIX в. и США. В отличие от ранее рассмотренной статьи, автор использует здесь регулятивную лексическую макроструктуру имплицитного сравнительно-сопоставительного типа, неявно актуализируя свою интенцию, постепенно приобщая адресата к своей точке зрения.

Это достигается благодаря такому способу регулятивности, как конвергенция, при которой весь комплекс использованных автором средств ориентирован на одну цель. Неслучайно доминантой регулятивности в этом медиатексте является сравнение, например: *Морально-этические табу необходимы в общественном сознании, как, скажем, система аксиом в математической теории; массовая крестьянофилия, похожая на современную политкорректность.* При этом сравнение как регулятивная структура часто используется автором в сочетании с другими средствами и структурами:

– сравнение в сочетании с графическими средствами: *На рубеже XIX–XX веков Англия тоже выступала Мировым Моральным Лидером (хотя в меньшей мере, чем США на рубеже XX–XXI);*

– сравнение в сочетании с антитезой (противопоставлением ситуаций в России и США): *Бунину такое прощали, но писатель чином поменьше за такую ересь был бы*

сожжен на костре – как сегодня профессор Гарварда за невесторженный образ мысли в отношении негров;

– сравнение в сочетании с цифровыми регулятивными средствами: *Рабов в США перед освобождением было 4 млн. из 31 млн. населения, крепостных в России – 23 млн. из 80 млн. населения (а в «самой России» без окраин – из 65 млн.);*

– сравнение России и США, усиленное приемом повтора: *Рабство в США отменили в 1862–1865 гг., крепостное право в России – в 1861-м (использовано 2 раза); В России перед и особенно после падения крепостного права была массовая крестьянофилия, похожая на современную политкорректность (употреблено 2 раза).*

Как и в ранее рассмотренной статье, автор обращается к характерным для его стиля регулятивным средствам, расширяя их спектр и употребляя:

– графические средства – выделение ключевых слов прописными буквами: *СВОИ корпоративно-классовые интересы*, иногда используя их в сочетании с написанием отдельных слов со строчной буквой: *Но к Народу апеллировала и Монархия! Простое, безусловное ощущение СВОЕЙ легитимности размышлялось;*

– графические средства в сочетании с градацией: *Так шумно спорили друг с другом – от имени и во имя Великого Немого Народа – «народовольцы» сверху и снизу, справа и слева;*

– графические средства, усиленные иронией: *Раз у интеллигенции есть Мессианский комплекс – то нужен «спасаемый ею» и Избранный Народ;*

– окказионализмы: *СМИ-задворки; табу-история; крестьянофилия;*

– метафоры в сочетании с окказионализмами и иронией: *новейшая гимнастика в США – вставать на «рукопожатные колени» перед чернокожими; Еще важнее, что негры были отделены расовым рвом от американского общества;*

– метафорические эвфемизмы, образные перифразы: *Русский След в Америке* (трактует автором «как жесткая система социальных табу, характерная для России XIX века и США»); *моральные колени* (определяется

как «табу на любую критику расовых и сексменьшинств»);

– прецедентные тексты: *охота на русских ведьм; Священные коровы; разбуженный Народ;*

– аллюзии с романом Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: *«и мне это, сударь, в наслаждение», как говорил про такую позу Мармеладов* (иронически); с романом «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова: *«не корысти ради – а токмо волею пославшей мя жены», то есть во имя Народа.*

Из регулятивных структур в анализируемой статье автором использованы:

– риторический вопрос в сочетании с индивидуально-авторским новообразованием: *Интересно, будет ли сделан анализ политкорректного двоемыслия и связанных с ним невровоз?;*

– градация: *способен – жечь имения, «грабить награбленное» и идти за террористами (эсеры);*

– текстовая парадигма номинатов с градацией: *крестьяне, «глубинный народ», «меньшой брат», «серые зипуны» превратились в Священных коров.*

Таким образом, в статье «Русский след» Л. Радзиховского категория диалогичности реализуется с ориентацией на вдумчивого и культурного читателя с достаточно большим информационным тезаурусом, включая знание истории России, способного воспринимать не только поверхностный смысл медиатекста, но и глубинный, судя по многообразию и особенностям использованных автором средств и способов регулятивности. Индивидуально-авторские особенности проявляются в характерном для журналиста метафорическом когнитивном стиле, ярко выраженном личностном начале, масштабе и глубине информационного тезауруса, принадлежности к носителям элитарной речевой культуры.

В целом проведенный анализ регулятивности медиатекстов позволяет судить о том, что средства репрезентации категории диалогичности в рассмотренных статьях несколько отличаются от типовых средств выражения данной текстовой категории в газетно-публицистических текстах, отмеченных исследователями. Например, риторические и

восклицательные предложения, тропы, оценочные, стилистически окрашенные лексемы, лексемы, передающие эмоциональное состояние, отнесенные Л.Р. Дускаевой к периферийным средствам диалогичности газетных текстов [Дускаева, 2003, с. 136], в рассмотренных нами медиатекстах являются ключевыми, особенно важными в диалоге с адресатом.

Заключение

Коммуникативно-деятельностный подход к медиатексту, основанный на методике анализа регулятивности как системного качества текста, позволил выявить различные средства и способы организации диалога с массовым адресатом, характерные как для публицистического текста вообще, так и для стилистической манеры конкретного автора, «стоящего» за текстом.

Средства репрезентации категории диалогичности в медиатексте отличаются от средств выражения диалогичности в других типах текстов [Болотнова, 2017а], при этом языковая личность журналиста, коммуникативно-когнитивные особенности его идиостиля, ценностная картина мира становятся важными факторами, существенно влияющими на диалог с адресатом.

Категория диалогичности медиатекста в его газетно-публицистической разновидности характеризуется повышенной экспрессией и оценочностью, которые реализуются по-разному [Болотнова, 2017б]. Регулятивность медиатекстов и их воздействие на коллективного адресата могут существенно отличаться в зависимости от личности автора, его информационного поля, темы, жанра и других факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1990. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. С. 136–137.
- Барт Р., 2001. Лингвистика текста // Текст: аспекты изучения : Поэтика. Прагматика. Семантика. М. : URSS. С. 168–175.
- Бахтин М. М., 1997. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках : Опыт философского анализа // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. М. : Academia. С. 227–249.
- Болотнов А. В., 2015. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ЦНТИ. 274 с.
- Болотнова Н. С., 1998. О теории регулятивности художественного текста // Stylistyka. VII. S. 179–189.
- Болотнова Н. С., 2008. Теория регулятивности текста в современном научном контексте // Семантика и прагматика слова в художественном и публицистическом дискурсах : материалы IX Всерос. науч. семинара (25–26 апр. 2008 г.). Томск : Изд-во ЦНТИ. С. 151–160.
- Болотнова Н. С., 2009. Коммуникативная стилистика текста : слов.-тезаурус. М. : Флинта. 384 с.
- Болотнова Н. С., 2017а. Индивидуально-персонологические особенности публичной языковой личности как фактор воздействия в медиадискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 11 (188). С. 53–60. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-11-53-60.
- Болотнова Н. С., 2017б. Изучение воздействия медиадискурса публичной языковой личности на коллективного адресата (по данным экспериментов) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 7 (184). С. 32–40. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-32-40.
- Болотнова Н. С., 2018. Идиостиль журналиста // Медиалингвистика в терминах и понятиях : слов.-справ. / под ред. Л. Р. Дускаевой. М. : Флинта. С. 201–204.
- Болотнова Н. С., 2019. Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста. М. : Флинта. 156 с.
- Гаспаров Б. М., 1996. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение. 352 с.
- Дейк Т. ван, 1989. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс. 312 с.
- Дейк Т. А. ван, 2001. Вопросы прагматики текста // Текст: аспекты изучения : Поэтика. Прагматика. Семантика. М. : URSS. С. 90–167.
- Демьянков В. З., 1983. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. № 6. С. 58–76.
- Дускаева Л. Р., 2003. Категория диалогичности (функциональная семантико-стилистическая) // Стилистический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта. С. 130–139.
- Ионова С. В., 2005. Аппроксимация содержания как основное свойство вторичных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Вып. 4. С. 33–37.

- Ионова С. В., 2006. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 380 с.
- Казак М. Ю., 2014. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации типологии // Медиалингвистика. Вып. 1. С. 65–76.
- Каменская О. Л., 1990. Текст и коммуникация. М. : Высш. шк. 152 с.
- Карасик В. И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис. 390 с.
- Кожина М. Н., 1986. О диалогичности письменной научной речи. Пермь : ПГУ. 91 с.
- Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности, 2011 / под ред. Н. С. Болотновой. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та. 492 с.
- Сидоров Е. В., 1987. Проблемы речевой системности. М. : Наука. 140 с.
- Солганик Г. Я., 2003. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта. С. 312–315.
- Языковая личность и медиасреда : коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия, 2017 / под ред. Н. С. Болотновой. Томск : Изд-во Том. ЦНТИ. 248 с.
- filosofskogo analiza [Text Problem in Linguistics, Philology and Other Humanities. Experience of Philosophy Analysis]. Neroznak V.P., ed. *Russkaya slovesnost: ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya* [Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text. Anthology]. Moscow, Academia Publ., pp. 227-249.
- Bolotnov A.V., 2015. *Tekstovaya deyatelnost kak otrazhenie kommunikativnogo i kognitivnogo stiley informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti* [Textual Activity of Informational and Media Language Personality as a Reflection of Its Communicative and Cognitive Styles]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo TsNTI. 274 p.
- Bolotnova N.S., 1998. O teorii regulyativnosti khudozhestvennogo teksta [On the Theory of Regularity of a Literary Text]. *Stylistika*, VII, s. 179-189.
- Bolotnova N.S., 2008. Teoriya regulyativnosti teksta v sovremennom nauchnom kontekste [The Theory of Regulativity of a Text in a Present-Day Scientific Context]. *Semantika i pragmatika slova v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskursakh: materialy IX Vseros. nauch. seminara (25–26 apr. 2008 g.)* [Semantics and Pragmatics of a Word in Fiction and Publicistic Discourse. Proceedings of 9th All-Russian Scientific Seminar (April 25–26, 2008)]. Tomsk, Izd-vo TsNTI, pp.151-160.
- Bolotnova N.S., 2009. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slov.-tezaurus* [Communicative Stylistics of Text. Thesaurus]. Moscow, Flinta Publ. 384 p.
- Bolotnova N.S., 2017a. Individualno-personologicheskie osobennosti publichnoy yazykovoy lichnosti kak faktor vozdeystviya v mediadiskurse [Individual and Personological Characteristics of a Public Linguistic Personality as a Factor of Influence in Media Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 11 (188), pp. 53-60. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-11-53-60.
- Bolotnova N.S., 2017b. Izuchenie vozdeystviya mediadiskursa publichnoy yazykovoy lichnosti na kollektivnogo adresata (po dannym eksperimentov) [Study of the Impact of Media Discourse of a Public Language Personality on a Collective Addressee (According to Experiments)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], iss. 7 (184), pp. 32-40. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-32-40.
- Bolotnova N.S., 2018. Idiostil zhurnalista [Jornalist's Idiostyle]. Duskaeva L.R., ed. *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slov.-sprav.* [Medialinguistics in Terms and Concepts.

ИСТОЧНИКИ

- Радзиховский, 2020a* – Радзиховский Л. Величие Америки // Российская газета – Федеральный выпуск. 2020. 2 нояб. (№ 248 (8302)). URL: <https://rg.ru/2020/11/02/radzhivovskij-o-problemah-ssha-vechnyh-chempionov-ne-byvaet.html> (дата обращения: 11.11.2020).
- Радзиховский, 2020б* – Радзиховский Л. Русский след // Российская газета – Федеральный выпуск. 2020. 3 авг. (№ 170 (8224)). URL: <https://rg.ru/2020/08/03/radzhivovskij-moralno-eticheskie-tabu-neobhodimy-v-obshchestvennom-soznanii.html> (дата обращения: 11.11.2020).

REFERENCES

- Arutjunova N.D., 1990. Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 136-137.
- Bart R., 2001. Lingvistika teksta [Linguistic of the Text]. *Tekst: aspekty izucheniya: Poetika. Pragmatika. Semantika* [Text: Aspects of Study. Poetics. Pragmatics. Semantics]. Moscow, URSS Publ., pp. 168-175.
- Bakhtin M.M., 1997. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh: Opyt

- Dictionary-Reference]. Moscow, Flinta Publ., pp. 201-204.
- Bolotnova N.S., 2019. *Metodiki smyslovogo i lingvopragmaticheskogo analiza mediateksta* [Methods of Semantic and Linguopragmatic Analysis of Media Text]. Moscow, Flinta Publ. 156 p.
- Gasparov B.M., 1996. *Yazyk, pamjat, obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Linguistic Existence]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 352 p.
- Dejk T. van, 1989. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ. 312 p.
- Dejk T.A. van, 2001. Voprosy pragmatiki teksta [Questions of Text Pragmatics]. *Tekst: aspekty izuchenija: Poetika. Pragmatika. Semantika* [Text: Aspects of Study: Poetics. Pragmatics. Semantics]. Moscow, URSS, pp. 90-167.
- Demyankov V.Z., 1983. Ponimanie kak interpretiruyushchajya deyatel'nost' [Understanding as an Interpreting Activity]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of Linguistics], no. 6, pp. 58-76.
- Duskaeva L.R., 2003. Kategoriya dialogichnosti (funktsional'naya semantiko-stilisticheskaya) [The category of dialogicality (functional semantic-stylistic)]. Duskaeva L.R., ed. *Stilisticheskij slovar russkogo yazyka* [Stylistic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 130-139.
- Ionova S.V., 2005. Approksimatsiya sodержaniya kak osnovnoe sodержanie vtorichnykh tekstov [Approximation of Content as the Main Characteristic of Secondary Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], iss. 4, pp. 33-37.
- Ionova S.V., 2006. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov* [Approximation of the Content of Secondary Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 380 p.
- Kazak M. Yu., 2014. Sovremennye mediateksty: problemy identifikatsii, delimitatsii i tipologii [Modern Media Texts: Problems of Identification, Delimitation And Typology]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], iss. 1, pp. 65-76.
- Kamenskaya O.L., 1990. *Tekst i kommunikatsiya* [Text and Communication]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 152 p.
- Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circus: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow, Gnozis Publ. 390 p.
- Kozhina M.N., 1986. *O dialogichnosti pismennoy nauchnoy rechi* [On the Dialogic Nature of Written Scientific Speech]. Perm, PGU. 91 p.
- Bolotnova N.S., ed., 2011. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regulativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative Stylistics of Text: Lexical Regulativity in Textual Activity]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 492 p.
- Sidorov E.V., 1987. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of Speech Consistency]. Moscow, Nauka Publ. 140 p.
- Solganik G. Ya., 2003. Publitsisticheskij stil [Publicistic Style]. Kozhina M.N., ed. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar* [Stylistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Flinta Publ., pp. 312-315.
- Bolotnova N.S., ed., 2017. *Yazykovaya lichnost i mediasreda: kommunikativno-kognitivnye aspekty vzaimodeystviya* [Language Personality and Media Sphere: Communicative Cognitive Aspects of Collaboration]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo TsNTI. 248 p.

SOURCES

- Radzikhovskiy L. Velichie Ameriki [Greatness of America]. *Rossiyskaya gazeta – Federalnyy vypusk* [Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue], 2020, November 2, (no. 248 (8302)). URL: <https://rg.ru/2020/11/02/radzihovskij-o-problemah-ssha-vechnyh-chempionov-ne-byvaet.html> (accessed 11 November 2020).
- Radzikhovskiy L. Russkiy sled [Russian Trace]. *Rossiyskaya gazeta – Federalnyy vypusk* [Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue], 2020, August 3 (no. 170 (8224)). URL: <https://rg.ru/2020/08/03/radzihovskij-moralno-eticheskie-tabu-neobhodimy-v-obshchestvennom-soznanii.html> (accessed 11 November 2020).

Information About the Author

Nina S. Bolotnova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Tomsk State Pedagogical University, Kievskaya St, 60, 634061 Tomsk, Russia, nsb@tspu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4655-5194>

Информация об авторе

Нина Сергеевна Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Томский государственный педагогический университет, ул. Киевская, 60, 634061 г. Томск, Россия, nsb@tspu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4655-5194>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.3>

UDC 81'42:004.738.5
LBC 81.055.51.1

Submitted: 09.11.2020
Accepted: 12.01.2021

POTENTIAL OF TRANSFORMATIONS IN POLYCODE INTERNET MEME WITHIN THE EVENT-RELATED CONTEXT OF 2020¹

Oxana S. Issers

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Abstract. The article deals with a specific polycode text that functions in the field of virtual communication – Internet meme. The focus is on its regular transformations. Considering possible methodological approaches to the analysis of this phenomenon, the author comes to the conclusion about the efficiency of using the methodology of intertext linguistic theory. The essential characteristic of a meme is its transformational potential, which allows to create new meanings and use this communication unit in a wide range of relevant contexts. The polycode structure of a meme determines the spectrum of its potential transformations by changing the verbal and visual elements. The material of observations was one of the most popular memes of 2020 – “Get up, Natasha, we dropped everything”. The author identifies 8 meme transformations, which can be considered as regular: development of the visuals with the addition of a verbal element; contraction of the visuals with the same verbal element / transformation of the verbal element; the reframing of the context; pragmatic transformation; intertextual transformation, including the effect of meta-communication; reduction of the image with the same visual markers; reframing with the change of verbal and visual elements; adaptation of the meme in the media texts. The latter transformation indicates the successful inclusion of the Internet meme as a communication element of network coverse in modern discursive practices.

Key words: Internet meme, polycode text, meme 2020, media text, intertext, text transformations.

Citation. Issers O.S. Potential of Transformations in Polycode Internet Meme Within the Event-Related Context of 2020. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 26-41. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.3>

УДК 81'42:004.738.5
ББК 81.055.51.1

Дата поступления статьи: 09.11.2020
Дата принятия статьи: 12.01.2021

ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОЛИКОДОВОГО ИНТЕРНЕТ-МЕМА В СОБЫТИЙНОМ КОНТЕКСТЕ 2020 ГОДА¹

Оксана Сергеевна Иссерс

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Аннотация. Статья посвящена специфическому поликодовому тексту, функционирующему в сфере виртуальной коммуникации, – интернет-мему. В фокусе внимания находятся его регулярные трансформации. Рассматривая возможные методологические подходы к анализу данного феномена, автор приходит к выводу о продуктивности использования методологии лингвистической теории интертекста. Сущностным свойством мема является его трансформационный потенциал, который позволяет создавать новые смыслы и использовать эту коммуникационную единицу в широком спектре актуальных контекстов. Поликодовая структура мема определяет спектр его потенциальных трансформаций посредством изменения вербального и визуального компонентов. Материалом наблюдений стал один из популярных мемов 2020 года – «Вставай, Наташа, мы все уронили». Автор выделяет 8 трансформаций мема, которые можно рассматривать как регулярные: развертывание визуального ряда с добавлением вербального компонента; свертку визуального ряда с сохранением / трансформацией вербального компонента; рефрейминг контекста; прагматическую трансформацию; интертекстуальную трансформацию, в том числе с эффектом метакоммуникации; редукцию

изображения с сохранением визуальных маркеров; рефрейминг с изменением вербального и визуального компонентов; адаптацию мема в медиатекстах, которая указывает на успешное включение интернет-мема как коммуникационного элемента сетевого общения в современные дискурсивные практики.

Ключевые слова: интернет-мем, поликодовый текст, мем 2020 года, медиатекст, интертекст, трансформации текста.

Цитирование. Иссерс О. С. Потенциал трансформаций поликодового интернет-мема в событийном контексте 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 26–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.3>

Введение

Разные периоды социальной жизни оставляют неодинаковый след в развитии языка. История может отразиться в языковом сознании как период бурных языковых изменений или относительного затишья. Те временные срезы, которые оказывают длительное и мощное воздействие на развитие языка и коммуникационных процессов, представляются наиболее привлекательными для научного осмысления. Разумеется, большое видится на расстоянии и должно пройти время, чтобы можно было с научной точки зрения оценить произошедшие изменения. Однако для этого требуется своевременно зафиксировать новации в непосредственном наблюдении.

Такой социолингвистический подход стал особенно востребован, когда в России вслед за западными проектами стали реализовываться аналогичные проекты «Слово года». Точная хронологическая фиксация вхождения в язык тех или иных лексических единиц не единственная их задача. Важно и то, что в процессах развития языка отражается общественная оценка событий и явлений, которые были в фокусе общественного внимания в конкретный период. Эти наблюдения и исследования представляют междисциплинарный интерес – как для лингвистов, так и для политологов, социологов, социальных психологов, культурологов.

2020 год, без сомнения, стал более ярким в дискурсивном отношении, чем предшествующие. *Коронавирус* и охватившая мир пандемия оставили в языке не только лексический след – это широкая область для лингвистического анализа представлена целым рядом публикаций (см., например, тематический выпуск научного журнала «Коммуникативные исследования» № 3 за 2020 г.). События 2020 г. отразились в многочисленных мемах,

которые с мгновенной скоростью, доступной новейшим коммуникационным технологиям, распространились к интернет-пространству и породили бесчисленные трансформации. Например, одним из самых популярных мемов года стала картинка про Наташу и котов, которые «все уронили»: по запросу «Наташа, вставай» Google выдает более полумиллиона ссылок только на картинки.

Мемы, характеризующие определенный период, представляют интерес и как специфическая реакция сетевого сообщества на социально-экономические стимулы, и как коммуникационный феномен, в основе которого лежат процессы репликации и генерации новых смыслов посредством вербального и визуального кодов. Для осмысления этого феномена массовой культуры требуется обозначить исходные методологические позиции.

Материал и методы

Между теорией интертекста и мететикой: в поисках методологической базы

На современном этапе развития лингвистики и смежных гуманитарных наук деривационные процессы в языке привлекают повышенное внимание исследователей. На волне «постмодернистской революции», которая произошла в филологии в 70-е гг. XX в., весь процесс коммуникации стали рассматривать как проекции и ссылки одного текста на другой, поскольку все вместе они являются частью «всеобщего Текста» [Барт, 1989]. Динамическая модель отношений языковых объектов, в которых текст предстает как «генератор смыслов», объясняет многие механизмы смыслопорождения. Этот подход стал отправной точкой теории интертекстуальности, оформившейся в последней четверти XX века.

«Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [Барт, 1989, с. 388].

Западные идеи постструктурализма и постмодернизма (Ж. Дериды, М. Фуко, Р. Барта, Ж. Лакана, Ю. Кристева и др.) во многом опирались на отечественную лингвистическую традицию. В частности, новый термин – *интертекст* – был введен в научный оборот в 1967 г. Ю. Кристевой в работе, посвященной анализу статьи М.М. Бахтина «Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», написанной более 40 лет назад, в 1924 г. [Кристева, 2000]. По логике М.М. Бахтина, любое высказывание является звеном в цепи и вне этой цепи не может быть изучено [Бахтин, 1979, с. 340], «каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило» [Бахтин, 1975, с. 106]. Данный подход обуславливает интерес к трансформациям текста, его деривационной истории, которая не может быть осмыслена вне процессов коммуникации.

Лингвистическая теория Б.М. Гаспарова, открывшая новое направление в изучении взаимосвязей и взаимовлияний текстов (несмотря на то, что автор предпочитает обходиться без термина *интертекст*), базируется и на теории М.М. Бахтина, и на концепции постмодернистов о тексте как цитатной мозаике: «наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток “цитации”, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [Гаспаров, 1996, с. 14]. Особенностью языковой памяти является хранение в ней «коммуникативных фрагментов» – отрезков речи различной длины, которыми говорящий оперирует как готовыми блоками («стационарными частицами его языкового опыта») при создании и интерпретации высказываний. По мнению ученого, эти фрагменты обладают смысловой слитностью, коммуникативной заряженностью (способностью направлять течение коммуникации) и пластичностью [Гаспаров, 1996, с. 122].

Для нашего исследования актуально представление Б.М. Гаспарова о том, что в про-

цессе языковой деятельности говорящие как бы погружаются в окружающее их коммуникативное пространство, где черпают прототипические образы, ситуации в их жанровом и эмоциональном своеобразии, аналогии или находят прямые отсылки к прошлому языковому опыту (см. об этом: [Кузьмина, 1999, с. 17]).

Процеируя идеи Б.М. Гаспарова на генерацию и развитие интернет-мемов, можно рассматривать этот феномен именно как активизацию «коммуникативных фрагментов», которые выполняют аналогичную функцию. Их трансформационный потенциал обусловлен способностью адаптироваться к новым условиям («коммуникационная заряженность» и «пластичность», по Б.М. Гаспарову), работать «здесь и сейчас» над созданием новых смыслов. Механизм порождения нового смысла объясняется структурой коммуникативного фрагмента: он включает смысловое ядро и периферию, обладающую «рыхлой семантикой». Эта особенность структуры позволяет создавать пластичные переходы от одного ядра к другому: «рыхлость границ фрагмента, *способность его пластично изменять очертания* (выделено нами. – О. И.) создает предпосылку для тех срастаний и растворов, которые происходят с ним в высказывании» [Гаспаров, 1996, с. 128].

Несмотря на то что концепция Б.М. Гаспарова ориентирована на коммуникативное пространство вербального текста, она вполне приложима и к текстам неоднородной семиотической структуры, в частности поликодовым. Преобразование вербальных и визуальных составляющих смыслового ядра, а также эмоционально-оценочных компонентов протекста позволяет осуществить его разнообразные трансформации, изменить основные мотивы, с которыми установлены интертекстуальные связи, и генерировать новые смыслы.

Идеи интертекстуальности, сформировавшие теорию интертекста как самостоятельное научное направление, были высказаны примерно одновременно с концепциями меметики – в 70-х гг. прошлого века. Однако их существенное различие связано с методологическими установками. Если первое направление развивалось и развивается в рамках антропоцентризма и в качестве исходной посылки рассматривает культуру и коммуни-

кацию как сферу реализации креативной способности человека, то меметика сформировалась на базе эволюционной теории (в особенности популяционной генетики), проецируя биологические концепции на человеческую культуру.

В 1976 г. в книге «Эгоистичный ген» биолог Р. Докинз определил мим² (от древнегреч. *μιμητής* – «имитатор», «подражатель») как своеобразный аналог понятия гена в генетике, единицу передачи культурного наследия, способную к репликации: «Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [Докинз, 1993, с. 173]. По Докинзу, мем есть своего рода культурная универсалия и, таким образом, он является основным механизмом трансляции культурного наследия.

Вслед за Р. Докинзом, феномен спонтанной репликации единиц текстовой и визуальной информации привлек внимание американского когнитивиста Д. Хофштадтера, который также определил это понятие по сходству с биологическими процессами: как и в развитии живых существ, эволюция культуры рассматривается им как процесс создания дочерних структур на основе родительской «молекулы» (от лат. *replicatio* – «возобновление») [Hofstadter, 1996].

Однако с начала 2000-х гг. наблюдается формирование критического отношения к концепции меметики и самому ее статусу как научной дисциплины. Критики идеи «дарвинизации культуры» не считают обоснованным перенесение принципов генетики на анализ информационных процессов в других сферах. Так, Луис Бенитес Брибьеска, медик-исследователь из Мексики, определил меметику как «опасную идею»: по его мнению, она представляет «угрозу серьезным исследованиям проблем сознания и культурной эволюции», поскольку механизм мутации мемов достаточно непредсказуем, вносит хаос в эволюционный процесс [Benítez Vribiesca, 2001].

По мнению А. Ашкерова, вся «научность» меметики была и остается на уровне

яркой остроумной аналогии с «генами-репликаторами»: «Меметика навсегда застряла на уровне блестящего, публицистически броского сравнения ген-мем-вирус, эксплуатируя при этом все таящиеся в обществе подспудные страхи и опасения по поводу возможности манипуляции сознанием научными методами» (цит. по: [Савицкая, 2013]). Доказательством методологической неопределенности научной концепции стало прекращение выпуска издания «Journal of Memetics» в 2005 г. с публикацией в последнем номере статьи Брюса Эдмондса, подводящей неутешительный итог научных поисков апологетов меметики [Edmonds, 2005].

Перспективы возрождения меметики и междисциплинарного изучения интернет-мемов, на наш взгляд, намечены И. Вершининым. По его мнению, «меметика может получить новую жизнь, если будет четкий объект изучения, который можно наблюдать, измерить и подвергать воздействию» [Вершинин].

Таким образом, методология лингвистической теории интертекста, на наш взгляд, в гораздо большей степени отвечает задачам изучения структур, называемых мемами, чем меметика, впервые избравшая их в качестве объекта научного изучения. «Коммуникационная заряженность» и «пластичность», по Гаспарову, определяют сущностное свойство мема – его трансформационный потенциал. Последний же создает возможности для генерации новых смыслов, адаптации к новым коммуникативным задачам и функционирования в разнообразных типах текстов.

От смешного до серьезного: в поисках функции

Тупиковая ситуация с меметикой как научной концепцией не повлияла ни на существование самого феномена мема, ни на утрату исследовательского интереса к нему. Напротив, с бурным развитием в середине 2000-х гг. интернет-коммуникаций, с их ускоренными в сотни раз возможностями передачи информации внимание к феномену мема, его функционированию в медиапространстве и трансформационному потенциалу только усилилось.

Как считают исследователи, в современной коммуникации функция мемов обусловлена их влиянием на массовое сознание. Мемы стали «мощным, хотя и скрытым фактором формирования общественного мнения и шире – современной ментальности; иначе говоря, социально-культурным явлением, с которым нельзя не считаться» [Савицкая, 2013].

Т.Е. Савицкая полагает, что на стадии зарождения мем выполняет функцию группового идентификатора («субкультурного маркера»), поскольку для его понимания требуется знание конкретного культурного контекста: «мем формирует демаркационную линию между «своими» и «чужими». Эффект распространения мема в медиaprостранстве также в большинстве случаев объясняется потребностью в культурно-групповой идентификации. Исследователь акцентирует внимание на том, что «в свободном коммуникативном пространстве интернета успешный мем быстро вырывается из “субкультурного гетто” и “растекается по блогосфере”... Такой мем-клише, речевой или визуальный штамп, по сути, превращается в информационный вирус» [Савицкая, 2013].

Рассматривая интернет-мем в аспекте его юмористического потенциала, Ю.В. Щурина отмечает, что возможность групповой идентификации обусловлена общей когнитивной базой – знанием прецедентного феномена: «Эффективность коммуникации в этом случае прямо зависит от умения интернет-пользователя осуществить экспликацию скрытых культурных коннотаций мема, восстановить те ассоциативные связи, которыми обеспечен комический эффект» [Щурина, 2012, с. 163].

В этом же направлении выстраивает свои размышления И.В. Ксенофонтова. Анализируя стереотипные комментарии в блогах, она приходит к выводу: «Человек просто ставит в комментарии культурный код, предъявляя реципиентам сразу два сообщения: “я – свой” и свое закодированное отношение. Знание мемов считается в каком-то смысле необходимым для “выживания” в культурном пространстве» [Ксенофонтова, 2009, с. 287].

Другая функция интернет-мема, не противоречащая названной выше, связана с его развлекательной, игровой направлен-

ностью. По мнению А.А. Сычева, она способствует актуализации в Сети смеховой стихии [Сычев].

Однако этим не ограничивается функциональная нагруженность текстов-мемов. «Почему же мем оказался столь успешным приемником анекдота в его роли орудия активизации общественного самосознания и гражданской активности?» – задается вопросом Т.Е. Савицкая, тем самым намечая еще одну не менее актуальную функцию интернет-мема. Мем становится не только идентифицирующим культурным кодом, но и транслятором общественно значимых идей, идеологической позиции, что позволяет рассматривать эти тексты как инструменты в различных типах коммуникации, в том числе и политической. Именно в этой функции они проникают в медиатексты и воспринимаются адресатом как сигнал отнюдь не развлекательного дискурса.

Кроме того, арсенал актуальных мемов активно используется в качестве инструмента маркетинга, рекламы и PR. Как отмечает Е.М. Забалуева, мемы находят применение в маркетинговых стратегиях компаний, осуществляющих свою деятельность в самых различных сферах – коммерческой, туристической, финансовой и др. [Забалуева, 2018, с. 280].

Задача нашего исследования – проследить возможные трансформации поликодового мема, содержащего вербальный и визуальный компоненты, с момента зарождения до вхождения в медиатексты, с учетом изменений его плана выражения и плана содержания. В качестве материала исследования использован мем, вошедший в ТОП мемов 2020 г., – *Вставай, Наташа. Мы все уронили*, в его разнообразных трансформациях, бытующих в медиaprостранстве.

Трансформации мемов разной семиотической природы не раз попадали в поле исследовательского интереса. Это неслучайно: специфика мема как элемента современной массовой культуры как раз и заключается в том, что он, по мнению К. Турковой, «всегда точно характеризует какую-то конкретную историю и в то же время оказывается применим к другим частным ситуациям... <...> Непредсказуемость и спонтанность распространения “вируса” можно считать самой инте-

ресной составляющей мема» (Как устроена...). Именно эти свойства Б.М. Гаспаров называл «коммуникационной заряженностью» и «пластичностью» (см. об этом выше).

Е.А. Нежура отмечает, что эксперименты с креолизованными текстами, в том числе мемами, являются типичными для виртуального общения, при этом наблюдается как появление новых знаков поликодовой природы, так и вторичный семиозис уже имеющихся языковых и неязыковых единиц [Нежура, 2012]. В частности, одной из популярных трансформаций визуального образа (фото или картинка) является так называемая «фотожаба» – изменение исходного изображения при помощи графического редактора [Щурина, 2012]. Ю.В. Щурина рассматривает возможности лексической и графической трансформации «мемиемов» – комических видеосюжетов, которые могут обретать новые интерпретации. Среди поликодовых комических интернет-жанров автор выделяет эдвайсы и демотиваторы: при сохранении визуального образа-рамки они активно трансформируются за счет вербальной составляющей текста [Щурина, 2013].

Однако при неослабевающем внимании к феномену мема его трансформационный потенциал и последовательность деривационных этапов еще не стали объектом пристального внимания исследователей.

Хронологическая привязка к конкретному периоду (2020 г.) позволяет продемонстрировать реальные трансформации конкретного мема на уровне формы и содержания в неразрывной и закономерной связи с социокультурным и общественно-политическим контекстом.

Результаты и обсуждение

Трансформации интернет-мемов в событийном контексте 2020 года

Ушедший год, без сомнения, оставил неизгладимый след во всех сферах социально-политической жизни планеты. В первую очередь это связано с глобальным событием – пандемией, охватившей все без исключения страны в первые месяцы 2020 года. Кроме новостей о распространении коронавирусной

инфекции, не менее значимыми для российского общества были сообщения об обвале рубля и обнулении президентских сроков.

Запоминающимся этот год стал и в лингвистическом смысле – как в России, так и за рубежом. В частности, пополнился новообразованиями лексический фонд (*ковид*, *«корона»*, *ковидодиссиденты*, *масочно-перчаточный режим*, *антительный* (о людях) и др.), трансформировались такие концепты, как самоизоляция, социальная дистанция и т. д. В общественном сознании выкристаллизовались новые символы Добра и Зла: на одном полюсе – *врачи*, *медики*, *дистанционное / гибридное обучение*, *маски*, на другом – *летучие мыши*, *прогулки*, *шашилки* (в период первомайских праздников, по мнению эпидемиологов, они способствовали распространению инфекции). Призыв *Не общайтесь с пожилыми родителями!* никогда ранее не звучал так позитивно в контексте социальной ответственности. Новые явления в языке и коммуникации сразу же попали в поле лингвистического наблюдения [Балашова, 2020; Зайцева, 2020; Куссе, 2020; Радбиль, 2020; Савченко, Лай Янь-Цзюнь, 2020; Северская, 2020; и др.]. Преимущественно дистантные технологии коммуникации в образовательной и деловой сферах сформировали соответствующие сетевые практики общения [Кронгауз, 2020].

На фоне многообразных языковых и дискурсивных новаций, актуальных для 2020 г., интернет-мемы также являются репрезентативным материалом для воссоздания «коммуникативного ландшафта» одного года (в терминологии Х. Куссе), помогают понять, как в общественном сознании отразились события рассматриваемого периода.

На рисунке 1 представлен топ-20 мемов, которые, по данным компьютерной базы СМИ «Медиалогия», чаще всего использовало сетевое сообщество в 2020 г. (Лучшие мемы...). Количество сообщений с этими «знаками текущего момента» исчисляется десятками и сотнями тысяч.

Одним из самых популярных в первом полугодии 2020 г. стал шестипанельный комикс с несколькими котами. Они как бы обращаются к хозяйке и говорят: «Наташ, мы все уронили. Мы уронили вообще все, честно» (см. рис. 2).

ТОП-20 МЕМОВ В СОЦСЕТЯХ ЗА 2020 ГОД

№	Мем	Кол-во сообщений, тыс.
1	Обнуление	5 377,9
2	Билл Гейтс и Чипирование	873,7
3	АУФ	521,5
4	Печенег и половцы	419,9
5	Наташа, мы всё уронили	305,7
6	Вы не понимаете, это другое	257,5
7	Безумно можно быть первым	252,0
8	Ведьмаку заплатите чеканной монетой	230,7
9	Плачу на техно	228,7
10	2020, уходи	163,2
11	Загадка от Жака Фреско	160,6
12	Гуччи флип флап	141,2
13	Природа настолько очистилась	109,6
14	Батут работает	107,7
15	Танцующие носильщики гробов	104,9
16	Саша 3%	87,9
17	Коля Лукашенко	86,7
18	Просто здравствуй, просто как дела	73,4
19	Вот это папапаповорот	45,2
20	Расчленинград	38,8

Данные по социальным сетям: Facebook, Instagram, Вконтакте, Одноклассники, Telegram, YouTube, TikTok, Twitter. Период: январь - декабрь 2020 года. © Медиалогия

Рис. 1. Топ-20 мемов в соцсетях за 2020 г.
Fig. 1. Top 20 memes in social networks for 2020

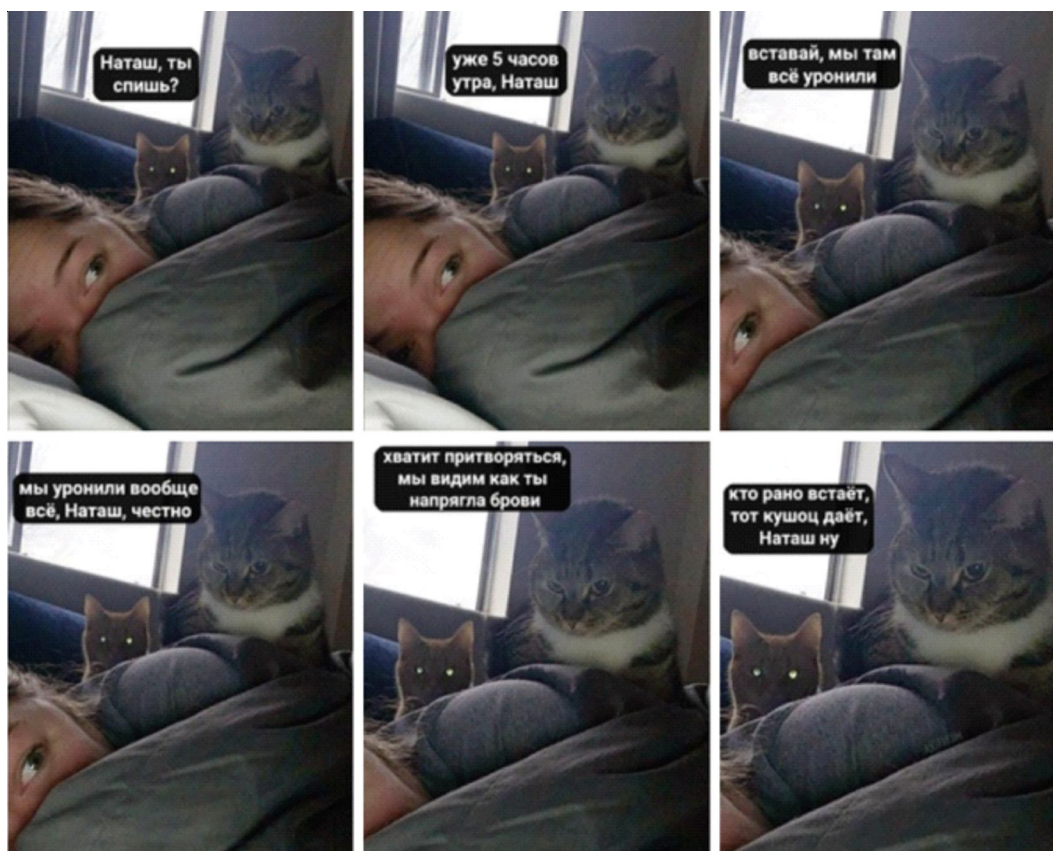

Рис. 2. Трансформация 1: развертывание фотографии в комикс
Fig. 2. Transformation 1: unfolding a photo into a comic

У этого комикса есть визуальный прототекст: в декабре 2019 г. в паблике «Котизм» появилась фотография укрывшейся одеялом девушки и сидящими рядом с ней двумя котами. Для создания комикса авторы добавили реплики животных, усиливающие комический эффект фотографии. В первой поликодовой версии животные сообщали, что «уронили вообще все», и просили хозяйку не притворяться спящей, а покормить их. Заметим, что *Наташа* – не конкретное имя героини, а абстрактный персонаж, к которому нередко обращаются герои «Котизма». Ее часто можно встретить в комиксах сообщества. Таким образом, первая трансформация фотографии-прототекста происходит за счет включения вербального компонента и **сюжетного развертывания**: из статичного изображения адресату предлагается некий сюжет про историю с засоней-хозяйкой и ненакормленными котами. Смешная картинка могла бы остаться традиционным для интернет-коммуникации поводом улыбнуться в составе другого развлекательного контента, однако ее судьба сложилась иначе.

Шуточный комикс про то, как коты «все уронили», разошелся по соцсетям. Спустя 2–3 месяца появляется следующая версия мема (рис. 3).

За счет компрессии («свертки») комикс с шестью картинками превращается в одну, но визуально более выразительную: котов уже не два, а четыре (и это другие коты), и ракурс выбран такой, что они смотрят сверху вниз на хозяйку, которой в кадре нет. Взгляд котов направлен, по сути, прицельно на адресата, что усиливает воздействующий эффект. Изменился и вербальный компонент текста: «просьба» котов о том, чтобы их накормили, редуцируется на фоне неизменного призыва *Вставай, мы там все уронили!* Таким образом, во второй версии актуализируется семантика тревоги: произошло что-то неконтролируемое, надо срочно восстановить контроль над ситуацией. На этом этапе происходит дальнейший отрыв и от фотографии-прототекста, и от версии комикса с его конкретным бытовым контекстом, однако расширяются возможные приложения изображения к новым ситуациям.

В первые месяцы 2020 г. мем не просто сохраняет свою актуальность, но активно вовлекается в **рефрейминг** – изменение ситуативной рамки. Впервые в контексте новостей мем появился в конце февраля, когда произошел масштабный обвал мировых рынков из-за COVID-19. Последующим инфоповодом для рефрейминга становятся текущие события, например обвал рубля, произошедший 9 марта после обвала цен на нефть (см. рис. 4).

Рис. 3. Трансформация 2: «свертка»
Fig. 3. Transformation 2: “convolution”

Рис. 4. Трансформация 3: рефрейминг

Fig. 4. Transformation 3: reframing

Картинка становится шаблоном для генерации новых смыслов, ориентированных на социально-политическую и экономическую ситуации. При сохранении визуального ряда в вербальный шаблон добавляются новые компоненты-реплики, отсылающие к актуальному событию. Одновременно происходит развитие метафорических смыслов ключевых реплик: *Мы все уронили* употреблено уже не в прямом, а в переносном значении (*уронить* – 1. кого-что. к Ронять. *У. платок, чашку. У. в траву. У. палатку. Уронил где-то кошелек. У. голову на подушку. У. достоинство.* 2. что. Разг. Привести в упадок, расстроить (дела, хозяйство и т. п.). *У. хозяйство. У. дело* (Большой толковый словарь...).

9 марта 2020 г. президент В.В. Путин согласился с обнулением президентских сроков – поправкой в Конституцию, которую Госдума уже приняла вместе с остальными внесенными поправками. Картинка про котиков оказалась актуальной и в этой ситуации, однако при сохранении визуального шаблона вербальный компонент трансформировался: *уронили* было заменено на актуальное *обнулили*. Отметим, что изменился и прагматический компонент текста: в отличие от прежнего призыва-побудки в связи с неприятными событиями, данное сообщение вос-

принимается как позитивный повод для пробуждения (см. рис. 5, а).

Изменение иллюкутивной силы исходного мема наблюдается и в иной версии (см. рис. 5, б), где в контексте принимаемых правительством ограничительных мер коты призывают хозяйку к обратному действию – «не вставать»: *Полежи еще, Наташ. Не вставай. Сиди дома, там все закрыли*. Примеры на рисунке 5 можно рассматривать как особую – **прагматическую** – трансформацию мема, связанную с изменением иллюкутивной силы высказывания.

В первые месяцы 2020 г. мем стал своеобразным символом информационной повестки в России: при сохранении визуального шаблона изменялся лишь вербальный компонент, однако оставалась стабильной семантика непрогнозируемого неприятного / печального результата (в случае с рублем *все уронили* менялось на *все обвалили*, с Путиным – на *все обнулили*, с самоизоляцией – *все закрыли* и *все самоизолировались* и т. д.). Трансформационный потенциал мема, на наш взгляд, был обусловлен прагматической составляющей поликодового текста: оказалось, что изображение нетерпеливых котиков – вестников тревожных событий и не слишком приятных новостей – отлично подходит и к другим ситуациям.

Рис. 5. Прагматическая трансформация
Fig. 5. Pragmatic transformation

В апреле 2020 г. мем используется в контексте новых информационных поводов, в частности это речь президента В.В. Путина по поводу пандемии, где грядущая победа над «заразой коронавирусной» сравнивается с исторической победой над печенегам и половцами: «Наша страна не раз проходила через серьезные испытания: и печенеги ее терзали, и половцы, – со всем справилась Россия. Победим и эту заразу коронавирусную» (Владимир Путин...). Примечательно, что само президентское высказывание о врагах родины немедленно стало мемом и разошлось по сетям (см. рис. 1; по данным «Медиалогии», оно занимает 4-е место). В данном случае мы видим новую трансформацию – **интертекстуальную**, основанную на взаимодействии мемов, актуальных для конкретного периода (см. рис. 6, а).

Подобное взаимодействие возможно и с деактуализированными мемами – как отсылка к коммуникативным паттернам предшествующего периода. Так, слово-обращение *Карл* было одним из актуальных мемов 2015 года (Беженцы, санкции...). Мем использовался в серии картинок, представляющих диалог между отцом и сыном по имени Карл.

Впоследствии обращение *Карл* стало использоваться самостоятельно в качестве завершения фразы для выражения возмущения или просто чтобы подчеркнуть неожиданность, невероятность ситуации (Словарь языка интернета.ru, 2016, с. 51). В контексте иронического осмысления новых «мемотрендов» можно отметить метакоммуникационную трансформацию мема (см. рис. 6, б). В рамках из трех кинофрагментов использован известный мем про Карла, который вводится в актуальный контекст 2020 года. Вопрос *Знаешь, что они теперь говорят вместо «Карл»?* указывает на функциональную тождественность обоих феноменов творчества.

Акцент на вербальном компоненте поликодового текста обусловил такую трансформацию, как **редукция визуального ряда**: напоминанием о прототексте-фотографии и комиксе является только символическая фигура кота, теперь уже одного (см. рис. 7).

Следующая трансформация обнаруживает **рефрейминг как вербального, так и визуального шаблона**: вместо четырех котиков сверху вниз на адресата смотрят полицейские (см. рис. 8). Сюжет связан с введением в апреле 2020 г. в Москве цифровых

Рис. 6. Интертекстуальная трансформация – взаимодействие мемов и эффекты метакommunikации
 Fig. 6. Intertextual transformation – meme interaction and metacommunication effects

Рис. 7. Обвал фондовых рынков в «рамке» интернет-мема: редукция визуальных символов
 Fig. 7. Stock market crash in the “frame” of an Internet meme: reduction of visual symbols

пропусков, которое привело к скоплению людей на станциях метро. Прагматический потенциал данного поликодового текста коррелирует с предшествующими мемами-картинками (см. рис. 3, 4), где призыв *вставай / вставайте* является сигналом тревоги. Обращение к мэру Москвы С.С. Собянину имплицитно указывает на ответственного за ситуацию, что позволяет рассматривать дан-

ный поликодовый текст как выражение критического отношения к столичным властям.

Таким образом, через многочисленные трансформации вербального и визуального компонентов источник мема – фотография спящей девушки с будящими ее котами – полностью изменил и свою форму, и свое содержание. Стержнем и стимулом для деривационной истории данного текста, на основе ко-

Рис. 8. Рефрейминг вербального и визуального шаблонов

Fig. 8. Reframing verbal and visual patterns

того происходили многочисленные трансформации, стала, по сути, иллюкативная сила высказывания и визуальная рамка – ракурс.

В результате перечисленных трансформаций мем *Вставай, Наташа. Мы все уронили* оказался понятен и без картинок с котами, освободившись таким образом от визуальной «поддержки».

Пермская группа «НеКРОВАТЬ» исполнила песню про Наташу и котов, которые все уронили, представив, таким образом, новую, **жанровую** трансформацию:

Наташа, мы все уронили, вставай!
 Кастрюли, цветы и немножечко рубль,
 Наташа, смотри, что теперь с нами будет?
 Наташа, вставай!
 Все, все вообще, все!
 Все, все вообще, все!
 Все-все, уронили уже.
 Наташа, вставай! (<https://59.ru/text/entertainment/69293800/>)

Закономерным заключительным этапом проникновения популярного мема в медиaprостранство становится его появление в текстах традиционных и новых медиа, в том числе и в сильных позициях – заголовочных комплексах и лидах.

Интертекстуальные отсылки в медиатекстах представлены по-разному:

– могут включаться в заголовок и содержать фрагмент текста-источника с указанием его жанра – мема:

(1) «Наташа, мы все уронили, вообще все». Мэр Исаев велел починить набережную – ее смыло.

На этот раз больше всего досталось участку набережной под мостом. Там вообще все смыло, как в меме: «Наташа, мы все уронили, вообще все». Лестницы, асфальт, бордюры, часть песчаного пляжа, кони, люди и т. д. (<https://fn-volga.ru/news/view/id/147089>);

– могут редуцироваться до ключевых слов – маркеров мема: *Наташа; вставай; все уронили*:

(2) Наташ, мы все уронили: мотоциклетный рынок упал за месяц... (https://www.motogonki.ru/motonews/5-05-2020_natash_my_vse_uronili_motocikletnyj_rynok_upal_za_mesjac_na_80-97_iz-za_covid-19.html);

– могут трансформироваться посредством замены отдельных ключевых слов:

(3)

а) «Новый папа»: вставай, понтифик, мы там все уронили.

Выход сериала «Молодой папа» Паоло Соррентино с Джудом Лоу в главной роли почти четыре года назад был сродни взорвавшейся бомбе. Потому что никто до созерцателя и художника Соррентино не осмеливался показать католическую церковь именно такой – без купюр, но с любовью и вниманием к деталям (<https://sakhalin.info/weekly/189124>);

б) «Наташ, мы там нефть уронили». Как в соцсетях отреагировали на падение цены на нефть (https://tvrain.ru/teleshov/notes/kak_v_sotssetjah_otreagirowali_na_padenie_tseny_na_neft-507267/);

в) Наташ, мы уронили ecommerce, или как помочь своему интернет-магазину взлететь (<https://vc.ru/trade/139910-natash-my-uronili-ecommerce-ili-kak-pomoch-svoemu-internet-magazinu-vzletet>).

При этом даже не требуется упоминания сферы-источника цитаты и оформления в кавычках прецедентного текста. Это показывает, что мем стал освоенным массовой аудиторией, вошел в современные речевые практики и опознается большинством читателей.

Следующим этапом становится использование только вербальных сигналов-триггеров, редуцирующих цитату-мем до ключевых слов: *(все) уронили, вставай, Наташа*. Какой срок отпущен этим «знакам текущего момента», предсказать трудно. Однако сам факт их нахождения в медийном пространстве на протяжении года позволяет говорить о концентрации в них важных смыслов, актуальных для массового сознания.

Заключение

Наблюдение за трансформациями популярного интернет-мема 2020 г. продемонстрировало одно из существенных свойств данной поликодовой единицы – ее способность меняться на уровне формы и содержания, обеспечивая вторичный семиозис вербальных и визуальных знаков. В ходе исследования были выявлены несколько этапов трансформации исходного текста: развертывание визуального ряда в сочетании с добавлением вербального компонента; свертка визуального ряда с сохранением / трансформацией вербального компонента; рефрейминг контекста, обеспечивающий использование мема в широком спектре актуальных ситуаций; прагматическая трансформация, приводящая к изменению иллюкативной силы высказывания; интертекстуальная трансформация, в том числе с эффектом метакommunikации; редукция / трансформация изображения с сохранением визуальных маркеров; рефрейминг с изменением вербального и визуального компонентов; адаптация мема в текстах иных сфер и жанров.

Особую значимость имеет вхождение мема в медиатексты, причем во многих случаях – с минимальными интертекстуальными сигналами, сообщающими о связи с про-

тотекстом. Это говорит об успешной адаптации интернет-мема, заимствованного из сетевого общения, к современным дискурсивным практикам массовой коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

The presented research was supported by Saint Petersburg State University, project № 75254082 “Modeling of Russian megapolis citizens’ communicative behavior in social, speech and pragmatic aspects using artificial intelligence methods”.

² В российском издании 1993 г. термин, предложенный Р. Докинзом, был переведен как «мим»; в более поздних русскоязычных публикациях, посвященных различным аспектам меметики, закрепилось написание «мем».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балашова Л. В., 2020. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В.В. Путина // Коммуникативные исследования. Т. 7, № 4. С. 777–800. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).777-800.
- Барт Р., 1989. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс. 616 с.
- Бахтин М. М., 1975. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет. М. : Худож. лит. 502 с.
- Бахтин М. М., 1979. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М. : Искусство. 423 с.
- Вершинин И. На грани науки и увлечения. URL: <https://sciencepop.ru/na-grani-nauki-i-uvlecheniya-memetika/> (дата обращения: 08.11.2020).
- Гаспаров Б. М., 1996. Язык, память, образ : Лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение. 352 с.
- Докинз Р., 1993. Эгоистичный ген. М. : Мир. Ред. лит. по биологии. 318 с.
- Забалуева Е., 2018. Интернет-мем как социальное явление // Психолого-педагогическая деятельность : сферы сотрудничества и взаимодействия : материалы IV Межрегион. заоч. интернет-конф. с междунар. участием. Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та. С. 278–281.

- Зайцева И. П., 2020. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // *Коммуникативные исследования*. Т. 7, № 4. С. 801–813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813.
- Кристева Ю., 2000. Бахтин, слово, диалог и роман // *Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму*. М. : Прогресс. С. 427–457.
- Кронгауз М. А., 2020. Screenlife в эпоху карантина // *Коммуникативные исследования*. Т. 7, № 4. С. 735–744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.
- Ксенофонтова И. В., 2009. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // *Интернет и фольклор : сб. ст. / отв. ред. А. С. Каргин*. М. : ГРЦРФ. С. 285–293.
- Кузьмина Н. А., 1999. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Омск : Омский гос. ун-т. 268 с.
- Куссе Х., 2020. Языковой ландшафт коронакризиса в Германии // *Коммуникативные исследования*. Т. 7, № 4. С. 814–845. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).814-845.
- Нежура Е. А. 2012. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве Интернета // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. № 2. С. 47–52.
- Радбиль Т. Б., 2020. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // *Коммуникативные исследования*. Т. 7, № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
- Савицкая Т. Е., 2013. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // *НИЦ Информкультура РГБ*. URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvms3.pdf (дата обращения: 08.11.2020).
- Савченко А. В., Лай Янь-Цзюнь, 2020. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) // *Коммуникативные исследования*. Т. 7, № 4. С. 865–886. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886.
- Северская О. И., 2020. Ковидиоты на карантинных площадях: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // *Коммуникативные исследования*. Т. 7, № 4. С. 887–906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.
- Сычев А. А. Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект. URL: <http://www.abc-globe.com/sichev.htm> (дата обращения: 23.10.2020).
- Щурина Ю. В., 2012. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // *Научный диалог*. № 3. С. 160–172.
- Щурина Ю. В., 2013. Интернет-мем как средство межкультурной коммуникации // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. № 6 (81). С. 34–38.
- Benítez Bribiesca L., 2001. Memetics: A Dangerous Idea // *Interciencia*. Vol. 26 (1). P. 29–31.
- Edmonds B., 2005. The Revealed Poverty of the Gnome Analogy: Why Memetics per se Failed to Produce Substantive Results // *Journal of Memetics – Evolutionary Models of Information Transmission*. Vol. 9 (1). P. 1–4.
- Hofstadter D. R., 1996. *Metamagical Themas: Questing for the Essence of Mind and Pattern*. N. Y. : Trade Paperback. 824 p.

ИСТОЧНИКИ

- Беженцы, санкции и Карл вошли в ТОП «Слова года – 2015». URL: http://news.sevas.com/world/konkurs_slovo_goda_2015_itogi (дата обращения: 08.11.2020).
- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. 1-е изд. СПб. : Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 08.11.2020).
- Владимир Путин о борьбе с коронавирусом в России. URL: <https://www.interfax.ru/quotes/703198> (дата обращения: 08.11.2020).
- Как устроена индустрия мемов и можно ли на них заработать. URL: <https://style.rbc.ru/life/5d3b25039a794707645e1d4d> (дата обращения: 08.11.2020).
- Лучшие мемы 2020 года. URL: <https://vc.ru/social/192449-luchshie-memy-2020-goda> (дата обращения: 08.11.2020).
- Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. М. : АСТ : ПРЕСС-КНИГА, 2016. 288 с.

REFERENCES

- Balashova L.V., 2020. Militarnaya metafora kak sposob formirovaniya kontsepta KOVID-19 v rechi V.V. Putina [Military Metaphor as a Way of COVID-19 Concept Formation in the Speech of V.V. Putin]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 4, pp. 777-800. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).777-800.
- Barthes R., 1989. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics, Poetics]. Moscow, Progress Publ. 616 p.

- Bakhtin M.M., 1975. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Issues of Literature and Aesthetics: Studies of Various Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. 502 p.
- Bakhtin M.M., 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Written Word]. Moscow, Iskusstvo Publ. 423 p.
- Vershinin I. *Na grani nauki i uvlecheniya* [On the Edge of Science and Hobby]. URL: <https://sciencepop.ru/na-grani-nauki-i-uvlecheniya-memetika/> (accessed 8 November 2020).
- Gasparov B.M., 1996. *Yazyk, pamyat, obraz: Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image: Linguistics of Lingual Being]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 352 p.
- Dawkins R., 1993. *Egoistichnyi gen* [The Selfish Gene]. Moscow, Mir. Redaktsiya literatury po biologii. 318 p.
- Zabalueva E., 2018. Internet-mem kak sotsialnoe yavlenie [Internet Meme as a Social Phenomenon]. *Psikhologo-pedagogicheskaya deyatelnost: sfery sotrudnichestva i vzaimodeistviya: materialy IV Mezhdunar. uchastiem* [Psychological and Pedagogical Activity: Spheres of Cooperation and Interaction: Materials of the 4th Inter-Regional Remote Internet Conference with International Contribution]. Kostroma, Izd-vo Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 278-281.
- Zaitseva I.P., 2020. "Koronapsikhoz", "koronaskeptiki", "covidism", "covidophobia" i drugie sotsiolingvisticheskie markery 2020 g. ["Corona-Psychosis", "Corona-Skeptics", "Covidism", "Covidophobia" and Other Sociolinguistic Markers of 2020]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 4, pp. 801-813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813.
- Kristeva Yu., 2000. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, Word, Dialogue and Novel]. *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Post-Structuralism]. Moscow, Progress Publ., pp. 427-457.
- Krongauz M.A., 2020. Screenlife v epokhu karantina [Screenlife in the Time of Quarantine]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 4, pp. 735-744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.
- Ksenofontova I.V., 2009. Spetsifika kommunikatsii v usloviyakh anonimnosti: memetika, imidzhbordy, trolling [Specifics of Communication under Anonymity: Memetics, Imageboards, Trolling]. Kargin A.S., ed. *Internet i folklor: sb. st.* [Internet and Folklore. Collection of Articles]. Moscow, GRTsRF, pp. 285-293.
- Kuzmina N.A., 1999. *Intertekst i ego rol v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and Its Role in the Evolution Processes of the Poetic Language]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta, Omsk, Omskiy gosudarstvennyy universitet. 268 p.
- Kusse H., 2020. Yazykovoi landshaft koronakrizisa v Germanii [Language Landscape of Coronacrisis in Germany]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 4, pp. 814-845. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).814-845.
- Nezhura E.A., 2012. Novye tipy kreolizovannykh tekstov v kommunikativnom prostranstve Interneta [New Types of Creolized Texts in Communicative Space of the Internet]. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Language Theory and Intercultural Communication], no. 2, pp. 47-52.
- Radbil T.B., 2020. "Samoizolyatsiya" kak noveishii russkii kul'turnyi kontsept: kognitivno-diskursivnyi aspekt ["Self-Isolation" as the Latest Cognitive and Discursive Aspect]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 4, pp. 759-774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
- Savitskaya T.E., 2013. Internet-memy kak fenomen massovoi kul'tury [Internet Memes as a Mass Culture Phenomenon]. *NITs Informkultura RGB*. URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvms3.pdf (accessed 8 November 2020).
- Savchenko A.V., Lai Yan-Jun, 2020. "Koronavirusnye neologizmy": ot leksiki i frazeologii k internet-memam (na materiale russkogo i kitaiskogo yazykov) ["Coronavirus Neologisms": From Vocabulary and Phraseology to Internet Memes (On the Materials of the Russian and Chinese Languages)]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 4, pp. 865-886. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886.
- Severskaya O.I., 2020. Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyi slovar' kak diagnosticheskoe pole aktual'nykh diskursivnykh praktik [Covidioty on Quaracation: Coronavirus Dictionary as an Explorative Field of Up-to Date Discursive Practices]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 4, pp. 887-906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.
- Sychev A.A. *Yumor v internet-kommunikatsii: sotsiokulturnyi aspekt* [Humor in Internet Communication: Sociocultural Aspect]. URL: <http://www.abc-globe.com/sichev.htm> (accessed 23 October 2020).

- Shchurina Yu.V., 2012. Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii [Internet Memes as a Phenomenon of Internet Communication]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], no. 3, pp. 160-172.
- Shchurina Yu.V., 2013. Internet-mem kak sredstvo mezhkulturnoi kommunikatsii [Internet Meme as a Way of Intercultural Communication]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Periodical of Volgograd State Pedagogical University], no. 6 (81), pp. 34-38.
- Benítez Bribiesca L., 2001. Memetics: A Dangerous Idea. *Interciencia*, vol. 26 (1), pp. 29-31.
- Edmonds B., 2005. The Revealed Poverty of the Gen-Meme Analogy: Why Memetics per se Failed to Produce Substantive Results. *Journal of Memetics – Evolutionary Models of Information Transmission*, vol. 9 (1), pp. 1-4.
- Hofstadter D.R., 1996. *Metamagical Themas: Questing for the Essence of Mind and Pattern*. New York, Trade Paperback. 824 p.
- the Top-List “The Word of the Year – 2015”]. URL: http://news.sevas.com/world/konkurs_slovo_goda_2015_itogi (accessed 8 November 2020).
- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoi tolkovyi slovar russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 8 November 2020).
- Vladimir Putin o bor'be s koronavirusom v Rossii* [Vladimir Putin on Fight Against Coronavirus in Russia]. URL: <https://www.interfax.ru/quotes/703198>. (accessed 8 November 2020).
- Kak ustroena industriya memov i mozno li na nikh zarabotat* [How the Meme Industry Is Organized and If It Is Possible to Make Money on It]. URL: <https://style.rbc.ru/life/5d3b25039a794707645e1d4d> (accessed 8 November 2020).
- Luchshie memy 2020 goda* [The Best Memes of 2020]. URL: <https://vc.ru/social/192449-luchshie-memy-2020-goda> (accessed 8 November 2020).
- Krongauz M.A., ed. *Slovar yazyka interneta.ru* [Dictionary of the Language of Internet.ru]. Moscow, AST Publ., PRESS-KNIGA Publ., 2016. 288 p.

SOURCES

Bezhtentsy, sanktsii i Karl voshli v TOP «Slova goda–2015» [Refugees, Sanctions and Carl Are in

Information About the Author

Oxana S. Issers, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Philology and Media Communications, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dostoevsky Omsk State University, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russia, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

Информация об авторе

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Россия, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

РЕЧЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ЕДИНИЦЫ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.4>

UDC 81'1:004.823

LBC 81.002

Submitted: 30.10.2020

Accepted: 12.01.2021

RITUAL FRAME INDICATING EXPRESSIONS (AN ACADEMIC CONVERSATION)¹

Juliane House

University of Hamburg, Hamburg, Germany;
Hellenic American University, Nashua, USA

Dániel Z. Kádár

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China;
Research Centre for Linguistics, Budapest, Hungary

Victor V. Leontyev

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The present paper is based on an interview, conducted by Victor V. Leontyev with Juliane House and Dániel Z. Kádár. It provides an overview of a new theory in pragmatics, namely, Ritual Frame Indicating Expressions (RFIEs). This theory provides a bottom-up and corpus-based approach to the study of various pragmatically important expressions through which the participants of an interaction indicate their awareness of the Ritual Frame underlying the interaction. 'Ritual Frame' encompasses a cluster of standard situations in which the rights and obligations of the participants are clearly defined. The corpus-based RFIE approach complements sociopragmatic approaches to various expression types, including so-called 'politeness markers', honorifics, forms of address and so on, and it also helps us to systematically capture the relationship between expressions and speech acts. In studying RFIEs, the analyst focuses on the ways in which RFIEs spread across various standard situations. The study of this issue also allows the researcher to contrastively examine the use of RFIEs across linguacultures. Such contrastive research helps us to unearth major linguacultural differences. For example, the research of J. House and D.Z. Kádár has revealed that while in East Asian linguacultures such as Chinese RFIEs tend to be strongly associated with a particular speech act, this relationship is casual in Western linguacultures.

Key words: Ritual Frame Indicating Expressions, standard situations, conventionalisation, politeness, contrastive pragmatic analysis.

Citation. House J., Kádár D.Z., Leontyev V.V. Ritual Frame Indicating Expressions (An Academic Conversation). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 42-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.4>

ЯЗЫКОВЫЕ ИНДИКАТОРЫ РИТУАЛЬНЫХ ФРЕЙМОВ (НАУЧНАЯ БЕСЕДА)¹

Юлиане Хоузе

Гамбургский университет, г. Гамбург, Германия;
Греческий Американский университет, г. Нашуа, США

Дэниэл Золтан Кадар

Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь, Китай;
Центр лингвистических исследований Венгерской академии наук, г. Будапешт, Венгрия

Виктор Владимирович Леонтьев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В материале представлена новая теория в области прагматики, а именно теория изучения языковых индикаторов ритуальных фреймов (ЯИРФ). Она базируется на «нисходяще-восходящем» и корпусном подходах к изучению прагматически важных выражений, при помощи которых участники коммуникативного взаимодействия указывают на свою осведомленность о ритуальном фрейме как фундаменте общения. Ритуальный фрейм охватывает кластер стандартных ситуаций, в которых четко определены права и обязанности участников коммуникативного действия. Опирающийся на анализ данных из языковых корпусов подход с применением ЯИРФ дополняет существующие социопрагматические подходы к изучению различных языковых единиц и выражений, включая «маркеры вежливости», гоноративы, формы обращений и т. д., и позволяет на методической основе установить взаимосвязь между языковыми выражениями и речевыми актами. Исследуя ЯИРФ, аналитик фокусирует свое внимание на способах, при помощи которых ЯИРФ распространяются в различных стандартных ситуациях. Изучение процесса распространения этих языковых единиц открывает для лингвиста возможность сравнить применение ЯИРФ в разных лингвокультурах и выявить особенности той или иной лингвокультуры. В качестве примера приведены результаты исследования Ю. Хоузе и Д.З. Кадара, демонстрирующие, что в восточноазиатских лингвокультурах, таких как китайская, ЯИРФ жестко связаны с конкретным речевым актом, а в западных лингвокультурах эта взаимосвязь случайна.

Ключевые слова: языковые индикаторы ритуальных фреймов, стандартные ситуации, конвенционализация, теория вежливости, сравнительный прагматический анализ.

Цитирование. Хоузе Ю., Кадар Д. З., Леонтьев В. В. Языковые индикаторы ритуальных фреймов (научная беседа) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 42–46. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.4>

Introduction

The present essay, which is based on an academic conversation conducted by Victor V. Leontyev about the work of Juliane House and Dániel Z. Kádár, discusses their Ritual Frame Indicating Expressions (RFIE) Theory. This theory systematises the use of many different pragmatically important expressions, and among such expressions it devotes special attention to expressions which are popularly associated with certain speech acts. In many linguacultures, there are standard situations in which the use of certain

expressions – such as “please” in English, “bitte” in German, “пожалуйста” in Russian and *qing* 请 in Chinese – is expected. Such expressions have been conventionally defined as “politeness markers”. RFIE Theory challenges the unquestioned association between such expressions and politeness, by pointing out that RFIEs indicate rights and obligations and a broader “Ritual Frame”. The relationship between RFIEs and politeness, as well as the cluster of standard situations that a particular RFIE expression indicates, varies greatly across linguacultures.

Standard Situation

The concept of standard situation goes back to the pioneering work by Juliane House on expressions indicating the speech act of Request. House argues as follows:

The notion of a standard situation involves participants' rather fixed expectations and perceptions of social role. Role relations are transparent and predetermined. The requester has the right and the requestee an obligation, the degree of imposition involved in the request is low, as is the perceived degree of difficulty of realizing it. In a nutshell, the participants know where and who they are. Clearly, the distinction between standard and non-standard situations is not clear-cut [House, 1989, p. 115].

The concept of standard situation as well as the broader concept of the Ritual Frame represent a pragmlinguistic counterpart to the concept of "activity type" suggested by Stephen Levinson [1992]. Levinson considers activity type to be a fuzzy category whose focal members are goal-defined, socially constituted bounded events with constraints on participants, settings and so on. The concept of standard situation does not only include what is known as "institutional discourse" but rather covers any situation where rights and obligations prevail [Kádár, House, 2020c, p. 143]. Typical examples of standard situations are reprimanding a car owner by a policeman when the policeman asks the owner to move the car, and a request to clean up the kitchen made between people sharing a flat [Kádár, House, 2020c, p. 143; House, 1989, p. 108]. It is evident that rights and obligations prevail in such situations, and so interactions in such situations are embedded in an invisible Ritual Frame.

Ritual Frame

Ritual Frame refers to a cluster of standard situations in which rights and obligations prevail. Interactants are expected to follow these rights and obligations to maintain their face [Kádár, House, 2020b, p. 641]. The notion of a Ritual Frame is of a higher order and more abstract than standard situation as Ritual Frame encompasses a cluster of standard situations. That is, a standard situation is something particular, while the Ritual Frame is more general [Kádár, House, 2020b, p. 642]. House

and Kádár point out that their use of the expression "frame" differs from how it has been used in a body of top-down research (see: [Tannen, 1979; Tannen, House, 1987; Terkourafi, 2001; 2005; Bednarek, 2005]). Ritual Frame evokes communally oriented forms of behavior [Bax, 2010]. The idea of 'communality' is interpreted in the following way: in interactions anchored in standard situations, in which rights and obligations are always lurking, there is an omnipresent sense of a communality even though the community itself might only be imaginatively present.

A Ritual Frame of an interaction differs from the concept of abiding norms or 'politic behavior' [Watts, 2003]: it covers all instances of language use that display a decreased sense of individualistic interactional engagement and related face-work.

Ritual Frame Indicating Expressions

The concept of Ritual Frame Indicating Expressions (RFIEs) helps one to investigate the relationship between expressions and ritual and conventional norms governing the use of these expressions [Kádár, House, 2020a, p. 83]. When language users engage in an interaction in which it is important to linguistically showcase awareness of who and where they are, their language use and related perceptions may change. Awareness of the Ritual Frame tends to be indicated vis-à-vis linguistic expressions, including ones associated with speech acts such as Request, Apology and Thanks, as well as honorifics, deference markers, terms of address and so on [Kádár, House, 2020a, pp. 83-84]. Typical examples of such expressions cover terms of address [Braun, 1988] and honorifics [Ide, 1989].

A framework of RFIEs can facilitate a comparison of the pragmatic scope of expressions which are conventionally defined as 'politeness markers' [House, 1989; Ide, 1989]. Such expressions constitute a key aspect of our day-to-day communication, and, as such, they need to be kept on the agenda of pragmatic research. The assumption that such expressions are in some way interrelated with politeness clearly prevails as the expression 'politeness marker' continues to be used, particularly outside the scope mainstream politeness theory despite criticism voiced about the politeness-form interface.

An important concept in RFIE Theory is the notion of ‘speech act-anchoredness’. This concept implies that in certain linguacultures, such as Chinese, RFIEs are so intimately tied to a particular speech act that they can practically have no other pragmatic function. Although this may sound straightforward, for someone who is unfamiliar with East Asian languages such as Chinese, this fact can be rather surprising. After carrying out contrastive pragmatic research on German and English RFIEs versus their Chinese counterparts, House and Kadar found that it is only in the Chinese linguaculture that RFIEs are invariably speech act-anchored, which means they are inseparably attached to a particular speech act. In English and German this is not the case, which means that RFIEs in these linguacultures often fulfill many other functions as well.

It is worth noting that there are other frameworks which focus on expressions in particular, such as ‘situation-bound utterances’ (e.g.: [Kecskes, 2016]). Basically, in such theories one first identifies a situation and then the expressions that people generally use in this particular situation are studied. The RFIE approach is radically different: analysts following the RFIE Theory base their work on how expressions are used in two or more corpora and do not consider the notion of situation first. That is, the researcher first analyses which types of situations are indicated by the expressions in the corpora studied. As a next step, the researcher considers issues such as the interactional ritual use of the expressions under investigation, their relationship to speech acts, and so on.

In sum, RFIE Theory implies that, first, one should identify the expressions in the corpora and then analyse what these expressions do in certain situational contexts. One does not start the other way around with either the situation or something else at the outset. The very term ‘Ritual Frame Indicating Expression’ indicates this quite clearly. One needs to start RFIE analysis with ‘innocent’ little words and see what comes out of one’s corpus-based study of these expressions. This is basically a non-essentialist, bottom-up and data-based approach to the cross-cultural study of expressions. A key advantage of this framework is that it allows us to study various important phenomena such as the effect of globalisation on language use. For example, J. House and D.Z. Kádár [2021] recently published a study of RFIEs in global marketing materials.

The reason why J. House and D.Z. Kádár were able to look at language use in this alternative way is that they ventured beyond their respective ‘comfort zones’: they were able to bring together the original speech act and ‘standard situation’ approach developed by J. House and interaction ritual theory developed by D.Z. Kádár.

Conclusion

RFIE Theory integrates pragmatically important expressions and speech acts, as well as the broader unit discourse by systematising the interactional use of RFIEs. This theory is part of a more comprehensive framework, which J. House and D.Z. Kádár present in a recent monograph (see: [House, Kádár, 2021]). When it comes to RFIEs, the main argument is that one cannot conduct proper research about speech act and discourse without also involving expressions, and this is particularly the case if cross-cultural pragmatics is at play. One also needs to consider how expressions relate to speech acts, and how speech acts are, in turn, embedded in larger units of discourse.

NOTE

¹ The research of Dániel Z. Kádár and Juliane House was funded by the Momentum (Lendület) Research Grant of the Hungarian Academy of Sciences (LP2017/5) and the Research Grant of the National Research Development and Innovation Office, Hungary (132969), both hosted by the Hungarian Academy of Sciences Interactional Ritual Momentum Research Group, located in the Research Centre for Linguistics, Hungary and directed by Dániel Z. Kádár.

REFERENCES

- Bax M., 2010. Rituals. Jucker A., Taavitsainen I., eds. *Historical Pragmatics*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 483-519.
- Bednarek M., 2005. Frames revisited: the coherence-inducing function of frames. *Journal of Pragmatics*, vol. 37, pp. 685-705. DOI: 10.1016/j.pragma.2004.09.007.
- Braun F., 1988. *Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures*. Berlin, Mouton de Gruyter. 372 p.
- House J., 1989. Politeness in English and German: The functions of please and bitte. Blum-Kulka Sh.,

- House J., Kasper G., eds. *Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. Norwood, N. J., Ablex, pp. 96-119.
- House J., Kádár D.Z., 2021. *Forthcoming*. Contrastive Pragmatics. Cambridge, CUP, 2021. (In Print).
- Ide S., 1989. Formal forms and discernment: Two neglected universals of linguistic politeness. *Multilingua*, vol. 8, no. 2/3, pp. 223-248.
- Kádár D.Z., House J., 2020a. Revisiting the duality of convention and ritual: A contrastive pragmatic inquiry. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, vol. 56, no. 1, pp. 83-111. DOI: 10.1515/psicl-2020-003.
- Kádár D.Z., House J., 2020b. Ritual Frames and politeness markers. *Pragmatics and Society*, vol. 10, no. 4, pp. 641-649. DOI: 10.1075/ps.18079.kad.
- Kádár D.Z., House J., 2020c. Ritual Frames: A Contrastive Pragmatics approach. *Pragmatics*, vol. 30, no. 1, pp. 142-168. DOI: 10.1075/prag.19018.kad.
- Keckes I., 2016. "Situation-bound Utterances in Chinese. *East Asian Pragmatics*, vol. 1, no. 1, pp. 107-126. DOI: 10.1558/eap.v1i1.29098.
- Levinson S., 1992. Activity types and language. Drew P., Heritage J., eds. *Talk at work: Interaction in Institutional settings*. Cambridge, CUP, pp. 66-100.
- Tannen D., 2009. Framing and face: The relevance of the presentation of Self to linguistic discourse analysis. *Social Psychology Quarterly*, vol. 72, no. 4, pp. 300-305.
- Tannen D., Wallat C., 1987. Interactive frames and knowledge schemas in interaction: Examples from a medical examination/interview. *Social Psychology Quarterly*, vol. 50, no. 2, pp. 205-216.
- Terkourafi M., 2001. *Politeness in Cypriot Greek: A Frame-Based Approach*. PhD Thesis. Cambridge, CUP. 232 p.
- Terkourafi M., 2005. Beyond the micro-level of politeness research. *Journal of Politeness Research*, vol. 1, no. 1, pp. 237-262.
- Watts R., 2003. *Politeness*. Cambridge, New York, Melbourne, Cambridge University Press. 304 p.

Information About the Authors

Juliane House, Professor Emerita, Department of Languages and Cultures, University of Hamburg, Lagerloefstrasse, 25, 22391 Hamburg, Germany; Distinguished Professor, Director of the PhD Programme "Language and Communication", Hellenic American University, Amherst St, 436, 03063 Nashua, USA, julianehouse@fastmail.fm

Dániel Z. Kádár, Qihang Chair Professor, Director of Research Centre, Center for Pragmatics Research, Dalian University of Foreign Languages, Lusun Nanlu Xiduan, 6, 116044 Dalian, China; Research Professor, Chair of Research Group, Hungarian Academy of Sciences Momentum Interactional Ritual Research Group, Research Centre for Linguistics, Benczúr u., 33, 1068 Budapest, Hungary, dannier@dlufl.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-7238-730X>

Victor V. Leontyev, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of German and Romance Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, leontyev_vgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9683-3255>

Информация об авторах

Юлиане Хоузе, почетный профессор факультета языков и культур, Гамбургский университет, Лагерлөфштрассе, 25, 22391 г. Гамбург, Германия; почетный профессор, директор Программы по подготовке аспирантов (направление «Язык и коммуникация»), Греческий Американский университет, ул. Амхерст, 436, 03063 г. Нашуа, США, julianehouse@fastmail.fm

Дэниэл Золтан Кадар, профессор кафедры лингвистики, директор Исследовательского центра исследований в области прагматики, Даляньский университет иностранных языков, Люсун Нанлу Ксидуан, 6, 116044 г. Далянь, Китай; профессор-исследователь, руководитель исследовательской группы по изучению интеракционных ритуалов, Центр лингвистических исследований Венгерской академии наук, ул. Бунсур, 33, 1068 г. Будапешт, Венгрия, dannier@dlufl.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-7238-730X>

Виктор Владимирович Леонтьев, кандидат филологических наук, доцент кафедры германо-романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, leontyev_vgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9683-3255>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.5>

UDC 81'42:81'22
LBC 81.055.1

Submitted: 06.05.2020
Accepted: 28.12.2020

PRAGMATIC OPTIONS OF THE DIALOGICAL TEXT AS A LANGUAGE UNIT¹

Nadezhda N. Shpilnaya

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The purpose of the article is to analyse pragmatic variants of a dialogical text as a language unit. It is assumed that the pragmatic context of the dialogical text (dialogue) actualizing is associated with either informative or phatic intentions. Informative and phatic dialogues appear as pragmatic allotext of a dialogical text. The research methodology is based on the synthesis of derivational and anthropocentric language theories. The process of creating a dialogical text is considered, on the one hand, as a derivational process due to the suppositional relationship between the lexeme and the text, and on the other hand, as a process of interpreting the text in the pragmatic context of its actualization. The material for the study was the recording of oral and written speech of regular native speakers in an informal communication situation. The total number of analyzed speech patterns was 140 dialogic texts – 70 texts of each communication type. It is stated that the pragmatic actualization of the dialogical text is associated with the realization of paradigmatic and syntagmatic connections of lexemes. It is revealed that the syntagmatic model of a dialogical text genesis in informative communication is an adjoining model. A paradigmatic model of dialogic text genesis in informative communication is synonymy. In phatic communication, an attachment model was identified as a syntagmatic model of the genesis of a dialogical text. The paradigmatic model for the production of dialogic text in phatic communication is a homonym model.

Key words: dialogical text, pragmatics, informative communication, phatic communication, derivation, paradigmatics, syntagmatics.

Citation. Shpilnaya N.N. Pragmatic Options of the Dialogical Text as a Language Unit. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 47-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.5>

УДК 81'42:81'22
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 06.05.2020
Дата принятия статьи: 28.12.2020

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ¹

Надежда Николаевна Шпильная

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация. Цель статьи – анализ прагматических вариантов диалогического текста как языковой единицы. Предполагается, что прагматический контекст актуализации диалогического текста (диалогемы) связан либо с информативной, либо с фатической интенцией. Информативные и фатические диалогемы предстают как прагматические аллотексты диалогического текста. Методология исследования основана на синтезе деривационной и антропоцентрической теорий языка. Процесс создания диалогического текста рассматривается как деривационный процесс, обусловленный суппозиционной связью лексемы и текста, и как процесс интерпретации текста в прагматическом контексте его актуализации. Материалом для исследования послужили записи устной и письменной речи рядовых носителей языка в неофициальной ситуации общения. Общее количество проанализированных речевых произведений составило 140 диалогических текстов – по 70 текстов каждого вида коммуникации. Установлено, что прагматическая актуализация диалогического текста связана с реализацией парадигматических и синтагматических связей лексем или их сочетаний. Выявлено, что синтагматическая модель генезиса диалогического текста в информативной коммуникации –

модель-примыкание. Парадигматическая модель генезиса диалогического текста в информативной коммуникации – синонимия. В фатической коммуникации выделена такая синтагматическая модель генезиса диалогического текста, как модель-присоединение. Парадигматическая модель производства диалогического текста в фатической коммуникации – модель-омоним.

Ключевые слова: диалогический текст, прагматика, информативная коммуникация, фатическая коммуникация, деривация, парадигматика, синтагматика.

Цитирование. Шпильная Н. Н. Прагматические варианты диалогического текста как языковой единицы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 47–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.5>

Введение

Объектом исследования в статье является диалогический текст как единица языка, а предметом – прагматические варианты его актуализации, обусловленные информативно-ориентированной и фатически-ориентированной интенциями, воплощаемыми в соответствующих им видах коммуникации. Фокус нашего внимания сосредоточен на варьировании моделей генезиса диалогического текста в информативной и фатической коммуникации. Под моделью генезиса понимается способ превербальной организации текста, актуализируемый в речи. Модель генезиса диалогического текста рассматривается в таком случае как способ его построения, подобно тому, как в словообразовании генезис производного слова описывается через понятие «способ словообразования».

К изучению вопроса о моделях производства диалогического текста лингвисты подходят с различных сторон: со стороны диалогической лингвистики и со стороны дериватологии. В диалогической лингвистике выделены иллокутивные модели создания диалогического текста, представляющие собой модели связи реплик на основе прагматических отношений: модели вопрос-ответ, согласие-отказ и пр. [Баранов, Крейдлин, 1992; Падучева, 1982]. В дериватологии в качестве моделей производства диалогического текста рассматриваются субъектно-предикатная, предикатно-аргументная, семантико-импlicative модели, модель актуального членения и прагматическая модель [Карасик, 1987]. Данные деривационные модели можно рассматривать как текстемы, или диалогемы, – единицы эмического уровня, представляющие собой инварианты диалогического текста в системно-языковом аспекте.

Вопрос о лингвистическом статусе диалогического текста является дискуссионным. Так, выделяются три подхода к определению эмического статуса диалогического текста. Во-первых, диалогический текст рассматривается как проявление дифференциального признака текста – диалогичности, предполагающей создание текста в ситуации попеременного обмена репликами носителями языка [Холодович, 1979]. Во-вторых, диалогический текст рассматривается как вариант структурной организации текста, специфика которого заключается в том, что он представляет собой цельное, но не единичное высказывание, актуализирующее разные точки зрения [Валгина]. В-третьих, диалогический текст рассматривается как самостоятельная единица языка, выделяемая на синтагматических основаниях, подобно слогу [Шпильная, 2018].

В данной работе развивается положение о самостоятельном статусе диалогического текста. Следовательно, для описания диалогического текста считаем целесообразным использовать противопоставление «единица языка – единица речи», или оппозицию «инвариант – вариант». Проецируя описание единиц языка и речи, существующее в лингвистической вариантологии [Голев, Ким, 2009; Рабенко, Лебедева, 2018; Солнцев, 1984], на описание диалогического текста, отметим, что вопрос об инвариантно-вариантном существовании диалогического текста является открытым в современной лингвистике.

В исследовании мы опираемся на положение, согласно которому речевая актуализация единиц языка сопряжена с их интерпретацией как будущей единицей речи с учетом речевой и внеречевой среды ее актуализации. Среда при данном подходе предстает как контекст, определяющий специфику актуализации

онного процесса и его результат. Для диалогического текста такими контекстами являются экстралингвистический контекст, включающий условия произнесения речи, место, время, обстановку, социальный статус носителя языка и пр., прагматический контекст, связанный с варьированием коммуникативной интенции, и текстовый контекст, создаваемый в речевой цепи предшествующим и последующим текстами.

В статье анализируется только прагматический контекст актуализации языковой единицы – диалогемы (текстемы). Иными словами, рассматриваются прагматические условия его актуализации, связанные либо с интенцией на обмен информацией, либо с интенцией на поддержание коммуникативного взаимодействия. Этот подход представляется целесообразным в силу того, что вариант языковой единицы существует в определенном речевом оформлении – речевом контексте (речевой среде, по А.В. Бондарко). Для диалогического текста им является прагматический контекст, что соотносится с пониманием языка как знаковой системы и одним из аспектов ее измерения – прагматическим, связанным с отношением «знак – интерпретатор» [Моррис, 2001]. Отметим, что прагматический аспект знакообразования рассматривается обычно с позиций адресата или адресанта как участников коммуникации, однако такое понимание связи знака и интерпретатора кажется чрезмерно упрощенным, поскольку представляется, что отношение «знак – интерпретатор» определяет прагматику языкового знака в самой языковой системе, которая проявляется в интерпретации знака на вышестоящем уровне языковой системы (структуры) при его актуализации в речи. Гипотетический характер данного положения нуждается в верификации, однако мы полагаем, что оно отражает реальное положение дела. Так, фонема интерпретируется на морфемном уровне, морфема на лексическом, граммема на синтаксическом и т. д. Прагматический контекст, или прагматическая среда, диалогического текста предстает в таком случае как интерпретация диалогемы (текстемы) в зависимости от коммуникативной интенции носителя языка. Данный подход к описанию языка базируется на положении о том,

что отношения между языковой единицей и ее речевой манифестацией – это отношения интерпретации инварианта с учетом образа будущей речевой среды его актуализации [Шпильная, 2019].

Исследуя проблему варьирования диалогического текста в прагматическом контексте, обратимся к характеристике информативной и фатической коммуникаций. Как известно, они представляют собой эквивалентную оппозицию, которую можно рассматривать как инвариантную по отношению к другим разновидностям коммуникации. Информативная коммуникация связана с реализацией информативного речевого поведения, а фатическая коммуникация – с реализацией фатического речевого поведения. О противопоставлении данных видов коммуникации написано немало работ (см., например: [Винокур, 1993]), в них отмечается, что эти виды коммуникации различаются по ряду параметров, и прежде всего по коммуникативным намерениям участников коммуникации и по жанровому составу.

В статье развивается положение, согласно которому специфика коммуникации определяется интенцией носителя языка, реагирующего на исходную реплику. Иными словами, мы полагаем, что если носитель языка реализует намерение запроса информации или ее уточнения, то это проявление информативной коммуникативной интенции, а если носитель языка реализует намерение подключения к разговору для его поддержания, то это уже проявление фатической интенции.

Логично предположить, что если коммуникативные намерения участников общения различны и обуславливают разные типы речевого поведения, то и модели генезиса диалогического текста как реальной единицы коммуникации различаются в данных видах коммуникации. Таким образом, можно полагать, что информативные и фатические диалогемы (текстемы) предстают как прагматические аллотексты диалогического текста.

Методология и материал исследования

Методология нашего исследования основана на синтезе деривационной и антропоцентрической теорий языка, что обусловлено

необходимостью продемонстрировать особенности диалогического текста как производной единицы, возникающей вследствие реализации принципа деривации, и особенности его речевой актуализации, связанной с речевой интерпретацией диалогемы (текстемы) с учетом прагматического контекста ее реализации (актуализации).

Диалогический текст рассматривается в работе как производная единица языка, подобная производному слову.

Значимым для нас является развиваемый в современной дериватологии тезис о том, что генезис диалогического текста определяется деривационными процессами, ключевой из которых – выводимость целого из его части – текста из лексемы. Данное положение базовое для дериватологии, изучающей процесс производства языковых единиц – от фонемы до текста – и рассматривающий этот процесс как суппозиционную связь языковых единиц. Например, связь лексического и текстового уровней была доказана в работах сибирских дериватологов [Голев, 1989; Сайкова, 2002; Трубникова, 2008], которые рассматривают лексему (лексический ряд) в качестве основы при образовании текста.

Теоретическое обоснование принцип суппозиционной связи лексемы и текста получил в наших предыдущих публикациях (см., например: [Шпильная, 2018]). Согласно данному принципу, образование текста (диалогического текста) осуществляется на основе лексемы как свернутого текста, который может актуализироваться в речи за счет парадигматических и синтагматических связей ключевых лексем в языковом сознании носителя языка. Лексема в этом случае рассматривается как база для развития темы текста. Характер внешнего согласования лексем как опорных точек будущего диалогического текста определяет ту или иную вербальную модель его актуализации. Актуализация диалогического текста связывается нами с реализацией принципа суппозиционной связи лексемы и текста, который обуславливает генезис и функционирование диалогического текста в актах его производства / воспроизводства. Такая позиция согласуется с эмпирическими наблюдениями ученых, рассматривающих проблему связности дистантных реплик в ди-

алогическом тексте (см., например: [Шестакова, 2005]).

Материалом для исследования послужили записи устной и письменной речи рядовых носителей языка в неофициальной ситуации общения. Для выявления моделей производства диалогического текста в информативной коммуникации мы обратились к анализу обыденного сетевого политического общения, для выявления моделей производства диалогического текста в фатической коммуникации – к анализу личностно-ориентированных дискурсивных практик: к разговорам преподавателей одного из сибирских вузов в ситуации общения на перемене, по дороге домой. Избранный для анализа языковой материал обладает специфической, обусловленной экстралингвистическим контекстом его существования, однако полагаем, что экстралингвистический контекст важен для информативной коммуникации, для фатической коммуникации он становится несущественным. Поэтому особенности реализации диалогического текста в информативной коммуникации – в обыденной сетевой политической коммуникации – ограничены именно этим экстралингвистическим контекстом, которым мы не можем пренебречь, но в силу сфокусированности на решаемых в статье задачах не рассматриваем.

Общее количество проанализированных речевых произведений составило 140 диалогических текстов – по 70 текстов каждого вида коммуникации.

Результаты

1. Модели генезиса диалогического текста в информативной коммуникации

Как мы уже отмечали, информативная коммуникация связана с реализацией информативного речевого поведения, предполагающего ориентацию на целенаправленный обмен информацией. Наши наблюдения над языковым материалом показывают, что генезис диалогического текста в информативной коммуникации осуществляется по разным моделям – синтагматической и парадигматической.

В качестве текста-основы, или текста-объекта, рассматривается текст новостной статьи, содержание которой можно представить в форме пропозиции:

Губернатор Новосибирской области Василий Юрченко распорядился до 1 августа очистить все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков в целях обеспечения безопасности жителей города от терактов.

1.1. Синтагматические модели генезиса диалогического текста

Синтагматические модели генезиса диалогического текста реализуются посредством проявления в информативной коммуникации синтагматических связей ключевых лексем, образующих его семантическое пространство. Специфика вербализации данной модели определяется тем, что в тексте-цели ключевой лексемы может не быть, однако в нем представлены лексические единицы, соотносимые с исходной синтагматически. Выделяется такая синтагматическая модель генезиса диалогического текста, как **модель-примыкание**.

Она характеризуется тем, что во второй реплике появляются лексемы, находящиеся в синтаксической зависимости с лексемой из исходной реплики по линии координации. Условно такую связь можно представить в виде формулы, задающей коммуникативную перспективу высказывания по линии его рематизации: «известное + новое». Иными словами, примыкание здесь рассматривается как коммуникативно значимое присоединение диктумного элемента.

Приведем примеры (здесь и далее орфография и пунктуация оригиналов сохранены).

(1) Давно пора! Торговля в метро – **пережиток 90х!!!** Я хочу ездить в метро, а нужные товары покупать в магазинах!!! Этож сколько нужно взятку одним только пожарным давать, что бы они закрывали глаза на торговлю в вестибюлях метро. Бардак пора прекращать уже и вести дела цивилизованно.

Специфика появления данной реплики заключается в том, что в ней использовано выражение *пережиток 90х*, примыкающее к

выражению *торговля в метро* как свернутому тексту пропозиции. Ср.: *пережиток 90х + торговля в метро*.

(2) А мне фиолетово: пусть убирают, только не верю я что все киоски уберут, все равно оставят союзпечать, и еще парочку...

В данном примере выражение *пусть убирают* связано по линии координации с пропозициональным содержанием текста-основы *торговые киоски*. Следовательно, реализуется модель-примыкание: *пусть убирают + торговые киоски*.

(3) А ктонибудь помнит в Новосибирске хоть один теракт????

Данная реплика появляется за счет примыкания словоформы *помнит* к элементу пропозиционального содержания реплики-основы *теракт*. Ср.: *помнит + теракт*.

1.2. Парадигматические модели генезиса диалогического текста

Парадигматические модели генезиса диалогического текста в информативной коммуникации предполагают актуализацию в тексте-цели лексем, находящихся в отношениях синонимии с лексемами из текста-объекта. Нами выделена одна парадигматическая модель производства диалогического текста в информативной коммуникации – **синонимия**, которая актуализирует разные события, контекстуально сближаемые носителями языка. Так, во второй реплике появляется лексема-синоним, которая служит средством актуализации события, ситуативно близкого обсуждаемому событию, закреплённому соответствующей лексемой в первой реплике.

(4) Будем теперь ходить поздними вечерами по пустынным длинным мрачным вестибюлям..., сжимая в страхе газовый баллончик в потной ладони.. бррр..

В тексте-цели устанавливаются реляционные отношения – уподобление – между ключевыми лексемами из текста-объекта *вестибюли [метро]*, *безлюдный уголок* и междометием *бррр*, служащим вербальным показателем эмоциональной ситуации страха,

о чем свидетельствует использование слов и словосочетаний *страх, газовый баллончик, потная ладонь, пустынный длинный мрачный вестибюль*. В данном случае происходит развитие события за счет последовательного появления в диалоге нового события, контекстуально близкого обсуждаемому: *новосибирский метрополитен – брррр*.

(5) Будет как в ташкентском метро – ни рекламы, ни киосков. Только плакаты «Бдительность основа безопасности» повсюду и полицейские на каждом входе и выходе. Если несешь пакет-проверят два раза.

Как видим, данный текст – это результат реализации парадигматических сцепок ключевых лексем – *новосибирский метрополитен* и *ташкентское метро*, которые синонимизируются носителем языка. Развитие события текста-основы происходит за счет введения нового события, контекстуально связанного с исходным: *новосибирское метро – ташкентское метро*.

2. Модели генезиса диалогического текста в фатической коммуникации

Фатическая коммуникация ориентирована на поддержание контакта между носителями языка и не предполагает обмен информацией в прагматических целях. На основе анализа эмпирического материала выделены парадигматическая и синтагматическая модели генезиса диалогического текста.

2.1. Синтагматические модели генезиса диалогического текста

В фатической коммуникации представлена **модель-присоединение**. Она обычно реализуется за счет использования присоединительных конструкций *кстати, а еще, а я (а у меня, а у нас)*. Рассмотрим примеры.

(6) – Я завтра на больничный иду..
– **Кстати**, по поводу больничного. Ты не знаешь, а мне заплатят за замену?

В приведенном примере вторая реплика вводится при помощи присоединительной конструкции *кстати*, которая позволяет носите-

лю языка актуализировать свое событие, имеющее ту же речевую форму, что и событие другого участника коммуникации (*больничный – больничного*).

(7) – Вчера пиццу делала.

– **А я** вчера тоже пиццу хотела, но не стала стряпать, мы купили в магазине. Вкусная была.

Как видим, диалог осуществляется за счет второй реплики, в которой используется конструкция *а я*, присоединяющая два события, обсуждаемых носителями языка.

2.2. Парадигматическая модель генезиса диалогического текста

Эмпирический материал позволил выделить одну парадигматическую модель генезиса диалогического текста – **модель-омоним**.

При ее актуализации развитие диалога осуществляется с опорой на ключевую лексему текста-основы, которая служит суппозицией для генезиса текста-цели и развития темы диалога. При этом ключевые лексемы актуализируют разные события, которые на поверхностном уровне воспринимаются как омонимичные в силу общей речевой формы актуализации или одного и того же референтного значения лексемы (в последнем случае речь идет о людях, ставших предметом обсуждения в диалоге). На внешнем уровне связь ключевых лексем обеспечивает когезию в диалогическом высказывании.

(8) – Мне нужны волонтеры на Тотальный диктант. Сообщаю Вам, что я Ксению записала волонтером на акцию **Тотальный диктант**.

– Ну если она не против. Кстати, по поводу **Тотального диктанта**. Я готовила девочку на всероссийский конкурс. У нее была тема по тотальному диктанту. Отражение культурных ценностей в текстах тотального диктанта. Она заняла второе место. Сегодня вот как раз поеду на награждение.

Как видим, ключевым является словосочетание *Тотальный диктант*, которое служит базой для развития темы в диалоге и средством связи реплик. При этом участники диалога актуализируют разные – как бы омонимичные – события, обозначенные ключевой единицей.

(9) – Я **вчера** пришла домой. Голодная жуть. Хотела картошку погреть в микроволновке. А она у меня **сломалась**. Пришлось греть на плите.

– Повезло... А у меня **вчера** холодильник **сломался**. Пришлось мастера вызывать. Я думала, что он не сразу приедет, а он сразу приехал. Приехал и все починил.

В приведенном примере реплики связаны повтором лексемы *вчера*, которая играет роль общего сирконстанта, определяющего логику развития диалога в фатической коммуникации и попеременную интерактивную актуализацию разных (омонимичных) событий, обозначенных одной и той же лексемой *сломался*.

(10) – А я подседа на **Билли Айлиш**.

– А кто это?

– Это американская певица, очень эпатажная.

– Да, а еще. Я слышала, что какая-то девочка нарисовала **ее** портрет, представляете этот портрет опубликовал какой-то женский журнал на обложке, так достоверно получилось.

В диалоге первая и четвертая реплики объединены событиями, которые имеют общий референт – Билли Айлиш: в первой реплике используется речевая форма имени собственного, а в четвертой – субститутивная замена (местоимение *ее*). В этих репликах представлена актуализация разных событий, связанных с одним и тем же референтом.

Обсуждение результатов

Исследование прагматических вариантов актуализации моделей генезиса диалогического текста в фатической и информативной коммуникации уточняет существующие на сегодняшний день представления об инвариантно-вариантном устройстве диалогического текста. Он, долгое время рассматриваемый в качестве единицы речи или структурного варианта организации речевой формы (текста), не описывался как самостоятельная единица языка, в частности с позиций дихотомии *язык – речь*, или *инвариант – вариант*.

Сложность изучения диалогического текста в вариантологическом аспекте определяется гносеологическим желанием лингвиста максимально учесть условия его создания. Однако мы полагаем, что собственно лингвистический путь решения такой задачи пред-

полагает опору на семиотическую природу языкового знака. Следовательно, выделение прагматических вариантов диалогического текста не противоречит, а, наоборот, соответствует прагматическому измерению языкового знака, которое может быть описано в рамках отношений «знак – интерпретатор».

Прагматическая актуализация диалогического текста, как мы показали, связана с реализацией синтагматических и парадигматических связей слов и словосочетаний. Это в некоторой степени соответствует представлению языка как многорелейной системы, описываемой А. Кибриком [1965] и предполагающей выводимость одного уровня через другой за счет возможности обращения носителя языка к единицам этого уровня для «строительства» требуемой единицы. Как следствие, синтагматика и парадигматика лексем определяют инвариантные модели генезиса диалогического текста и их прагматическое распределение в разных видах коммуникации, в частности информативной и фатической.

Синтагматическая модель генезиса диалогического текста в информативной коммуникации – модель-примыкание – соотносится с реализацией коммуникативной перспективы высказывания, что позволяет говорить о связи прагматической интерпретации диалогического текста с развитием события. Парадигматическая модель генезиса диалогического текста в информативной коммуникации связана с отношениями синонимии, что, по нашему мнению, показывает изоморфизм лексической и текстовой парадигматики на превербальном уровне организации текста.

В фатической коммуникации была выделена такая синтагматическая модель генезиса диалогического текста, как модель-присоединение, которая реализует намерение носителя языка подключиться к разговору за счет актуализации другого события. Наличие парадигматической модели производства диалогического текста в фатической коммуникации – модели-омонима – не только демонстрирует изоморфизм лексической и текстовой парадигматики, но и показывает, что в ней актуализируются два разных события, соотносимые с адресантом и адресатом как участниками коммуникации и имеющие омонимичную форму воплощения.

Важно отметить, что варианты лексической парадигматики – синонимия и омонимия – распределяются по разным видам коммуникации: синонимия обнаруживается в информативной коммуникации, а омонимия – в фатической. Синтагматические модели генезиса диалогического текста тоже характеризуются прагматическим перераспределением: в информативной коммуникации актуализируется модель-примыкание, а в фатической – модель-присоединение.

Выводы

В работе сформулирована гипотеза о том, что речевая актуализация диалогемы (текстемы) в прагматическом контексте связана с реализацией различных моделей производства диалогического текста как производной единицы языка. Это положение было конкретизировано в тезисе, согласно которому модели производства диалогического текста варьируются в разных видах коммуникации – фатической и информативной – актуализирующих различные коммуникативные намерения носителей языка.

С опорой на положения дериватологии и антропоцентрической лингвистики процесс создания диалогического текста был рассмотрен, с одной стороны, как деривационный процесс, обусловленный суппозиционной связью лексем и текста, а с другой стороны, как процесс интерпретации текста в прагматическом контексте его актуализации.

Выделены и описаны модели производства диалогического текста в информативной и фатической коммуникации, специфика которых определяется актуализацией различных языковых механизмов текстообразования – синтагматических и парадигматических.

Информативные и фатические модели диалогического текста создаются за счет актуализации синтагматических и парадигматических механизмов языковой деятельности. Причем парадигматические и синтагматические модели диалогического текста в информационной и фатической коммуникации варьируются, поскольку в информационной коммуникации происходит развитие одного события, а в фатической коммуникации – интерактивная актуализация разных (омонимич-

ных) событий, осуществляемая попеременно участниками диалога.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – докторов наук МД-3824.2021.2.

The work was prepared with the support of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists – Doctor of Sciences MD-3824.2021.2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е., 1992. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. № 2. С. 84–99.
- Валгина Н. С. Теория текста. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/> (дата обращения: 21.02.2020).
- Винокур Т. Г., 1993. Говорящий и слушающий : Варианты речевого поведения. М. : Наука. 172 с.
- Голев Н. Д., 1989. Динамический аспект лексической мотивации. Томск : Изд-во Том. ун-та. 252 с.
- Голев Н. Д., Ким Л. Г., 2009. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариатологии) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 34, № 27. С. 12–20.
- Карасик В. И., 1987. О производности высказываний // Деривация и история языка : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л. Н. Мурзина. Пермь : Перм. ун-т. С. 92–102.
- Кибрик А. Е., 1965. Лингвистические вопросы автоматического кодирования // Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М. : Изд-во МГУ.
- Моррис Ч. У., 2001. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. М. : Акад. проект ; Екатеринбург : Деловая кн. С. 45–97.
- Падучева Е. В., 1982. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 41, № 4. С. 305–313.
- Рабенко Т. Г., Лебедева, Н. Б., 2018. Речевой жанр в фокусе вариантологической модели языка (на материале речевого жанра «личная записка») // Культура и текст. № 1. С. 144–152.
- Сайкова Н. В., 2002. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов) : дис... канд. филол. наук. Барнаул. 163 с.

- Солнцев В. М., 1984. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. № 2. С. 31–42.
- Трубникова Ю. В., 2008. Лексико-деривационные основания моделирования текста. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 180 с.
- Холодович А. А., 1979. О типологии речи // Проблемы грамматической теории. Л. : Наука. С. 269–276.
- Шестакова Т. Э., 2005. Дистантные связи диалогических реплик в тексте драмы : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль. 207 с.
- Шпильная Н. Н., 2018. Русский диалогический текст: деривационная концепция. М. : ЛЕНАНД. 384 с.
- Шпильная Н. Н., 2019. Деривационно-интерпретационный процесс и его следствия при объяснении языковых явлений в системе русского языка // Филология и человек. № 3. С. 7–18.
- problemy prikladnoy lingvistiki* [Theoretical problems of applied linguistics]. Moscow, Izd-vo MGU.
- Morris Ch.U., 2001. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the theory of signs]. *Semiotika. Antologiya* [Semiotics. Anthology]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., pp. 45-97.
- Paducheva E.V., 1982. Pragmaticheskie aspekty svyaznosti dialoga [Pragmatic aspects of dialogue connectivity]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language], vol. 41, no. 4, pp. 305-313.
- Rabenco T.G., Lebedeva N.B., 2018. Rechevoj zhanr v fokuse variantologicheskoy modeli jazyka (na materiale rechevogo zhanra «lichnaja zapiska») [Speech genre focus variantology language model (based on the speech genre of “personal note”)]. *Kultura i tekst*, no. 1, pp. 144-152.
- Saykova N.V., 2002. *Vzaimodeystvie slova i teksta v derivatsionnom aspekte (na materiale vtorichnykh tekstov raznykh tipov): dis. ... kand. filol. nauk* [Interaction of a word and a text in the derivational aspect (based on the material of secondary texts of various types). Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul. 163 p.
- Solntsev V.M., 1984. Variativnost kak obshchee svoystvo yazykovoy sistemy [Variability as a general property of a linguistic system]. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 31-42.
- Trubnikova Yu.V., 2008. *Leksiko-derivatsionnye osnovaniya modelirovaniya teksta* [Lexico-derivational foundations of text modeling]. Barnaul, Izd-vo Altayskogo universiteta. 180 p.
- Holodovich A.A., 1979. O tipologii rechi [On the typology of speech]. *Problemy grammaticheskoy teorii* [Problems of grammatical theory]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 269-276.
- Shestakova T.Ye., 2005. *Distantnye svyazi dialogicheskikh replik v tekste dramy* [Distant communications of dialogical remarks in the text of a drama. Cand. philol. sci. diss.]. Yaroslavl. 207 p.
- Shpilnaya N.N., 2018. *Russkiy dialogicheskiy tekst: derivatsionnaya kontsepciya* [The Russian dialogical text: derivational concept]. Moscow, LENAND Publ. 384 p.
- Shpilnaya N.N., 2019. Derivatsionno-interpretatsionnyy process i ego sledstviya pri ob'yasnenii yazykovykh yavleniy v sisteme russkogo yazyka [The derivational-interpretational process and its consequences in explaining linguistic phenomena in the Russian language system]. *Filologiya i chelovek* [Philology and a human being], no. 3, pp. 7-18.

REFERENCES

Baranov A.N, Kreydlin G.E., 1992. Illokutivnoe vyzhdenie v strukture dialoga [Illocutionary coercion in the structure of dialogue]. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 84-99.

Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text Theory]. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/> (accessed 21 February 2020).

Vinokur T.G., 1993. *Govoryashchiy i slushayushchiy: Varianty rechevogo povedenija* [Talking and Listening. Variants of Speech Behavior]. Moscow, Nauka Publ. 172 p.

Golev N.D., 1989. *Dinamicheskij aspekt leksicheskoy motivatsii* [Dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 252 p.

Golev N.D., Kim L.G., 2009. Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granits lingvisticheskoy variantologii) [Variable-interpretative functioning of the text (on the issue of expanding the boundaries of linguistic variantology)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskustvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism], iss. 34, no. 27, pp. 12-20.

Karasik V.I., 1987. O proizvodnosti vyskazyvaniy [On derivative statements]. Murzin L.N., ed. *Derivatsiya i istoriya yazyka* [Derivation and History of Language]. Perm, Permskiy universitet, pp. 92-102.

Kibrik A.E., 1965. Lingvisticheskie voprosy avtomaticheskogo kodirovaniya [Linguistic issues of automatic coding]. *Teoreticheskie*

Information About the Author

Nadezhda N. Shpilnaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya St, 55, 656031 Barnaul, Russia, venata85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Информация об авторе

Надежда Николаевна Шпильная, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, 55, 656031 г. Барнаул, Россия, venata85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.6>

UDC 81'42:32
LBC 81.055.51.3

Submitted: 01.09.2020
Accepted: 02.12.2020

TROPOFIGURES AS NEW REALITIES OF TEXTS IN MODERN POLITICAL COMMUNICATION¹

Natalya A. Bozhenkova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Tamara I. Kalichkina

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Aleksandra P. Panteleva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the mechanisms of organizing verbal constructs that manifest the linguopragmatic structure of texts in modern Russian political communication. A special class of figurative means of political language stands out – tropofigures. Tropofigures include irony and parcelling, which are characterized, on the one hand, by formal-semantic ambivalence and, on the other hand, by an apparent idiosyncrasy. The proposed methodological framework of the study aimed at the identification and systematic characterization of the categorical features of these synergetic linguistic signs, facilitated the description of the ways of their exemplification in political interactions. The authors established that the tropofigures of irony and parcelling ornamentally form the antinomy of the identity / non-identity of the sign and the object (semasiological discrepancy between the logical and grammatical organization of the syntagma). The tropofigures not only organize the expressive-pragmatic center of political discursive practice but also fulfill the function of a verbal marker of the cognitive mechanisms of text formation, which allow the participant to present their communicative goal setting in a certain way. The authors emphasized that the tropofigures of irony and parcelling are transformed from means of enhancing expressiveness into markers of the idiomatic process and set a different social perception. The results of the linguistic rhetorical research indicate new mechanisms of convergence / divergence of semantic constructs in various political interactions and, as a result, linguocultural “reaccentuation” of sign-symbolic and axiological constituents of the political institution in the modern Russian-speaking space.

Key words: political discourse, tropofigure, irony, parcellation, cognitive mechanisms, emotive-expressive means, linguocultural markers.

Citation. Bozhenkova N.A., Kalichkina T.I., Panteleva A.P. Tropofigures as New Realities of Texts in Modern Political Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 57-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.6>

УДК 81'42:32
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 01.09.2020
Дата принятия статьи: 02.12.2020

ТРОПОФИГУРЫ КАК НОВЫЕ РЕАЛИИ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Наталья Александровна Боженкова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Тамара Игоревна Каличкина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Александра Павловна Пантелеева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы организации вербальных конструктов, манифестирующих лингвопрагматическую устроенность текстов современной российской политической коммуникации. В этой связи выделяется особый класс изобразительных средств политического языка – *тропофигуры*, к числу которых отнесены ирония и парцелляция, характеризующиеся, с одной стороны, формально-семантической амбивалентностью, с другой – явной идиостилистической окрашенностью. Представленная статья является результатом совместной работы авторов под руководством Н.А. Боженковой, предложившей методологическую концепцию исследования, направленную на вычленение и системную характеристику категориальных признаков данных синергетических языковых знаков, что позволило описать способы их экземплификации в политических интеракциях. В процессе исследования установлено, что *тропофигура иронии* (Т.И. Каличкина) и *тропофигура парцелляции* (А.П. Пантелеева), орнаментально оформляющие антиномии тождественности / нетождественности знака и объекта (семасиологическое несоответствие логико-грамматической организации синтагмы), не только организуют экспрессивно-прагматический центр политической дискурсивной практики, но и являются вербальным маркером когнитивных механизмов текстообразования, которые позволяют участнику определенным образом презентовать собственную коммуникативную целеустановку. Показано, что из приемов и средств усиления выразительности тропофигуры иронии и парцелляции преобразуются в маркеры идиоматального процесса и задают иной способ мировосприятия членов социума. Результаты проведенного лингвориторического исследования свидетельствуют о новых механизмах конвергенции / дивергенции смысловых конструктов в различных политических интеракциях и, как следствие, лингвокультурной «переакцентуации» знаково-символических и аксиологических конститuentов политического института современного русскоязычного пространства.

Ключевые слова: политический дискурс, тропофигура, ирония, парцелляция, когнитивные механизмы, эмотивно-экспрессивные средства, лингвокультурные маркеры.

Цитирование. Боженкова Н. А., Каличкина Т. И., Пантелеева А. П. Тропофигуры как новые реалии текстов современной политической коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 57–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.6>

Введение

Латинский по происхождению термин *фигура речи* (лат. *figura* – «очертание, образ, вид»), обозначающий «стилистический прием, словесный оборот, используемый для усиления выразительности речи» (БАС, стб. 1344), с завидным постоянством оказывается в поле зрения исследователей, интересующихся проблемами риторической функции языка и массовой коммуникации. Более того, далеко не во всех областях знания можно обнаружить такую приверженность традиции, как в риторической теории. Несмотря на то что на протяжении 26 веков существования риторической мысли сформировалось большое количество различных школ и научных течений, к концу XX в. термин *фигура речи* стал интерпретироваться как совокупность исторически сложившихся и усовершенствованных в процессе общения «особых» приемов в построении фразы, сущностно являющихся средством усиления высказывания и

направленных на повышение эффективности коммуникативного акта, причем «одновременно и внесловесной (содержательной), и словесной (формальной) его сторон» [Корольков, 1974, с. 64–65].

При всей внешней убедительности такое понимание *фигуры речи* скрывало внутри себя один малозаметный, но весьма существенный изъян: концепция истолкования фигуры как некоего противоречащего «обычному» способу языкового общения преобразования речи распространялась не только на филогенетический, но и на онтогенетический аспект проблемы. Соответственно, принято было считать, что говорящий (пишущий) сначала непременно использует в качестве исходного «сырого материала» некое «нефигуральное» выражение, в дальнейшем подвергающееся авторскому же видоизменению путем включения искусственных приемов, которые «якобы можно беспрепятственно вводить в речь и также свободно устранять из нее» [Корольков, 1974, с. 65]. Лишь постепен-

но учеными стало осознаваться, что фигурация речи, выступающая результатом определенных усиливающих преобразований мыслительно-словесного «материала», возможна, но этот случай отнюдь не является правилом². «...Пишущие (говорящие) не украшают с помощью фигур то, что пишут, они создают язык... Таким образом, “дополнительные структуры” не являются простыми ограничителями, пусть “чудесными”, но “тисками”: они представляют собой то единственное средство, которое может увести язык от его утилитарной роли.» [Дюбуа и др., 1986, с. 60].

Наибольшую сложность при описании категориальной сущности фигур речи вызывал вопрос о соотношении *тропа* и *стилистической фигуры*, помещаемых в общем разделе орнаментальной части любой риторики. Отметим, что в филологической традиции существуют различные интерпретации природы и границ рассматриваемых явлений: в широком (как правило, логико-семиотическом) понимании фигуры включают в себя тропы³, в семантико-прагматическом же они обычно разграничиваются⁴. Так, касаясь дифференциации тропов и фигур, А.Г. Горнфельд писал: «Троп есть форма поэтического мышления; фигура есть форма речи. Тропы имеют результатом обогащение мысли известным новым содержанием; фигуры – определенные обороты речи, рассчитанные на известное действие, но не вносящие в содержание ничего нового, расширяющего познание. Они служат выражением эмоционального движения в говорящем и средством передачи тона и степени его настроения слушателю» [Горнфельд, 1911, с. 335].

Неоднозначность исследовательских подходов объясняется многими факторами – от экзистенциальности взглядов мыслителей и ученых, специфики научных / практических задач сочинения до принципов описания собственного языкового материала. Бесспорно, в качестве доминант экспрессивно маркированной речи выступают как тропы, так и стилистические фигуры, однако в категориальном плане они имеют существенные отличия: первые строятся по принципу референтного смещения, образной иносказательности, на основе ассоциаций по сходству / смежности / противоположности, вторые же детерминированы орнамен-

тальным, явно отступающим от нейтрального речевым ходом, суммирующим прямые (непереносные) значения компонентов высказывания, что предполагает особые способы соединения слов, словосочетаний, предложений или более крупных фрагментов текста.

Вместе с тем ряд изобразительных средств и приемов (например, сравнение, оксюморон, хиазм и др.) с точки зрения выдвигаемых критериев оказываются в силу своей природы переходными и таксономически не вполне мотивированными. В этой связи представляется интересной идея Л.А. Новикова, предлагавшего выделить особый класс экспрессивных средств – *тропофигуры*, включающий те орнаментальные конструкции, разграничение которых возможно только до известной степени: «Если взять, скажем, сравнение, то оно обнаруживает свойства как тропа (“несвернутая” метафора), так и фигуры (конструкции с союзами *как, словно, подобно, будто* и др.)»⁵ [Новиков, 2002, с. 122].

Аналогичные признаки (совмещения характерологических черт как тропеических единиц, так и собственно фигурных построений), с нашей точки зрения, обнаруживают также *ирония* и *парцелляция*: именно синергия их структурно-семантической организации определяет возможность перехода «от индивидуального ко всеобщему». Более того, каждая актуализация парцелированной конструкции или синтагмы с ироническим кодом в силу внутренней тропеической активности и неограниченности фигурной модели реализует какие-либо лингвокультурные смыслы (не всегда вербализованные, но обязательно существующие латентно) и одновременно обуславливает их «жизнеспособность» в современной логосфере, важнейшей частью которой, бесспорно, является политическая коммуникация.

Несмотря на внушительный ряд исследований, посвященных специфике речевого взаимодействия в политической сфере, в изучении политического дискурса прослеживается ряд нерешенных проблем. К их числу следует отнести поиск метаязыкового описания и, как следствие, характеристику коммуникативного поведения политиков в терминах речевого воздействия. Отметим, что необходимость исследования языка политических

субъектов обусловлена как тенденцией «орализации» [Стернин, 2003, с. 105] политического дискурса⁶, так и научной значимостью моделирования ментальных структур участников политической коммуникации.

Политический дискурс, представляющий собой речевую деятельность субъектов в сферах политического институционального общения, детерминированную определенной социально-ролевой иерархией и объективированную в виде совокупности текстовых единиц политической направленности во всем их жанровом и функциональном многообразии [Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М., 2017, с. 258], оказывается наиболее «чувствительным» к различного рода трансформациям. Базисный признак политического дискурса – его использование в качестве инструмента овладения властью, ее сохранения и перераспределения – детерминирует организацию и реализацию в политических интеракциях текстовых единиц различной формы (от описания до выводов), разнообразных жанров (от официального заявления до интервью), которые, наряду с эксплицитной информацией, непременно содержат имплицитно-коннотативные элементы – в первую очередь эмотивно окрашенные языковые конструкторы. Неслучайно В.И. Шаховский утверждает, что «народу важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным, манипулирование общественным сознанием власть осуществляет при помощи языка» [Шаховский, 2008, с. 37]. Именно такие вербальные знаки в наибольшей степени определяют особую языковую картину политического дискурса и его дифференциальные характеристики – специфическую институциональность, ритуальность и смысловую неопределенность, восстановление которой возможно благодаря неразрывной связи политических текстов с социокультурными, аксиологическими, идеологическими, историческими, психологическими компонентами коммуникативной ситуации, в которой они были созданы, и одновременно с системой когнитивных и прагматических установок адресанта, взаимодействующего с адресатом.

Соответственно, эффективность политического дискурса определяется адекватным планированием коммуникативного поведения

автора и умелым воплощением этого плана путем использования различных, реализующих воздействующий потенциал естественного языка на эмоционально-волевую и интеллектуальную сферу адресата вербальных средств, в кластере которых тропофигуры занимают особое место.

Материал и методы

Методологическая концепция исследования, направленная на системную характеристику лингвориторических маркеров политических интеракций, позволила обнаружить новые способы языковой экспликации аксиологических и символических конститuentов поля политики. Когнитивно-дискурсивный фокус исследовательских взглядов авторов определил основные методы исследования – от функционально-прагматического рассмотрения текстовых единиц, описательно-логических приемов сопоставления его категориальных составляющих до контекстуального анализа и метода лингвокультурологических истолкований речевых актов, что дало возможность выявить в лингвистическом объекте новые свойства и на этом основании систематизировать лингвокультурные закономерности организации политических дискурсивных практик.

Материалом исследования послужили скрипты публичных выступлений (имеющих тематическую и жанровую общность) представителей российской политической элиты, особое внимание отводилось опубликованным в официальных источниках пресс-релизам, текстам брифингов, комментариев в социальных сетях, эксплицирующих сущностное единство (при неоднозначности идеологических позиций и специфичности идиорепрезентации) лингвориторических конститuentов политического пространства (более 500 текстовых единиц).

Результаты и обсуждение

Политический дискурс как публичная коммуникативная сфера обладает рядом отличительных особенностей, наиболее точно охарактеризованных Р. Водак: «Он находится как бы между двумя полюсами – функцио-

нально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. И должен выполнять противоречивые функции, в частности должен быть доступен для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам)» [Водак, 2011, с. 24]. В этой связи вербальные знаки политического дискурса имеют ряд отличий от повседневной речи: языковые единицы «приобретают» нетипичную для них интерпретацию, «наполняются» противоположным смыслом, тем самым констатируется коннотативная амбивалентность трансляции идеологически маркированных единиц, определяемая «не столько принципиальными политическими установками коммуникантов, сколько латентными целями управления аудиторией» [Боженкова и др., 2019, с. 78]. Важным является и тот факт, что особая институциональность политического дискурса, обусловленная личностными характеристиками агента дискурсивной практики (градуальность интеракции коррелирует с видом коммуникативного события и варьируется в зависимости от степени включенности персонального компонента), нередко детерминирует невозможность эксплицитного маркирования идеологием, в результате расширяется тезаурус прецедентных текстов и высказываний, сопровождаемых своеобразными речевыми приемами и определенным звуковым оформлением, что в риторической традиции называется *иронией* и *парцелляцией*. В результате политический текст, актуализируя обыденно незамечаемые семиотико-семасиологические компоненты, порождает новый, единственно истинный смысл высказывания.

Несомненно, что вербальные средства передачи информации специфичны для каждого политика: они зависят от культурно-исторического контекста, политической ситуации, цели и методов ее достижения, однако сегодня с уверенностью можно говорить о некоем «ироническом отношении» к реальности, которое приобретает всеобъемлющий характер, при этом структурно-композиционным оформлением передачи иронического кода нередко выступает парцеллированная конст-

рукция. Актуализация данных тропофигур в политических интеракциях и расширение сферы коммуникативных рисков, обусловленное их частотным включением в политические дискурсивные практики, становятся стимулом как для характеристики их лексическоморфологических, логико-синтаксических, семантических компонентов, так и для описания тенденций развития этих феноменов.

Тропофигура иронии в контексте современной политической коммуникации⁷

Явление иронии, отражающее одну из сущностных категорий человеческого бытия, с древнейших времен изучается с разных позиций – эстетической, риторической, литературоведческой, лингвистической, искусствоведческой. Античная трактовка иронии соединяла в себе философское и эстетическое начало, ставшее основой для дальнейшего разделения терминологического описания риторической и логической иронии, а также иронии как способа человеческого бытия. Ирония в таком осмыслении (актуальном до XX в.) – это восприятие ситуации с положительной стороны, оно переключается со «спасительным смехом», помогающим «не впасть в депрессию». В XX в. ключом к пониманию иронии становится теория К.В.Ф. Зольгера, определявшего иронию как «средоточие искусства, где достигается совершенное единство созерцания и остроумия и которое состоит в снятии идеи самой же идей» [Зольгер, 1978, с. 421].

В отечественной лингвистике базовое определение иронии принадлежит В.И. Далю: «Речь, которой смысл или значение противоположно буквальному смыслу слов; насмешливая похвала, одобрение, выражающая порицание» (Даль, т. 2, с. 273)⁸. Первым отечественным исследователем, отказавшимся от одностороннего понимания иронии, стал А.А. Потебня. Согласно его концепции, ирония как явление разделяется на *иронию-троп* и *иронию-смысл* [Потебня, 1990]. Различие состоит в сопровождении иронии-смысла экстралингвистическими факторами и, как результат, в возникновении у адресата определенного чувства на основании рецепции полиформного иронического

кода. Соответственно, ирония связана не только с вербальным ее выражением, но и с невербальными средствами коммуникации, лингвокультурными компонентами и интертекстуальными явлениями.

В настоящее время трактовка феномена иронии опирается на синергию философского и лингвистического подходов. Философское понимание иронии актуализирует рефлексию автора, которая в свою очередь становится средством отражения действительности, непосредственно его окружающей. Различаются и способы этого восприятия: критический, эмоционально-оценочный, эстетический, интерпретирующий (как средство истолкования событий) и др. С лингвистической точки зрения ирония направлена на собеседника и представляет собой способ «донесения» до адресата отношения адресанта к чему-либо с помощью знаковых (в широком значении) конститuentов [Каличкина, 2017]. Суммирование подходов дает возможность определить иронию как тропофигуру, сущностью являющуюся мультисмысловой системой вербальных единиц, «спаянных» интер- и контекстуальностью, формально представленную синтагматическими отрезками любого размера и позволяющую эксплицитировать разнообразное эстетическое, этическое или аксиологическое содержание.

В контексте политического дискурса тропофигура иронии демонстрирует персонифицированное восприятие организации университета, находящее свое отражение в языке, и используется субъектами политического пространства для диффамации оппонента. Тем самым в политических интеракциях актуализируется авторизация, усиливается модус художественности, наблюдается снижение клишированности: политический дискурс приобретает черты бытийного, а тропофигура иронии оказывается моделью мировосприятия культурно обусловленных реалий, возникающих в результате семантико-стилистического взаимодействия «своей» и «чужой» речи, что порождает смысловую неоднозначность и многослойность высказывания.

Функции иронии в рамках политического взаимодействия могут варьироваться в зависимости от ситуации, однако явно выделяются две из них. Первая (о чем уже было

сказано) – это языковое самовыражение политика, передача личностного отношения к ситуации, результативность которой сложно переоценить в условиях видоизменения прагматической нагрузки политической дискурсивной практики, когда к трем основным параметрам (информирование, манипуляция и контроль) добавился четвертый, свойственный ранее лишь СМИ, – развлечение аудитории. Второй важной функцией иронии следует считать вуалирование нападения на оппонента, сокрытие инвективных стратегий, поскольку при построении диалогического взаимодействия в политической среде значимость вербальных и невербальных средств, снимающих «напряженность контекста», многократно увеличивается. Выстраивая коммуникативную практику в ироническом ключе, участники, нагружая дискурсивные компоненты имплицитными мелиоративными коннотациями, вместе с тем не унижают собеседника, а формируют оптимистический фон интеракции.

Отметим, что тропофигура иронии придает политическому тексту дополнительную образность, яркость, он становится более запоминаемым и эффективнее воздействует на аудиторию. Таким образом, можно сделать вывод, что политический дискурс с ироническим кодом предполагает с позиции автора наличие скрытых сюжетных схем, цель которых – убедить аудиторию в истинности своей речи; с позиции же адресата – знание этнокультурных и исторических особенностей, этических и аксиологических законов той страны, гражданином которой является политик.

В качестве доказательства нашего тезиса проанализируем выступление директора Департамента информации и печати МИД РФ М.В. Захаровой:

(1) Ммммм... История с закрытием счетов RT в Великобритании перестает быть томной. Она начинает пахивать, и не чем-нибудь, а Би-Би-Си. А это, как в детской песенке про Братца Кролика: «Если близко лисий хвост, значит близко лиска». За дело взялась русскоязычная дочка рупора Ее Величества, буквально за сутки «накопав» на российский телеканал ... а ничего не накопила. Большой материал и ни о чем. Зачем? А чтобы осадочек остался. Немного напоминает историю Леонида Свиридова

(<https://www.facebook.com/leonid.sviridov.3>). Чтобы придумать предлог для выдворения корреспондента РИА Новости из Польши за проведенную выставку памяти Стенина, польские власти запустили слух о том, что он «не совсем журналист». И тут же, как по команде, тему подхватили все кому не лень. Больше всех старались отдельные личности на «Эхе». Эфир за эфиром. Смешно получилось. Потому что в результате копаний выяснилось, что все эти годы Леонид Свиридов был внештатным сотрудником организации из трех букв, но не той, на которую так намекали и там, и тут, а другой – Эха. Да-да, именно эта запись в трудовой книжке была найдена по итогам «журналистского расследования». Чувствую, как-то так будет и в этот раз. Но в любом случае, русскоязычной службе Би-Би-Си желаю удачи. Она ей сейчас понадобится, потому что раскопки – вещь такая, увлекательная и непредсказуемая (Facebook. М. Захарова. URL: https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?epa=SEARCH_BOX).

В публикации дается комментарий события без включения прямых цитат, используются риторические вопросы, разворачивается игра с читателем: употребляются фразеологизмы (*все кому не лень*), прецедентные высказывания (*перестает быть томной; начинает попахивать; осадочек остался*), аллюзии на сказочные литературные произведения (*копали, копали и не накопили; если близко лисий хвост, значит близко лиска*); нет разрыва между первой частью текста и второй; публикация не озаглавлена; через всю канву текста идет стержневая линия, близкая к детективным жанрам, содержащая интригу и неожиданное продолжение; явно вычленяется когнитивная метафора. Заканчивается публикация согласно детективным канонам – автор интригует, приоткрывает занавес, но не рассказывает, что произойдет дальше (*раскопки – вещь такая, увлекательная и непредсказуемая*). Текст насыщен размышлениями, обращениями к читателям, вводными конструкциями, намеками, что создает иронический код. В середине публикации текст захватывает читателя как текст художественного произведения, побуждая адресата ознакомиться со всей публикацией и узнать развязку. Читателю предлагаются неопровержимые факты, далее автор высказывает свои предположения о сложившейся ситуации, «сталкивает»

ее с аналогичной и завершает мысль открытым финалом.

Ирония одновременно включена в сам текст и выходит за грани текста. Ироническая рефлексия появляется во фразе: *За дело взялась русскоязычная дочка рупора Ее Величества, буквально за сутки «накопав» на российский телеканал ... а ничего не накопав*. После слов *буквально за сутки «накопав» на российский телеканал* читательское ожидание подсказывает, что далее будет следовать ссылка или цитата на текст о «раскопках», но автор прерывает ожидания категоричным отрицанием каких-либо фактов: обман читательского ожидания, антитеза, употребление разговорной лексики. Симбиоз этого приводит к комическому эффекту, в таком же стиле развивается повествование – читатель на продолжение текста смотрит уже с иронической точки зрения, предполагая подвох, скрытый смысл. Далее в тексте появляется аналогичная конструкция: *Леонид Свиридов был внештатным сотрудником организации из трех букв, но не той, на которую так намекали и там, и тут, а другой – Эха*.

Логико-семантически иронический код в рассматриваемом тексте формируется посредством разнообразных приемов. Прежде всего актуализируется механизм пересечения и объединения, когда автор «присваивает объединению двух значений признак, присущий только их пересечению» [Дюбуа и др., 1986, с. 197]. М.В. Захарова объединяет две различные по смыслу ситуации, но схожесть фактов и аналогичность обстоятельств подталкивает читателей к определенным выводам. В данном примере реализуется следующая схема метафорического процесса: И – (П) – Р, где И – исходная ситуация (*история с закрытием счетов RT в Великобритании*), Р – результат, то есть достижение иронического эффекта, который формируется через промежуточный, объединяющий смысл – П (*история с журналистом Леонидом Свиридовым*).

Отметим, что при создании такой метафоры автор «автоматически» прибегает к синекдохе, так как сталкивает различные ситуации: здесь исходный прецедент является синекдохой для объединяющего смысла (несмотря

на утверждение Р.О. Якобсона, что употребление в одном тексте синекдохи и метафоры невозможно). Соположение синекдохи и метафоры в анализируемом тексте обуславливается следующим: метафорический перенос строится на использовании двух конструкций, которые не столько контрастируют друг с другом, сколько определяют точку пересечения между исходной ситуацией и результатом. Такими конструкциями – синекдохами – служат ситуация с журналистом *Леонидом Свиридовым*, работающим на радио «Эхо», и закрытие счетов RT в Великобритании. В конечном счете они сводятся к единому результату, что создаст метафоричность всего текста и вызывает иронический эффект.

В данном тексте вычленяется и референциальная метафора как семантическая структура, построенная на основе образов или мысленных представлений. Проанализируем логические связки. Начало текста *«накопав» на российский телеканал ... а ничего не накопав* включает метафору так, будто это синекдоха (через пересечения, опирающиеся на столкновение двух денотатов). Одновременно в высказывании смешивается истинное и ложное, что является отличительной чертой скорректированной метафоры. Помимо перечисленных риторических приемов, в тексте наличествует сравнение: *Немного напоминает историю Леонида Свиридова*. Создается некий треугольник, состоящий из синекдохи, сравнения и метафоры как логического завершения текста, который дополнительно приводит к ироническому осмыслению ситуации.

Прием сравнения использован и в высказывании *А это, как в детской песенке про Братца Кролика: «Если близко лисий хвост, значит близко лиска»*. Кроме непосредственного сопоставления со сказкой Д. Харриса «Братец Лис и Братец Кролик», сопоставление обнаруживается и внутри приведенной цитаты из песни Братца Кролика. Прием грамматических связок, характерных для сравнения, можно увидеть и в конструкциях *как-то так будет и в этот раз; попахивать и не чем-нибудь, а Би-Би-Си*. Приведенные фрагменты устанавливают между сравниваемыми ситуациями отношения аналогии, то есть создается эквивалентность между события-

ми, первоначально обладающими разной степенью сходства.

М.В. Захарова использует и еще один прием – грамматическое приложение: *раскопки – вещь такая, увлекательная и непредсказуемая*, функция которого заключается в уравнивании двух частей с позиционной точки зрения и оформлении их, таким образом, в виде парадигмы.

Представляется, что мультисмысловая устроенность тропофигуры иронии, семасиологическими механизмами которой в данном случае являются как соединение нескольких типов риторических приемов, апеллирование к функциональной устроенности когнитивной метафоры, так и публицистически организованная структура текста (преамбула, основной тезис, антитезис, обоснования и вывод), чрезвычайно точно воздействует на референта сообщения, вызывая необходимую автору (иначе – единственно истинную) аксиологическую реакцию.

В качестве примеров реализации механизмов создания иронического кода в российском политическом дискурсе приведем также цитаты из выступлений президента РФ В.В. Путина.

(2) В отношении представителей прессы я могу сказать так, как в свое время мы шутили, когда я работал в совершенно другой организации: их прислали подглядывать, а они подслушивают... (Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23864>).

В данном случае ирония строится на игре смыслов: переносное значение слова *подглядывать*, о котором первоначально подумали зрители, предполагает ‘сбор информации любыми способами’, однако происходит обман ожиданий реципиентов, поскольку лексема *подглядывать* используется в одном прямом значении.

(3) Должен сказать, что руки у России становятся все крепче и крепче. Выкрутить их вряд ли представляется возможным, даже такому сильному партнеру, как Евросоюз (Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22150>).

Контекст (3) – это демонстрация еще одного способа создания иронии – неожиданное завершение афоризма и изменение его

смысла. В высказывании используются фразеологических единицы *крепкая рука* и *выкручивать руки*, имеющие два противоположных смысла, однако при включение их в одну синтагму они не противоречат, а дополняют друг друга и создают таким образом иронический эффект.

(4) «Кто управляет страной в то время, когда вы и президент России спите?» – «Мы спим по очереди. Все под контролем, не сомневайтесь» (Президент России. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=414412>).

Президент России «ушел» от прямого ответа, актуализируя лишь прямое значение глагола *спать* (тогда как журналист понимал и его синонимический эквивалент – ‘бездействовать’).

(5) Я не хочу сказать, что нам совершенно безразлично ваше мнение и что мы плевать на все хотели. Нет, мы будем прислушиваться к советам... доброзелательным (Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21775>).

Здесь иронический код детерминируется антитезой, клишированной конструкцией с включением разговорных элементов, противопоставлением прямого значения переносному и (что особенно важно!) специальным паузированием и рематической акцентуацией последней языковой единицы.

Таким образом, тропофигура иронии, семасиологически организованная изменением смежности смыслов или форм (вплоть до их несовместимости) и имеющая многочисленные варианты репрезентации, оказывается не только языковой рамкой современного политического дискурса, но и неким культурным кодом взаимодействия властных структур и общества, при этом способ синтагматического оформления часто играет главенствующую роль, демонстрируя корреляцию тропофигуры иронии с тропофигурой парцелляции.

Тропофигура парцелляции в контексте современной политической коммуникации

В русской лингвистической традиции парцеллированные конструкции впервые были описаны Ю.В. Ванниковым, определившим их как «самостоятельные фразы, образующие вмес-

те с полной структурой единое высказывание и единое предложение» [Ванников, 1979, с. 102], им же был проведен теоретический анализ явления парцелляции и выделены основные функциональные типы. С конца 70-х гг. из-за смещения фокуса исследований в сторону прагматики парцелляция стала рассматриваться в аспекте ее коммуникативно-целевой нагруженности и разграничения собственно парцелляции и «смежных явлений»: «Парцелляция – явление динамического аспекта предложения. Это стилистический прием, состоящий в вычленении части высказывания, построенного по форме предложения, в самостоятельное высказывание, или, что то же самое, – представленность предложения в виде двух или нескольких фраз в экспрессивных целях» [Сковородников, 1981, с. 122]⁹.

В настоящее время большинство ученых отмечают, что парцелляция как способ организации текста связана с усложнением характера предикации, а значит, и с изменением схемы актуального членения предложения. В парцеллированных конструкциях, с одной стороны, продолжает действовать логическая предикативная связь, объединяющая основные компоненты актуального членения предложения – тему и рему – на уровне всего предложения, с другой стороны, «оживляются» синтаксические связи на уровне его частей. Парцеллированные конструкции обладают набором определенных признаков: 1) высказывание членится на две или более части, одна из которых представляет собой базовый компонент и содержит тему высказывания, а вторая – собственно парцеллят, всегда содержащий рему (нечто новое, нередко парадоксальное); 2) парцеллят – это не добавочная конструкция, а отчлененная часть уже существующей структуры, которая разграничивает высказываемые мысли и находится в постпозиции к базовой структуре; 3) на семантическом уровне парцеллят характеризуется идентичными с базовой частью временными семами; между частями расчлененной структуры сохраняются грамматические связи, которые при необходимости можно легко восстановить; предикативные признаки (модальность, синтаксическое время) заимствуются из базовой части; 4) модель предпарцел-

лируемой структуры сохранена, даже если при парцеллировании был нарушен порядок слов; 5) парцеллированный компонент имеет самостоятельное интонационное оформление – предупредительная пауза перед парцеллятом, убыстренный темп, повышение тона в конце (что в письменной речи маркируется отделением от базовой части пунктуационным знаком точки, реже возможны тире, многоточие, вопросительный или восклицательный знаки); 6) благодаря сознательному интонационному отвлечению от синтаксически господствующей части, информация, содержащаяся в парцелляте, в соответствии с интенциями адресанта актуализируется, при этом высказывание приобретает особую (метафорическую) смысловую и эмоциональную выразительность.

Соответственно, парцеллированные конструкции не только акцентируют внимание на суперпозиции ремы высказывания, но и выполняют существенную роль в манифестировании смысла текста и авторской позиции, тем самым демонстрируют признаки тропофигуры. В свете сказанного можно утверждать, что, будучи синкретичным синтаксическим феноменом, в котором «соединяются черты двух позиций – присловной и неприсловной – вне предложения с распространяемым компонентом» [Панков, 2019, с. 768], тропофигура парцелляции как лингвистический механизм текстообразования создает условия для преодоления языковых запретов на постановку в синтаксическую постпозицию различных словоформ и маркирует коммуникативно релевантный компонент высказывания, что детерминирует ее активное включение в те дискурсивные практики, где персуазивность, интерпретация и контроль выходят на первый план [Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., 2019, с. 258].

Характеризуясь формально-семасиологической неоднозначностью, с одной стороны, и явной идиостилистической окрашенностью – с другой, парцеллированные конструкции, вероятно, «перешли» в политическую речь (впрочем, как и в речь публицистическую в целом) из речи разговорной, и собственно орнаментальной константе предшествовала речевая ошибка, детерминированная интонационным разрывом синтаксической связи между членами синтагмы и оформленная графически с

грамматическим нарушением (в аспекте ортологии) границы предложения. Однако дальнейшее закрепление в речевой практике такой «диаграмматичности» (в терминологии Т.Г. Хазагерова), обусловленное рефлексией говорящего, что информация о количестве и порядке расположения, которую латентно «несет» эта тропофигура, вместе с соответствующей интонацией позволяет отображать не только семантически сопоставимые характеристики окружающей действительности (при разнородности дейксиса), но и внутренние ритмы психической деятельности, обеспечило им статус яркого стилистического феномена. Тропофигура парцелляции, эксплицируя целый спектр эмоциональных состояний и оценочно-модальных значений, предоставляет возможность участникам политического дискурса варьировать как аксиологическое наполнение высказывания, так и его прагматическую нагрузку. В этой связи тропофигуру парцелляции можно рассматривать не столько как одну из орнаментальных конструкций, сколько как способ реализации определенных лингвокультурных смыслов [Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., 2020].

Анализ эмпирического материала и лингвистические наблюдения дают основания утверждать, что функциональная многоплановость парцелляции, незамкнутость ее лексического воплощения, достаточная свобода синтаксического представления (в пределах структуры простого / сложного предложения, однородных членов; вследствие эллипса глагола общего значения; контактность / дистантность расположения; степень распространности и количественность парцеллята) приводят к тому, что парцеллированные конструкции в политическом дискурсе имеют разные модели.

Один из наиболее употребительных вариантов – парцелляция простого предложения с логическим выделением участников, обстоятельств или условий произошедшего, являющихся в употребляемом контексте значимой информацией. Имея вполне простую грамматическую структуру, подобная модель парцелляции оказывается уникальным когнитивным приемом в коммуникативном плане. Как правило, в самостоятельное высказывание выделяются конstituенты, способность которых к отграничению определяется не столько структурой, сколько пропозиционными факторами и специфическими коммуни-

кативными задачами: такие элементы разнообразны по морфологическому оформлению, что диктует и частотность их употребления в речи.

Наиболее типичны в роли парцеллятов (в силу их слабой связи с базовой частью и способности к детализации и актуализации) наречия и предложно-падежные сочетания наречного типа:

(6) Для людей важно, что реально сделано и как это улучшает их жизнь, жизнь их семей. **И не когда-нибудь, а сейчас** (Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>);

(7) Националисты на Украине избили нашего стрингера Ruptly – после того как он взял интервью у прохожих об их отношении к Дню Победы. Работать на новостное агентство, имеющее отношение к России, на Украине сейчас смертельно опасно. **Особенно в День Победы** (М.С. Симоньян. URL: https://twitter.com/M_Simonyan/status/1391512535023636483).

Парцелляция дополнений, которые связаны с глаголом, оказывается затрудненной, а чаще вовсе не возможной. Непрогнозируемые же дополнения, благодаря ослабленной семантической связи с доминирующим элементом, обладают большой способностью к парцеллированию:

(8) Забыли о главном – о людях. **Об их интересах и потребностях** (Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>);

(9) Но никогда, слышите, никогда и нигде никто не ставил мне условий нахождения в эфире. **Кроме команды Навального** (Facebook. М. Захарова. URL: https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?epa=SEARCH_BOX);

(10) Честно скажу, сегодня вечером час спала на диване в кабинете. **Под пледом и пальто** (Facebook. М. Захарова. URL: https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?epa=SEARCH_BOX);

(11) Я не знаю, проиграли мы эту первую битву или нет. И с кем мы вообще воюем: с вирусом? **Или с самими собой?** (Facebook. М. Захарова. URL: https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?epa=SEARCH_BOX);

(12) А почему у нас нельзя привиться иностранцам? **Даже за деньги** (М.С. Симоньян. URL: https://twitter.com/M_Simonyan/status/1384101857228845066?s=20).

Продуктивной в системе простых предложений является модель с расчленением од-

нородных членов, как правило одноформных сказуемых или определений:

(13) Наша страна всегда шла в авангарде освоения Вселенной. Будем делать все, чтобы уделять должное внимание и одному из важнейших направлений – пилотируемой космонавтике. **Обязательно продолжим реализацию стратегических планов по освоению космоса. Будем развивать все наши программы**» (Президент России. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/63183>);

(14) Его нет, отношения. **Ни хорошего, ни плохого. Никакого** (М.С. Симоньян. URL: https://twitter.com/M_Simonyan/status/1386006946696794120?s=20).

Парцелляция разноформных членов встречается реже, однако, помимо экспрессивно-семантической, выполняет конструктивно-прагматическую функцию (в примерах ниже различие времени глаголов подчеркивает обещание продолжения действия):

(15) Факты о помощи. **И она поступает. И будет поступать** (Facebook. М. Захарова. URL: https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?epa=SEARCH_BOX);

(16) А есть только витиеватые отношения с Турцией. **Вот сейчас такие. Потом будут другие. Или не будут. Но армяне для США – просто ружьишко** (М.С. Симоньян. URL: https://twitter.com/M_Simonyan/status/1386006946696794120?s=20).

Отметим частотность использования в таких конструкциях союза *и* в качестве вставки, который, восстанавливая плавность, ритмическое равновесие парцеллята и базовой части, способствует смягчению речевого разрыва.

Особое внимание обращают на себя парцеллированные конструкции, включающие (а) вводные / оценочные / модальные слова и (б) повторяющиеся языковые единицы. Подобные парцелляты, в зависимости от семасиологической нагруженности включенных конститuentов (а), позволяют усилить эмоционально-оценочный компонент высказывания, при этом грамматически их можно отнести к условиям, способствующим парцелляции:

(17) Но прежде, чем перейдем к информации и докладам, хотел бы сказать несколько слов. Мы видим с вами, что обстановка меняется практически

ки ежедневно. **И к сожалению, не в лучшую сторону** (Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63194>);

(18) Особого внимания требуют, безусловно, беременные женщины, будущие мамы. **И конечно, дети, в том числе новорожденные** (Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63229>).

Тропофигура парцелляции, организованная на основе позиционно-лексического повтора (б), не относится к наиболее продуктивным в политическом дискурсе, однако незаменима в тех случаях, когда необходимо большое эмоциональное вовлечение «разнородной» аудитории: синтаксическая гибкость и вариативность фрагментов данной модели, обуславливающая расширение семантики парцеллированного предиката, обеспечивает гармоничный переход от одной части к другой и помогает дважды (и более) зафиксировать внимание реципиента на особо значимых элементах информации:

(19) А сегодняшнее духовное, радостное и светлое событие, многовековые традиции Пасхального праздника также помогут и поддержат каждого из нас, укрепят нашу надежду и веру. **Потому что Пасха, Воскресение Христово – это символ торжества жизни над всем тем, что против нее. Это символ очищения, возрождения и продолжения жизни** (Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63222>);

(20) Каких только *звонков*, писем, сообщений я за эти дни не получала. **Со всего мира. И колл-центр, сообщения которого мы в ручную разбираем в ДИПе, помогая коллегам, и звонки от совершенно неизвестных людей с Филиппин, у которых кроме документов и телефона нет ничего, и крики матери, что ее дочь в Праге одна... Регионы, полномоченные, туристы, депутаты, домохозяйки, дальнбойщики.... Но об одном звонке хочу рассказать отдельно. Вчера звонят люди. Лично их не знаю. Как выяснилось, обеспеченные. Даже богатые. Очень богатые. Настолько, что <....>** (Facebook. М. Захарова. URL: https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?epa=SEARCH_BOX).

Примеры (19), (20) примечательны также расчленением элементов сложного предложения: контекстуальные связи парцеллируемого компонента усложняются, что приводит к его текстовой обособленности. Важным

при анализе таких моделей становится антропоцентричность тропофигуры парцелляции, детерминированная иллокутивными намерениями автора. В одних случаях актуализируется референциальное единство партиципантов (что не исключает императивности), характеризующее аксиологическую общность власти и народа; парцеллят нейтрален и является логическим усилением указания на причину:

(21) Для всех нас – для федеральных, региональных органов власти – крайне важны ваши профессиональные оценки и рекомендации. **Поэтому будем и дальше находиться с вами на постоянной связи** (Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63229>);

(22) Хочу особо обратиться к врачам, фельдшерам, медицинским сестрам, сотрудникам больницы, поликлиник, ФАПов, служб скорой помощи, к нашим ученым. Вы сейчас на переднем крае защиты страны. Сердечно благодарю всех вас за самоотверженный труд. Также прошу губернаторов ускорить передачу необходимой информации из региональных загсов в налоговую службу. **Коллеги, это принципиально важно, чтобы начать выплаты. Обратите на это внимание** (Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63061>).

В других случаях фиксируется несовпадение речевого членения с грамматическим, внимание интонационно акцентируется на зависимом положении парцеллята, в результате чего усиливается апеллятивный эффект всей конструкции:

(23) По Марокко. Читаю «посольство отделяется отговорками, что вопрос решается». **Это не отговорки. Он действительно решается.** В данный момент идет межведомственное совещание по логистике вывоза россиян из этой и других стран. **Все понимаю. Больше, чем вы думаете, так как круглосуточно общаемся со всеми уголками мира.** И слово «потерпите» произношу с трудом, потому что знаю все обстоятельства в подробностях. Около 9 тысяч человек ждут разрешения вопроса с возвращением на Родину. **Занимаемся. Все вместе. Круглосуточно** (Facebook. М. Захарова. URL: https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?epa=SEARCH_BOX);

(24) Прибыли в Питер. Вывозные рейсы организуются в строгом соответствии с требованиями Штаба. **Люди возвращаются домой. Не к кому-то домой, а к себе домой** (Facebook. М. Захарова. URL:

https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?epa=SEARCH_BOX);

(25) Давайте пообещаем себе, когда это закончится, ценить и любить жизнь, дорожить каждым моментом, радоваться окружающему миру и беречь друг друга. **Хотя нет. Начинать надо уже сейчас** (Facebook. М. Захарова. URL: https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?epa=SEARCH_BOX).

Отметим и явную эллиптичность парцеллятов, демонстрирующую общезыковую тенденцию амбивалентности использования речевых средств – соединения «экономичности» с «изобразительностью» (и компенсации вторым компонентом первого). Такая дискретность передает расщепленный «поток сознания» человека, создает фрагментарность, подвижность, динамизм. Соответственно, тропофигура парцелляции позволяет показать непосредственное движение человеческой мысли, «не обработанной» по ортологическим законам:

(26) Прошло три недели, и вот вам история очевидца. **Живой человек. Можно задать вопросы. Подискутировать. Никакой «руки Кремля», только прямая речь свидетеля. Мы не знакомы. Есть пара общих друзей, но только в сети** (Facebook. М. Захарова. URL: https://www.facebook.com/maria.zakharova.167?epa=SEARCH_BOX).

Последние примеры (23, 25, 26) демонстрируют также конвергентность орнаментальных конструкций: первый парцеллят усиливается последующим, в результате чего вычленяется градационный ряд, семантически «усиленный» разнохарактерностью референциальной отнесенности вербального знака. Детерминирующим признаком такого явления в политическом взаимодействии следует обозначить фактор осознанности автором – рефлексированности – построения и употребления тропофигуры, поскольку в данном случае мы имеем дело со строго организованным иллокутивным актом, реализующим определенные интенции.

Таким образом, тропофигуры иронии и парцелляции, имеющие сложнейшую когнитивную природу (специфические взаимоотношения между прямым / метафорическим / узвальным / окказиональным значениями, между формой и содержанием синтаксической

модели; интертекстуальный характер дейкиса, градуально представленный на больших отрезках текста; несоответствия между традиционно и ситуативно обозначенным; транспозиция синтаксических структур и – шире – факт структурирования воздействующего текста по принципу расчлененности со смещением рематического компонента в самостоятельную синтагму при минимизации языковых средств), наполняющие и видоизменяющие дискурсивное пространство политического взаимодействия, существенно расширяют набор конструирования новых коммуникативных единиц.

Заключение

Политический дискурс, представляя собой ярко выраженную эмоциогенную среду, оказывается «сверхчувствительной компонентой» современной российской логосферы, где новые формы коммуникативного взаимодействия, транслирующиеся в иные дискурсивные интеракции, не только создаются, но и, что важнее, отрабатываются и закрепляются в качестве эталонных моделей. При этом соотношение информации (нередко негативной) и ее позитивной языковой категоризации обеспечивается определенными идиостилистическими средствами, вызывающими необходимый автору эмоциональный отклик, поскольку, как справедливо отмечает С.В. Ионова, «не существует неэмоциональных языковых личностей и все языковые, речевые, текстовые произведения, создаваемые *homo sentries*, всегда актуально или потенциально эмотивны» [Ионова, 2015, с. 23].

Переходный характер *тропофигур иронии и парцелляции*, иллокутивная косвенность и нетипичность их моделей детерминируют высочайшую степень экспрессии в свернутой «упаковке», актуализируют процесс эмотивно-интеллектуального воздействия и тем самым обеспечивают успешную реализацию прагматической цели. Будучи в своей основе стилистическими фигурами с вполне определенными синтаксическими структурами, они в то же время являются, как и классические тропы (метафора, метонимия и др.), формами эмотивно-художественного мышления, содержащими многоплановое приращение смыс-

ла в акте ценностно-идеологического освоения действительности. Более того, при идиомаркированной (авторской) экспликации данных языковых знаков акцентируются явления реляционного плана, сам характер, тип сцепления отрезков текста несет значимую семасиологическую и стилистическую нагрузку: мир, понимаемый через сопоставление / расширение неких разнородных понятий, аргумент многослоен. Конвергентность категориальных признаков тропофигур многократно повышает интерпретационно-воздействующий потенциал высказывания и тем самым обеспечивает специфическую институциональность политической практики.

Таким образом, тропофигуры иронии и парцелляции, представляя собой универсальные явления полифункционального характера, обладающие неограниченной возможностью реализации интенционального вектора высказывания, оказываются как способом выражения отношения к миру (зависимым от ментальных особенностей определенного этноса), так и способом отражения этого мира, что позволяет рассматривать их в качестве лингвокультурных спецификаторов современного политического дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 19-312-90069 «Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации» (Н.А. Боженкова, Т.И. Каличкина), № 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных / нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование» (Н.А. Боженкова, Т.И. Каличкина, А.П. Пантелеева).

The reported study was funded by RFBR, grant number 19-312-90069 «Irony as the way of explication of the linguistic and cultural features of modern political communication» (N.A. Bozhenkova, T.I. Kalichkina), grant number 18-012-00574 «Linguocultural dominants of legitimate / illegitimate political discursive practices in the space of Russian-language communication: the typological research» (N.A. Bozhenkova, T.I. Kalichkina, A.P. Panteleeva).

² Такая радикальная переоценка лучше и полнее других авторов была сделана М.А. Петровским («Фигура», 1925) и нашла свое системное подкрепление в работах Л.К. Граудиной, В.И. Королькова,

Ю.М. Скребнева, А.П. Сквородникова, Цв. Тодорова, Т.Г. Хазагерова, Л.С. Шириной и др.

³ Показательны в этом отношении словарная статья о фигурах речи в энциклопедии «Русский язык», начинающаяся определением: «Фигуры речи, риторические, стилистические фигуры, – в широком смысле: любые языковые средства, включая тропы, придающие речи образность и выразительность» [Русский язык..., 1979, с. 368], и работы А. Бэна, который категорически утверждал: «... различие тропов и фигур – это различие внешнее и не имеет практического значения» [Бэн, 1886, с. 8]. Такой – синкретический – подход к проблеме, нивелирующий саму постановку вопроса о соотношении тропа и фигуры, находит свое отражение в значительном количестве риторических исследований и в наши дни.

⁴ Впервые разделение изобразительных средств языка на тропы (фигуры речи) и собственно стилистические фигуры (фигуры мысли) встречается в «Риторике для Геренния» (86–82 гг. до н. э.), далее постулируется в работах Квинтилиана, во многих русских риториках и курсах словесности (см. описание Н.Ф. Кошанского: «Тропы – язык воображения, пленительный и живописный, основанный на подобию и разных отношениях; а фигуры – язык страстей, сильный и разительный, свойственный оратору в жару чувств, в стремлении души, в пылком движении сердца» [Кошанский, 1829, с. 118]). Приверженцами именно такой точки зрения – необходимости раздельного изучения тропов и фигур – являются многие современные лингвисты.

⁵ Публикации, в которых троп и фигура предстают как некое нерасчлененное целое, продолжают появляться и в наши дни. Так, «Общая риторика группы μ» [Дюбуа и др., 1986] включает в типологию всех языковых фигур и тропы, квалифицируемые на уровне метасемем.

⁶ Наблюдается превалирование диалогической коммуникативной парадигмы по отношению к монологической, что предполагает более тесное общение с адресантом и, соответственно, усиление эффекта речевого воздействия.

⁷ Отдельные положения данного раздела исследования были апробированы в формате магистерской диссертации [Каличкина, 2017].

⁸ См. также словарь Д.М. Ушакова – «риторическая фигура, в которой слова употребляются в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки» (Ушаков); словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой – «тонкая, скрытая насмешка» (Ожегов, Шведова).

⁹ В современных исследованиях встречается и такая дефиниция: «Специальный прием коммуникативно-стилистической организации текста, предназначенный для усиленного эмоционально-

го и интеллектуального воздействия на адресата информации» [Богоявленская, 2013, с. 128].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богоявленская Ю. В., 2013. Парцелляция в сильных позициях медиатекста // Политическая лингвистика. № 1. С. 128–132.
- Боженкова Н. А., Боженкова Р. К., 2019. Зевгматические и парцеллированные конструкции как семасиологические идентификаторы политического дискурсивного взаимодействия // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном пространстве «Восток-Запад: пересечения культур». Киото : Tanaka Print. С. 254–261.
- Боженкова Н. А., Боженкова Р. К., 2020. Парцелляция как лингвокогнитивный идентификатор русского политического дискурса // Горизонты современной русистики : сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию юбилею акад. В.Г. Костомарова. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. С. 125–131.
- Боженкова Н. А., Боженкова Р. К., Боженкова А. М., 2017. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений коммуникантов в современных политических дискурсивных практиках // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». Т. 15, № 3. С. 255–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284>.
- Боженкова Н. А., Катышев П. А., Ионова С. В., Афанасьева Э. М., Саакян Л. Н., 2019. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 3. С. 76–92. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>.
- Бэн А., 1886. Стилистика и теория устной и письменной речи. М. : Тип. В. В. Исленьева. XXVI, 293 с.
- Ванников Ю. В., 1979. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М. : Рус. яз. 296 с.
- Водак Р., 2011. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. № 4 (38). С. 24–34.
- Горнфельд А., 1911. Фигура в поэтике и риторике // Вопросы теории и психологии творчества. В 2 т. Т. 1. Фигура в поэтике и риторике. Изд. 2-е. Харьков : Мирный труд. С. 335–339.
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж.-М. [и др.], 1986. Общая риторика группы μ / пер. с фр. Е. Э. Разлоговой, Б. П. Нарумова ; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. М. : Прогресс. 392 с.
- Зольгер К. В. Ф., 1978. Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве. М. : Искусство. 432 с.
- Ионова С. В., 2015. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. № 1. С. 20–30.
- Каличкина Т. И., 2017. Ирония как репрезентант лингвокультурных особенностей русскоязычного и тюркоязычного институционального дискурса : магистр. дис. М. 113 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=462031> (дата обращения: 20.07.2020).
- Корольков В. И., 1974. К теории фигур // Сборник трудов Московского госпединститута им. М. Тореца. Вып. 78. С. 60–93.
- Кошанский Н. Ф., 1829. Общая риторика. СПб. : Тип. Мед. департамента М-ва внутр. дел. 152 с.
- Новиков Л. А., 2002. Поэтическое противоречие // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. № 3. С. 122–129.
- Панков Ф. И., 2019. Сегмент и парцеллят как синтаксические позиции словоформ // Русское слово в многоязычном мире : материалы XIV Конгр. МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апр. – 3 мая 2019 г.) / редкол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина [и др.]. СПб. : МАПРЯЛ. С. 765–770.
- Потебня А. А., 1990. Теоретическая поэтика. М. : Высш. шк. 344 с.
- Русский язык: энциклопедия, 1979 / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Сов. энцикл. 432 с.
- Сковородников А. П., 1981. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования. Томск : Изд-во Том. ун-та. 255 с.
- Стернин И. А., 2003. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX–XXI вв. : Человек и его дискурс. М. : Азбуковник. С. 91–108.
- Шаховский В. И., 2008. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис. 416 с.

СЛОВАРИ

- БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 16. М. ; Л. : АН СССР, 1965. 1610 стб.
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. : Дрофа, 2011. 4 т.
- Ожегов, Шведова – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ozhegov.info/slovar/?q=%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 20.07.2020).

Ушаков – Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=21495> (дата обращения: 20.07.2020).

REFERENCES

- Bogoyavlenskaya Yu.V., 2013. Partsellyatsiya v silnykh pozitsiyakh mediateksta [Parcellation in strong positions of media text]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], no. 1, pp. 128-132.
- Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., 2019. Zevgmaticheskie i partsellirovannye konstruksii kak semasiologicheskie identifikatory politicheskogo diskursivnogo vzaimodeystviya [Zeugmatic and parceled constructions as semasiological identifiers of political discursive interaction]. *II Vsemirnyy kongress v realnom i virtual'nom prostranstve "Vostok-Zapad: peresecheniya kultur"* [Proceedings II World Congress in Real and Virtual Mode "East-West: the intersection of culture"]. Kioto, Universitet Kioto Sange, Tanaka Print, pp. 254-261.
- Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., 2020. Partsellyatsiya kak lingvokognitivnyy identifikator Rossiyskogo politicheskogo diskursa [Parceled constructions as a linguocognitive identifier of Russian political discourse]. *Gorizonty sovremennoy rusistiki: sb. st. Mezhdun. nauch. konf., posvyashchennoy 90-letnemu yubileyu akademika V.G. Kostomarov* [Proc. Int. sci. conf., dedicated to the 90th anniversary of Academician V.G. Kostomarov "Horizons of modern Russian studies"]. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute, pp. 125-131.
- Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M., 2017. Sovremenniy politicheskii diskurs: verbalnaya ekzemplifikatsiya taktiko-strategicheskikh predpochteniy kommunikantov v sovremennykh politicheskikh diskursivnykh praktikakh [Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences]. *Vestnik RUDN. Seriya "Russkiy i inostranny yazyki i metodika ikh prepodavaniya"* [RUDN journal of Russian and foreign languages research and teaching], vol. 15, no. 3, pp. 255-284. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284.
- Bozhenkova N.A., Katyshev P.A., Ionova S.V., Afanaseva E.M., Saakyan L.N., 2019. Russkiy politicheskii diskurs v fokuse lingvoekologii [Russian political discourse in the focus of linguistic ecology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 3, pp. 76-92. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>.
- Bain A., 1886. *Stilistika i teoriya ustnoy i pismennoy rechi* [Stylistics and theory of oral and written speech]. Moscow, V. V. Islenev's printing house. XXVI, 293 p.
- Vannikov Yu.V., 1979. *Sintaksis rechi i sintaksicheskie osobennosti russkoy rechi* [Speech syntax and syntactic features of Russian speech]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 296 p.
- Wodak R., 2011. Kriticheskaya lingvistika i kriticheskiy analiz diskursa [Critical linguistics and critical discourse analysis]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], no. 4 (38), pp. 24-34.
- Gornfeld A., 1911. Figura v poetike i ritorike [A figure in poetics and rhetoric]. *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva: posobiye pri izuchenii teorii slovesnosti v vysshikh i srednikh uchebnykh zavedeniyakh. V 2 t. T. I* [Questions of theory and psychology of creativity: A guide for the study of literature in higher and secondary educational institutions. In 2 vols. Vol. 1]. Kharkov, Mirnyy trud Publ., pp. 335-339.
- Dubois J., Edelin F., Klinkenberg J.-M. et al., 1986. *Obshchaya ritorika gruppy μ* [General rhetoric of the μ group] Moscow, Progress Publ. 392 p.
- Solger K.W.F., 1978. *Ervin. Chetyre dialoga o prekrasnom i ob iskusstve* [Erwin. Four dialogues on beauty and art]. Moscow, Iskusstvo Publ. 432 p.
- Ionova S.V., 2015. Emotsionalnye efekty pozitivnoy formy obshcheniya [Emotional effects of positive forms of communication]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Russian journal of linguistics], no. 1, pp. 20-30.
- Kalichkina T.I., 2017. *Ironiya kak reprezentant lingvokulturnykh osobennostey russkoyazychnogo i turkoyazychnogo institutsionalnogo diskursa: magist. dis.* [Irony as a representative of the linguocultural characteristics of the Russian-speaking and Turkic-speaking institutional discourse. Master's thesis]. Moscow. 113 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=462031> (accessed 20 July 2020).
- Korolkov V.I., 1974. K teorii figure [On the figure theory]. *Sbornik trudov Moskovskogo gospedinstituta im. M. Toreza* [Proceedings of the Moscow Pedagogical State University], iss. 78, pp. 60-93.
- Koshanskiy N.F., 1829. *Obshchaya ritorika* [General rhetoric]. Saint Petersburg, Tipografiya Meditsinskogo departamenta vnutrennikh del. 152 p.
- Novikov L.A., 2002. Poeticheskoe protivorechie [Figura contradictionis]. *Vestnik RUDN. Seriya:*

- Lingvistika* [Russian journal of linguistics], no. 3, pp. 122-129.
- Pankov F.I., 2019. Segment i partsellyat kak sintaksicheskie pozitsii slovoform [Segment and parcel as syntactic positions of word forms: a fragment of a linguodidactic model of Russian grammar]. *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: materialy XIV Kongr. MAPRYAL* [Proceedings XIV Congress MAPRYAL "The Russian word in the multilingual world"]. Saint Petersburg, MAPRYAL, pp. 765-770.
- Potebnya A.A., 1990. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 344 p.
- Filin F.P., ed., 1979. *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 432 p.
- Skovorodnikov A.P., 1981. *Ekspressivnye sintaksicheskie konstruksii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Opyt sistemnogo issledovaniya* [Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language. Systems research experience]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 255 p.
- Sternin I.A., 2003. Sotsialnye faktory i publitsisticheskiy diskurs [Social factors and publicistic discourse]. *Massovaya kultura na rubezhe XX–XXI vv.:* *Chelovek i ego diskurs* [Popular culture at the turn of the 20–21st centuries. Man and his discourse]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 91-108.
- Shakhovskiy V.I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis Publ. 416 p.

DICTIONARIES

- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 16* [Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vols. Vol. 16]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1965. 1610 cols.
- Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 vols.]. Moscow, Drofa Publ., 2011.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 1992. URL: <http://ozhegov.info/slovar?q=ирония> (accessed 20 July 2020).
- Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=21495> (accessed 20 July 2020).

Information About the Authors

Natalya A. Bozhenkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, natalyach@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>

Tamara I. Kalichkina, Postgraduate Student, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, toma.kalichkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0728-5323>

Aleksandra P. Panteleeva, Postgraduate Student, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, panteleeva-alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2295-3780>

Информация об авторах

Наталья Александровна Боженкова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, natalyach@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>

Тамара Игоревна Каличкина, аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, toma.kalichkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0728-5323>

Александра Павловна Пантелеева, аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, panteleeva-alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2295-3780>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>

UDC 81'42:004.738.5+612.821.2
LBC 81.006

Submitted: 10.11.2020
Accepted: 12.01.2021

EXPERIMENTAL STUDY OF DEMOTIVATORS AND MEMES PERCEPTION COMPLEXITY¹

Aleksandra V. Gorbacheva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Alexandra A. Berlin Khenis

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Alexandra N. Puchkova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a pilot study of the perception of the demotivator and meme genres. It was a part of an experimental study of psychophysiological and psycholinguistic features of perception and understanding of multimodal extremist texts. The aim of the study is to develop and test the hypothesis about the influence of genre on perception of multimodal texts. To test the hypothesis, we analyze the respondents' eye movement data from the main experimental study ($n = 60$; 31 forensic linguists with anti-extremism practice, 29 non-experts). Research methods were eye-tracking and quantitative data processing. The following statistically reliable data were obtained: compared to memes, respondents looked at demotivators (1) for a longer time, made (2) shorter fixations, (3) with more of them, and also made (4) faster and (5) shorter saccades. These parameters may indicate a denser scanning pattern of viewing demotivators compared to memes and greater cognitive expenditure in assessing the semantic content of demotivator texts. The results of the study suggest a connection between genre and the degree of multimodal texts perception complexity. This provides an opportunity for further research in this direction and, in the future, will enable the development of norms of cognitive load of judicial linguists who analyse multimodal extremist texts.

Key words: multimodal text, creolized text, meme, demotivator, Internet genre, eye-tracking, perception.

Citation. Gorbacheva A.V., Berlin Khenis A.A., Puchkova A.N., Osadchiy M.A. Experimental Study of Demotivators and Memes Perception Complexity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 74-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>

УДК 81'42:004.738.5+612.821.2
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 10.11.2020
Дата принятия статьи: 12.01.2021

СЛОЖНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ДЕМОТИВАТОРОВ И МЕМОВ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Александра Вячеславовна Горбачева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Александра Александровна Берлин Хенис

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Александра Николаевна Пучкова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, г. Москва, Россия

Михаил Андреевич Осадчий

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены предварительные результаты пилотного исследования восприятия жанров демотиватора и мема, которое проводится в рамках экспериментального изучения психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и понимания поликодовых текстов экстремистской направленности. Разработана гипотеза о влиянии жанра на восприятие и понимание поликодовых текстов (А.В. Горбачева, М.А. Осадчий). Для ее верификации анализируются данные о движениях глаз респондентов, полученные в ходе основного экспериментального исследования. Осуществлены айтрекинг и количественная обработка данных (А.А. Берлин Хенис, А.Н. Пучкова). Систематизированы следующие статистически достоверные данные: в сравнении с мемами респонденты рассматривают демотиваторы (1) более продолжительное время, делают (2) более короткие фиксации, (3) при их большем количестве, а также совершают (4) более быстрые и (5) короткие саккады. Эти параметры могут указывать на более плотный сканирующий паттерн просмотра демотиваторов в сравнении с мемами и большие когнитивные затраты при оценке смыслового содержания текстов демотиваторов (А.А. Берлин Хенис, А.В. Горбачева, А.Н. Пучкова, М.А. Осадчий). Результаты исследования позволяют предположить наличие связи между жанром и степенью сложности восприятия поликодовых текстов. Это обеспечивает возможность проведения дальнейших исследований в данном направлении и в перспективе позволит разработать нормы когнитивной нагрузки судебных лингвистов, анализирующих поликодовые тексты экстремистской направленности.

Ключевые слова: поликодовый текст, креолизованный текст, мем, демотиватор, интернет-жанр, айтрекинг, восприятие.

Цитирование. Горбачева А. В., Берлин Хенис А. А., Пучкова А. Н., Осадчий М. А. Сложность восприятия демотиваторов и мемов: экспериментальное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 74–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>

Введение

Современные цифровые технологии, образовавшие едва ли не все сферы человеческой жизнедеятельности, трансформировали и текстовую реальность, в результате чего поликодовые тексты, включающие знаки различных семиотических систем, превратились в обыденную форму хранения и передачи информации. Это сделало поликодовые тексты частотными объектами судебной лингвистической экспертизы, что породило вопрос о создании методик их исследования в специальных целях.

Существующий общественный запрос на объективизацию экспертного анализа требует, чтобы в основе прикладных разработок в данной области лежали результаты фундаментальных научных исследований процессов восприятия и понимания поликодовых текстов. В рамках этого запроса, помимо разработки алгоритмов реконструкции целостного смыс-

ла текста, необходимым направлением работы является составление рекомендаций по управлению когнитивными процессами при осуществлении экспертного задания, поскольку их адекватная регуляция напрямую влияет на логику и степень объективности исследования. Одной из серьезных проблем в данной области представляется работа в состоянии утомления внимания, которое, кроме снижения продуктивности, может провоцировать экспертные ошибки. Уменьшить риски, связанные с последствиями этого состояния, могут оценка и последующее нормирование когнитивной нагрузки экспертов.

Первым шагом к определению порогов утомления внимания при оценке поликодовых текстов и разработке соответствующих норм может стать исследование параметров глазодвигательной активности и влияющих на нее факторов, поскольку именно движения глаз являются внешним коррелятом процессов восприятия и понимания, обусловленных работой

произвольного внимания. Ранее мы освещали результаты нашего экспериментального исследования восприятия и понимания поликодовых текстов, которые касаются влияния на параметры движений глаз факторов, связанных с личностью воспринимающего субъекта [Берлин Хенис, Пучкова, 2020; Горбачева и др., 2020]. Однако взаимодействие человека с текстом как объектом действительности предполагает, что у последнего имеются заданные характеристики, способные детерминировать восприятие текста наравне с особенностями самого интерпретатора. Это означает, что внешняя организация поликодового текста, характер использованных образов и/или их расположение, свойства знаков различной степени условности (индексальные, иконические, символные знаки) – все это может в той или иной степени определять качество внимания при работе с поликодовыми текстами. В настоящей статье мы рассмотрим в качестве такого внешнего определителя жанр поликодового текста.

Материал и методы

Значительная часть жанровых исследований поликодовых текстов, в особенности выполненных российскими учеными, посвящена мемам и демотиваторам. В работах некоторых отечественных коллег можно встретить указание на то, что перцептивная сложность поликодовых текстов коррелирует с их жанровой принадлежностью. Так, мемы в связи с их минималистичной формой оцениваются как когнитивно легкий жанр, ориентированный на быстрое восприятие и простое понимание, в первую очередь внутри социальных групп [Зиновьева, 2015, с. 196; Канашина, 2017; 2018а, с. 127; Ягодкина, 2019; и др.]. Порой к таким выводам приходят авторы, которые изначально придерживались обратной точки зрения, мотивируемой тем, что мемы – это тексты с высоким сжатием информации, которые в силу обусловленности пресуппозицией требуют от реципиента существенных умственных усилий при интерпретации [Канашина, 2018б, с. 76]. В то же время, знакомясь с источниками, мы не обнаружили оценок сложности восприятия демотиваторов, и это подсказывает, что в настоящий момент данный признак, ве-

роятно, не является для исследователей сколько-нибудь определенным. Тем не менее особенности мемов и демотиваторов достаточно хорошо описаны в литературе, и их сравнение позволит обосновать предположение о том, какой из этих жанров базово сложнее для восприятия и понимания.

Разработка гипотезы. Начинать такое сравнение следует с описания демотиваторов и мемов как самостоятельных жанров. Демотиваторы (demotivators, demotivational) выделяются большинством ученых как полноценный жанр с собственной внешней организацией, характером информации и функциями [Бабина, 2017; Бабина, Иванова, 2016; Баслина, Ухова, 2014; Бугаева, 2011; Клочко, 2017; Крылов, Стексова, 2020; Лутовинова, 2016; Рабкина, Каменева, 2013; и др.], хотя наряду с этим, основываясь на характере передаваемой информации, некоторые отечественные и зарубежные лингвисты осмысливают их как разновидность мемов [Канашина, 2017; Максимова, 2019; Сонин, Мичурин, 2012; Щурина, 2014б; Milner, 2012; и др.]. Наиболее понятным и устойчивым жанровым признаком демотиваторов является графический шаблон. Исследователи выделяют следующие *обязательные компоненты шаблона демотиватора*:

– одночастное или многочастное изображение, помещенное в черную рамку [Бабина, 2017; Бугаева, 2011; Крылов, Стексова, 2020; Лутовинова, 2016; Щурина, 2014а], обычно занимающее большую часть площади экранного пространства, отведенного для текста;

– комментарий в виде надписи или надписей, выполненных белым шрифтом на черном фоне под изображением [Бугаева, 2011; Лутовинова, 2016; Рабкина, Каменева, 2013; Сонин, Мичурин, 2012; Щурина, 2014а]: верхний блок содержит слоган, выражающий основную идею комментария, и в русском варианте с целью выдвижения выполняется начиная с прописной или полностью прописными буквами [Бугаева, 2011; Лутовинова, 2016; Сонин, Мичурин, 2012; Рабкина, Каменева, 2013; Щурина, 2014а]; нижний блок заполняет надпись или надписи, которые выполняются строчными буквами и содержат пояснение или продолжение слогана [Бугаева, 2011; Лутовинова, 2016; Рабкина, Каменева, 2013; Сонин,

Мичурин, 2012]. При реализации классического – полного – шаблона (рис. 1) представлены обе надписи [Дурынина, Казяба, 2013], но расширение круга пользователей шаблона «приводит к постепенной утрате изначально-го отношения между фрагментами текста» [Сонин, Мичурин, 2012], поэтому в усеченном варианте может быть дан любой из них, при этом высказывание осуществляет одну из двух или обе указанные смысловые функции.

В противоположность простоте определения характеристик графического шаблона, установление специфической коммуникативной цели демотиватора представляется нетривиальной задачей. Во-первых, коммуникативная цель этого жанра сконструирована и декларирована компанией – создателем демотиваторов «Despair» в виде лозунга: «Разрушать мечты суровой правдой жизни» («Crushing dreams with hard truths») [Рабкина, Каменева, 2013, с. 146] – и зафиксирована в самом его названии – демотивационный постер / плакат. Во-вторых, имеются результаты лингвистического анализа, которые показывают, что в спектр коммуникативных целей демотиватора попадают дискредитация социально одобряемых ценностей, критика сложившейся ситуации, комическое представление какого-либо фрагмента действительности, распространение вирусной информации, самопрезентация [Голиков, Калашникова, 2010], побуждение других участников коммуникации разделить точку зрения автора [Бабина, 2017]. В-третьих, данные

опросов респондентов свидетельствуют, что демотиватор – это «картинка с умной мыслью; сарказм в картинке; постер, который отражает определенную идею. Полученные ответы подтверждают информативность демотиватора и желание респондента поделиться некоей идеей, близкой адресанту» [Крылов, Стексова, 2020, с. 57]. Обобщая вышеперечисленные факты, мы приходим к выводу, что демотиватор является в большей степени жанром, информирующим о субъективной точке зрения на кого- или что-либо, и, согласно мнению Ю.В. Крылова и Т.И. Стексовой, «создается или используется не ради вступления в контакт и проявления эмоций, а для выражения какой-либо философской мысли, идеи, созвучной автору / пользователю» [Крылов, Стексова, 2020, с. 56–57]. В пользу этого свидетельствует и отчетливое деление информации на диктумную и модусную части посредством использования рамки, «которая способствует появлению субъективно окрашенного содержания, семиотически соотносящего общественный и личный опыт» [Бабина, 2017, с. 43]. Благодаря такому распределению информационного содержания демотиватор успешен в качестве реплики-стимула, инициирующей коммуникацию в форме дискуссии на заданную тему, и мало адекватен в качестве реплики-реакции [Крылов, Стексова, 2020, с. 57].

Последняя особенность демотиватора, которую требуется учесть, чтобы сделать

Рис. 1. Полный графический шаблон демотиватора

Fig. 1. Complete demotivator graphic template

Примечание. Источник: <https://veralline.com/blog/open/3385.html#!prettyPhoto>.

предположение о степени его перцептивной сложности, – преимущественная *оригинальность контента* в этом жанре. Несмотря на то что в ряде случаев создатели демотиваторов опираются на различного рода прецеденты [Бугаева, 2011], к большей части информации авторы обращаются впервые, при подаче информации нередко прибегают к созданию эффекта неожиданности [Щурина, 2014а], а сама информация имеет характер известных и понятных обширному кругу лиц реалий.

Таким образом, демотиватор – это информационно оригинальный поликодовый жанр, информирующий о чьей-то личной точке зрения на что-то или кого-либо, обладающий двухчастным графическим шаблоном, где гетерогенные части сообщения разграничены.

Описание жанровой специфики мема логично начинать с *качества транслируемой информации* как наиболее устойчивого признака этого жанра. Мнения зарубежных и российских исследователей совпадают в том, что основное свойство информации, передаваемой посредством мемов, – это ее прецедентность и ориентированность на узнавание [Канашина, 2018а; Максимова, 2019; Никитина, Гудкова, Зандер, 2018; Пишкова, Смирнова, 2019; Щурина, 2014а; 2014б; Dancygier, Vandelanotte, 2017; Wiggins, Bowers, 2014]: возникновение мемов стадийно, и на каждой из стадий информация, служащая основой мема, становится известна все большему количеству людей и видоизменяется все существеннее [Wiggins, Bowers, 2014], в конце концов оказываясь оформленной при помощи шаблонов. Обязательность знаний о прецедентных именах, ситуациях, текстах, необходимых для понимания мема, вероятно, когнитивно облегчает этот жанр для целевых адресатов и усложняет для случайных (особенно в случаях локального характера мема) [Зиновьева, 2015; Пишкова, Смирнова, 2019]. При формировании гипотезы о перцептивной сложности текстов этого жанра также целесообразно учитывать серийность интернет-мемов, то есть, по словам С.В. Канашиной, способность образовывать ряды «родственных», схожих единиц, с общей тематикой, идеей и похожих по оформлению [Канашина, 2017]. В случае серийности обращение к определенной информации происходит чаще, а значит, доступ к соответствующим

знаниям в памяти человека постепенно облегчается.

По данным опроса респондентов, проведенного Ю.В. Крыловым и Т.И. Стексовой, в коммуникации мем используется, «когда (он. – *Примеч. авт.*) смешной, чтобы разбавить ситуацию общения, разрядить; чтобы сократить время на описание состояние, эмоции; когда нужно выразить огорчение, негодование, разочарование, радость, степень любви к человеку или просто пошутить на какую-то тему; когда нужно быстро на что-то прореагировать» [Крылов, Стексова, 2020, с. 56]; «обычно в результате диалога, когда находится подходящий момент или просто случайно; когда он подходит к ситуации; в ироничных ситуациях...; мем в тему беседы» [Крылов, Стексова, 2020, с. 57]. Результаты эксперимента свидетельствуют, что основной *коммуникативной целью мема*, наряду с развлечением отправителя и получателя [Максимова, 2019], является выражение оценки чего-либо, эмоциональной реакции на что-либо, при этом такая эмоция, оценка уже известны адресату и представляют собой дискурсивную точку зрения в среде конкретной социальной группы [Крылов, Стексова, 2020; Сонин, Мичурин, 2012; Dancygier, Vandelanotte, 2017]. Это заключение подтверждается и фактом преобладания в меме модальной информации, выражаемой одновременно и изображением, и высказыванием [Канашина, 2016].

Наиболее сложным в определении жанровым признаком представляется устройство графического шаблона мема. Мы разделяем точку зрения С.А. Максимовой: «Жанровый состав виртуального дискурса очень подвижен: одни жанры приходят на смену другим, иногда “поглощая” уже существующие» [Максимова, 2019, с. 96]. Нынешние простые мемы представляют собой контаминацию двух ранних жанров – макроса (macro image, macros) и эдвайса (от англ. advice – «совет»); их графические шаблоны оказались настолько сходны, что пользователи из лингвокультур, в которые эти жанры были заимствованы, утратили понимание связи между их формой и содержанием, в результате чего указанные жанры унифицировались и функционально [Сонин, Мичурин, 2012; Щурина, 2014а; Grundlingh, 2017; и др.]. Исследователи указывают на то,

что внешняя организация простых мемов минималистична, «поскольку... сжатая форма... облегчает понимание, декодирование смысла мема интернет-пользователем» [Канашина, 2017, с. 87]. *Обязательными частями шаблона простого мема* (рис. 2) являются следующие компоненты:

– одночастное изображение, занимающее всю площадь мема; изображение может быть прецедентным и в этом случае выбирается из предложенных в рубрикаторе или авторским, что не исключает возможности апелляции к прецедентным персонажам или ситуациям [Канашина, 2017; Ключко, 2017; Щурина, 2014б];

– «надпись крупным шрифтом, как правило, белого цвета, вверху и/или внизу» изображения [Никитина, Гудкова, Зандер, 2018, с. 80]. Наиболее частотны мемы, где надпись имеет двухчастную структуру: первая часть выступает в качестве зачина (фрагмент или самостоятельное высказывание), вторая представляет собой панчлайн (от англ. *punchline* – «кульминация») – неожиданное остроумное завершение [Щурина, 2014б, с. 88].

Таким образом, простой мем – это поликодовый жанр, информационно вторичный, выражающий эмоциональную оценку или реакцию на что- или кого-либо, обладающий двухчастным графическим шаблоном, где гетерогенные части сообщения условно не отделены друг от друга.

Сравнение характера информации, транслируемой в рамках рассмотренных жан-

ров, позволяет выдвинуть в качестве гипотезы тезис о том, что демотиваторы когнитивно сложнее мемов: (1) информация в демотиваторах, в отличие от мемов, преимущественно первичная, отличается новизной, (2) адресата вынуждают анализировать показанную ситуацию, чтобы самостоятельно оценить справедливость точки зрения автора, вместо воспроизведения знакомой реакции, как в меме.

Респонденты и процедура эксперимента. Для проверки гипотезы мы проанализировали данные, собранные ранее в ходе лабораторного айтрекинг-исследования восприятия и понимания поликодовых текстов экстремистского и неэкстремистского содержания. В эксперименте принимали участие респонденты ($n = 60$) с различной степенью информированности о фактах экстремистского дискурса: 31 лингвист-эксперт с опытом экспертиз по делам о противодействии экстремизму и 29 респондентов без экспертных компетенций. В качестве стимульного материала респондентам предъявлялись поликодовые тексты формата «статическое изображение + письменное высказывание». До начала эксперимента все участники были письменно предупреждены о целях проведения научного исследования и характере стимульного материала.

Анализируемые нами данные собраны в первой части эксперимента: респонденты просматривали стимул, после чего должны

Рис. 2. Полный графический шаблон простого мема

Fig. 2. Complete graphic template of a simple meme

Примечание. Источник: <https://podelki.pro/sdelat-mem-so-svoej-kartinkoj/>.

были оценить, является ли он экстремистским или нет (в случае затруднений респондент имел право ответить «затрудняюсь»), и прокомментировать смысловое содержание просмотренного стимула. Респонденты не были ограничены во времени просмотра стимула и обдумывания ответа. В ходе выполнения задания движения глаз респондентов регистрировались при помощи айтрекера EyeLink 1000+. Моменты начала и окончания просмотра стимула, а также принятия решения об оценке его содержания фиксировались автоматизированно.

Для проверки гипотезы о различной перцептивной сложности демотиваторов и мемов мы отобрали из имеющихся данных записи движений глаз респондентов в ответ на предъявление 6 демотиваторов и 7 мемов, организованных в соответствии с вышеописанными шаблонами жанров. Неравное число стимулов того и другого жанров объясняется тем, что дизайн эксперимента изначально не предполагал решения поставленной в этом исследовании задачи, в силу чего мы предлагаем считать его пилотным, а его результаты – предварительными.

Первичная обработка и чистка данных о движении глаз осуществлялись с помощью программного обеспечения «Data Viewer (SR research)». Анализ производился в программе «Statistica 10» и был условно разделен на два этапа. На первом этапе выполнялось сравнение глазодвигательной активности по жанрам, на втором этапе анализировались паттерны рассматривания изображений для каждого жанра.

Результаты и обсуждение

В качестве параметров движения глаз использовались длительность фиксации, количество фиксаций, амплитуда саккад, время рассматривания (абсолютное и относительное) изображений или зон интереса.

Анализ времени рассматривания всех стимулов показал, что демотиваторы рассматривались значительно дольше мемов ($F(1,638) = 20,9293, p < 0,0001$, демотиваторы – $11565,69 \pm 565,3$ мс, мемы – $8376,22 \pm 427,9$ мс).

В ходе анализа были обнаружены статистические различия в глазодвигательных параметрах при восприятии стимулов различ-

ных жанров. Фиксации респондентов на мемах были более продолжительными в сравнении с фиксациями на демотиваторах ($F(1,23336) = 10,2, p < 0,001$, демотиваторы – $267,26 \pm 1,02$ мс, мемы – $272,2 \pm 1,17$ мс; см. рис. 2). Также обнаружены статистические различия в количестве фиксаций: большее количество фиксаций наблюдалось при рассматривании демотиваторов ($F(1,752) = 56,847, p < 0,0001$, демотиваторы – $48,06 \pm 2,14$, мемы – $29,596 \pm 1,33$). Значимое статистическое различие наблюдалось в амплитуде саккад. При рассматривании мемов делались более длинные амплитуды саккад в сравнении с демотиваторами ($F(1,23336) = 13,624, p < 0,0002$, демотиваторы – $3,44 \pm 0,076^\circ$, мемы – $3,88 \pm 0,093^\circ$).

Для проведения второго этапа анализа во всех стимулах были выделены зоны интереса – текстовые блоки или изобразительная часть стимула. Такой подход позволил сконструировать единый шаблон всех изображений внутри каждого жанра. Далее приведен анализ зрительных паттернов для стимулов каждого жанра по отдельности.

Анализ относительного времени рассматривания не показал статистической разницы между просмотром изображения и текста в демотиваторах. Однако здесь была установлена статистическая разница в некоторых глазодвигательных параметрах между текстовой и изобразительной зонами. На изображениях делалось больше фиксаций ($F(1,12546) = 461,52, p < 0,0001$, изображение – $48,34 \pm 0,5$, текст – $36,652 \pm 0,287$), и они были более длительными в сравнении с текстовой зоной ($F(1,12546) = 555,62, p < 0,0001$, изображение – $294,9 \pm 1,77$ мс, текст – $247,15 \pm 1,15$ мс). Также здесь были длиннее амплитуды саккад ($F(1,12546) = 22,170, p < 0,0001$, изображения – $3,86 \pm 0,15^\circ$, текст – $3,13 \pm 0,08^\circ$).

При анализе мемов были выявлены статистически достоверные различия параметров движений глаз в изобразительной и текстовой зонах. Дополнительно была обнаружена разница в отдельных глазодвигательных параметрах при просмотре текста вверху и внизу.

Анализ относительного времени рассматривания зон показал статистически значимое преимущество в длительности просмотра изображения по сравнению с текстовыми

зонами, при этом разницы между текстовыми зонами не обнаружено ($F(2,171) = 263,49$, $p < 0,0001$, изображение – $0,669 \pm 0,021$, текст сверху – $0,173 \pm 0,02$, текст снизу – $0,147 \pm 0,01$).

Зарегистрированы существенно более длительные фиксации на изображении в сравнении с двумя текстовыми зонами. Кроме того, в данном параметре текст сверху имел статистическое преимущество перед текстом внизу ($F(2,10566) = 139,49$, $p < 0,0001$, изображение – $292,83 \pm 1,94$ мс, текст сверху – $262,72 \pm 1,95$ мс, текст внизу – $245,53 \pm 1,96$ мс; рис. 3). По сравнению с текстовыми зонами, на изображении было сделано большее количество фиксаций. В этом параметре также наблюдается статистически достоверное различие между текстом внизу и сверху ($F(2,10566) = 426,04$, $p < 0,0001$, изображение – $28,58 \pm 0,33$, текст сверху – $23,092 \pm 0,4$, текст внизу – $13,29 \pm 0,22$). В сравнении с текстами, на изображениях присутствует наименьшая амплитуда саккад, при этом статистической разницы между текстовыми зонами не обнаружено ($F(2,10468) = 225,56$, $p < 0,0001$, изображение – $2,428 \pm 0,03^\circ$, текст сверху – $3,47 \pm 0,045^\circ$, текст внизу – $3,32 \pm 0,052^\circ$).

Все средние показатели статистически значимо различаются.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что стратегии рассматривания демотиваторов и мемов имеют отчетливые различия по показателям движения глаз: респонденты рассматривают демотиваторы (1) более продолжительное время, делая (2) более короткие фиксации, (3) при их большем количестве, а также совершая (4) более быстрые и (5) короткие саккады. В сравнении с мемами, перечисленные параметры могут указывать на более плотный сканирующий паттерн просмотра демотиваторов и большие затраты ресурсов внимания при оценке смыслового содержания демотиваторов. Одно из объяснений этому может состоять в разнице качества информации и распределения «смысловой нагрузки» у демотиватора и мема. Изредка исследователи обращают внимание на то, что отношения изображения и вербального текста в демотиваторе можно описать в терминах актуального членения, выделив в качестве темы изображение, а в качестве ремы – вербальную часть [Клочко, 2017, с. 69]. Важность изображения как источника информации об исходной ситуации, которую оценивает автор демотиватора в комментарии, относительная новизна содержания изображения могут оказывать влияние на параметры движения глаз при восприятии и понима-

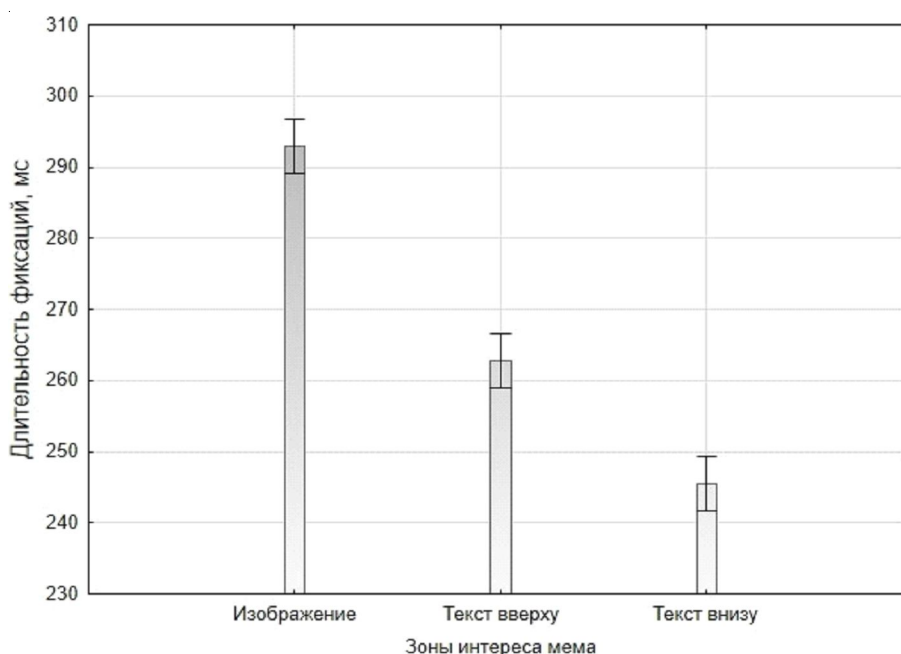

Рис. 3. Сравнение средней длительности фиксаций в различных зонах мемов

Fig. 3. Comparison of the average duration of fixations in different areas of interest of memes

нии демотиваторов. Существует также вероятность того, что на паттерн рассматривания влияет количество информации, содержащейся в изображениях демотиваторов и мемов. Таким образом, предварительно можно говорить о том, что демотиваторы сложнее для восприятия и понимания, чем мемы.

Результаты анализа паттернов рассматривания демотиваторов и мемов обнаруживают и другую закономерность. При просмотре демотиваторов были зафиксированы более длительные, в большем количестве фиксации на изображениях, в то время как текст получал более быстрые и короткие саккады. Паттерны рассматривания мемов показали то же преимущество изображения над текстовыми блоками, как и в случае рассматривания демотиваторов. Данные свидетельствуют о том, что изображения, в сравнении с текстом, оказались более сложными для восприятия и распознавания. Такой результат для изображения вполне ожидаем и подтверждается многими исследованиями, посвященными поликодовым текстам [Петрова, Калугина, 2019а; 2019б; Риехакайнен, Петрова, 2018; Damaskinidis et al., 2017; Petrova, Riekhakaynen, 2019].

Значимые различия мы установили при анализе зрительного восприятия верхних и нижних текстовых блоков в мемах (см. рис. 3). При рассматривании верхнего текста, по сравнению с нижним, фиксации были более длительными и совершались в большем количестве, в то время как скорость и амплитуда саккад не имели статистических различий. Вероятно, на распознавание верхнего текста участникам требовалось больше времени, что в совокупности с большим количеством фиксаций может свидетельствовать о затрудненном восприятии верхнего текста по сравнению с нижним. Возможное объяснение этих затруднений состоит в том, что текст в меме имеет стандартное актуальное членение: в начальном фрагменте высказывания содержится повторяемая информация, которая является знакомой и требует того, чтобы ее вспоминали, а не запоминали. Вероятно, извлечение исходной информации из темы, сопряженное с ее вспоминанием, в действительности является для адресата более сложной, ресурсоемкой операцией, чем приращение информации из ремы, что соотно-

сится с представлениями о возрастающей сложности понимания информации в связи с убыванием ее эксплицитности.

Выводы

Предварительные результаты, полученные в настоящем пилотном исследовании, подтверждают выдвинутую нами гипотезу о том, что демотиваторы являются более сложными для восприятия и понимания текстами, нежели мемы: зафиксированы такие характеристики движений глаз, которые указывают на более плотный сканирующий паттерн просмотра демотиваторов по сравнению с мемами. Опираясь на полученные результаты, мы можем обоснованно предполагать, что жанровая принадлежность коррелирует со степенью перцептивной сложности поликодового текста. Вместе с тем следует принять во внимание некоторые ограничения, которые пока не позволяют нам сделать категорический вывод: данные собраны в ходе эксперимента, процедура которого разрабатывалась в соответствии с другими исследовательскими целями; стимульный материал не нормализован по количеству единиц информации (пропозиций); не контролировалось влияние фактора экстремистского содержания стимула, обнаруженное на более ранних этапах исследований; не выравнилось соотношение экстремистских и неэкстремистских стимулов. Дальнейшее направление исследования перцептивной сложности поликодовых жанров предполагает устранение текущих ограничений и проведение отдельного эксперимента для проверки сформулированной гипотезы, что в перспективе способно обеспечить разработку инструментов нормирования когнитивной нагрузки судебных экспертов-лингвистов, исследующих поликодовые материалы дел о противодействии экстремизму и терроризму.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-29-09170 «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности».

The Reported Study Was Funded by RFBR, Project no. 17-29-09170 “Psychophysical and Psycholinguistic Assessment of Perception and Decoding of Multimodal Texts of Extremist Nature”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабина Л. В., 2017. Конфликт через призму демотиватора: интерпретационный аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1. С. 41–46.
- Бабина Л. В., Иванова А. С., 2016. Концептуальная интеграция как механизм интерпретации демотиватора // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. № 4 (8). С. 5–11.
- Баслина, Е. Ю., Ухова Л. В., 2014. Демотивационный постер как речевой жанр сетевого юмора // Ярославский педагогический вестник. № 1, т. 1 : Гуманитарные науки. С. 135–140.
- Берлин Хенис А. А., Пучкова А. Н., 2020. Оценка восприятия поликодовых текстов экстремистской направленности с применением метода айтрекинга // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. № 1. С. 76–79.
- Бугаева И. В., 2011. Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика // Style: International Scientific and Scholarly Journal for Linguistics and Literary Stylistics. № 10. С. 147–158.
- Голиков А. С., Калашникова А. А., 2010. Демотиваторы в интернет-коммуникации: генезис, смысл, типология // Вестник Харьковского государственного университета. Вып. 16. С. 124–130.
- Горбачева А. В., Берлин Хенис А. А., Пучкова А. Н., Осадчий М. А., 2020. Современное состояние разработок в области методики судебно-лингвистического анализа поликодовых текстов: «Друзья, меняйте методичку» // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса. М.: ИРЯ им. А. С. Пушкина. С. 290–308.
- Дурынина Н. В., Казяба В. В., 2013. Структура вербальной составляющей демотиваторов англоязычной интернет-коммуникации // Международный научно-исследовательский журнал. № 10-2 (17). С. 109–110.
- Зиновьева Н. А., 2015. Воздействие мемов на интернет-пользователей: типология интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. № 1. С. 195–201.
- Канашина С. В., 2016. Текстовые категории модальности и темпоральности в интернет-меме как образец современного креолизованного текста // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. № 1 (50). С. 79–87.
- Канашина С. В., 2017. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 28 (277). С. 84–90.
- Канашина С. В., 2018а. Интернет-мем и прецедентный феномен // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 4 (193). С. 122–126. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127.
- Канашина С. В., 2018б. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 16 (811). С. 74–80.
- Клочко К. А., 2017. О реализации структуры «топик – комментарий» в поликодовом тексте // Евразийский гуманитарный журнал. № 2. С. 67–73.
- Крылов Ю. В., Стеклова Т. И., 2020. Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) // Жанры речи. № 1 (25). С. 53–61.
- Лутовинова О. В., 2016. Демотиватор как вид сетевого творчества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 3. С. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.3>.
- Максимова С. А., 2019. Новостной мем как интернет-жанр // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 5 (202). С. 95–101.
- Никитина О. А., Гудкова О. А., Зандер Ф., 2018. Интернет-мем как мультимодальный феномен немецкоязычного интернет-дискурса // Язык и культура. № 43. С. 74–87. DOI: 10.17223/19996195/43/5.
- Петрова Т. Е., Калугина Н. В., 2019а. Инфографика как способ снятия неоднозначности на занятиях по русскому языку как иностранному // Мир без границ: русский язык как иностранный в международном образовательном пространстве : материалы Международ. науч.-практ. конф. (Псков, 13–14 дек. 2018 г.). Псков : Псков. гос. ун-т. С. 250–255.
- Петрова Т. Е., Калугина Н. В., 2019б. Особенности движений глаз при чтении поликодовых текстов на русском языке // Когнитивные исследования языка. № 37. С. 825–830.
- Пишкова Е. Ю., Смирнова М. С., 2019. Интернет-мемы: коммуникативный и транслатологический аспекты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. № 3 (136). С. 180–187.

- Рабкина Н. В., Каменева В. А., 2013. Функциональный и прагматический потенциал демотиваторов как визуально-вербальной формы современной интернет-коммуникации // Политическая лингвистика. № 1 (43). С. 144–151.
- Риехакайнен Е. И., Петрова Т. Е., 2018. Processing of Verbal and Non-Verbal Patterns: An Eye-Tracking Study of Russian // *Advances in Intelligent and Soft Computing*. № 797. С. 269–276. DOI: 10.1007/978-981-13-1165-9_24.
- Сонин А. Г., Мичурин Д. С., 2012. Эволюция поликодовых текстов: от воздействия к взаимодействию // *Вопросы психолингвистики*. № 16. С. 164–173.
- Щурина Ю. В., 2014а. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров // *Жанры речи*. № 1/2 (9/10). С. 147–153.
- Щурина Ю. В., 2014б. Интернет-мемы: проблема типологии // *Вестник Череповецкого государственного университета*. № 6 (59). С. 85–89.
- Ягодкина М. В., 2019. Мемы в интернет-коммуникации // *Art logos*. № 2 (7). С. 142–151.
- Damaskinidis G., Kourdis E., Zantides E., Sykioti E., 2017. Eye-Tracking the Semiotic Effects of Layout on Viewing Print Advertisements // *Public Journal of Semiotics*. № 8 (1). P. 46–66.
- Dancygier B., Vandelanotte L., 2017. Internet Memes as Multimodal Constructions // *Cognitive Linguistics*. № 28 (3). P. 565–598. DOI:10.1515/cog-2017-0074.
- Grundlingh L., 2017. Memes as Speech Acts // *Social Semiotics*. № 28 (2). P. 1–22. DOI:10.1080/10350330.2017.1303020.
- Milner R. M., 2012. *The World Made Meme: Discourse and Identity in Participatory Media*: PhD diss. Lawrence : University of Kansas. 321 p.
- Petrova T. E., Riekhakaynen E. I., 2019. Eye-Tracking Study of Processing Russian Polycode Texts // *The 20th European Conference on Eye Movements, ECEM 2019 (Alicante, Spain, 18–22 August 2019) : Abstract book*. [S. l. : s. n.]. P. 292.
- Wiggins B. E., Bowers G. B., 2014. Memes as Genre: A Structural Analysis of the Memescape // *New Media & Society*. № 1 (21). P. 1–21. DOI: 10.1177/1461444814535194.
- Babina L.V., Ivanova A.S., 2016. Kontseptualnaya integratsiya kak mekhanizm interpretatsii demotivatora [Conceptual integration as a mechanism of demotivator interpretation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki i kulturologiya* [Vestnik of Tambov University. Philological and Cultural Studies Series], no. 4 (8), pp. 5-11.
- Baslina E.Yu., Uhova L.V., 2014. Demotivatsionnyy poster kak rechevoy zhanr setevogo yumora [A Demotivational Poster as a Speech Genre of Network Humour]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Newsletter], no. 1, vol. 1, pp. 135-140.
- Berlin Khenis A.A., Puchkova A.N., 2020. Otsenka vospriyatiya polikodovykh tekstov ekstremistskoy napravlenosti s primeneniem metoda aytrekinga [An eye tracking study of extremist multimodal texts perception]. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 1, pp. 76-79.
- Bugaeva I.V., 2011. Demotivatory kak novyy zhanr v internet-kommunikatsii: zhanrovye priznaki, funktsii, struktura, stilistika [Demotivators as a new genre in Internet communications: genre signs, functions, structure]. *Style: International Scientific and Scholarly Journal for Linguistics and Literary Stylistics*, no. 10, pp. 147-158.
- Golikov A.S., Kalashnikova A.A., 2010. Demotivatory v internet-kommunikatsii: genezis, smysl, tipologiya [Demotivators in Internet communication: genesis, meaning, typology]. *Vestnik Harkovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kharkov State University], no. 16, pp. 124-130.
- Gorbacheva A.V., Berlin Khenis A.A., Puchkova A.N., Osadchiy M.A., 2020. Sovremennoe sostoyanie razrabotok v oblasti metodiki sudebno-lingvisticheskogo analiza polikodovykh tekstov: «Druzya, menyayte metodichku» [Current state of development in the field of forensic linguistic analysis of multimodal texts: “Friends, change the manual”]. *Semiotiko-semasiologicheskoe izmerenie politicheskogo diskursa* [Semiotic-Semasiological Dimension of Political Discourse: A Collective Monograph], Moscow, Pushkin State Russian Language Institute, pp. 290-308.
- Durytnina N.V., Kazjaba V.V., 2013. Struktura verbalnoy sostavlyayushchey demotivatorov angloyazychnoy internet-kommunikatsii [Verbal part structure of demotivators of English-speaking Internet-communication]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Scientific and Research Journal], no. 10-2 (17), pp. 109-110.

REFERENCES

Babina L.V., 2017. Konflikt cherez prizmu demotivatora: interpretatsionnyy aspekt [Conflict through the prism of a demotivator: an interpretative perspective]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current problems of philology and pedagogical linguistics], no. 1, pp. 41-46.

- Zinovieva N.A., 2015. Vozdeystvie memov na Internet-polzovateley: tipologiya Internet-memov [Impact of Memes on Internet Users: Typology of Internet-memes]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law, and Sociology], no. 1, pp. 195-201.
- Kanashina S.V., 2016. Tekstovye kategorii modalnosti i temporalnosti v internet-meme kak obrazets sovremennogo kreolizovannogo teksta [Text categories of modality and temporality in an internet meme as a creolized text]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named after A.S. Yesenin], no. 1 (50), pp. 79-87.
- Kanashina S.V., 2017. Chto takoe internet mem? [What is an Internet meme?]. *Nauchnye vedomosti belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific journal of Belgorod State University. Series: Humanities], no. 28 (277), pp. 84-90.
- Kanashina S.V., 2018a. Internet-mem i precedentsnyy fenomen [Internet meme and precedent phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 4(193), pp. 122-126. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127.
- Kanashina S.V., 2018b. Semanticheskie osobennosti internet-mema kak polimodalnogo diskursa [Semantic aspects of internet meme as multimodal discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 16(811), pp. 74-80.
- Klochko K.A., 2017. O realizatsii struktury «topik – kommentariy» v polikodovom tekste [On the realization of the “topic – commentary” structure in a polycode text]. *Evrasiyskiy humanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanities Journal], no. 2, pp. 67-73.
- Krylov Yu.V., Steksova T.I., 2020. Novye zhanry internet-kommunikatsii (na primere demotivatora i mema) [New Genres of Internet Communication (based on Demotivators and Memes)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 1 (25), pp. 53-61.
- Lutovinova O.V., 2016. Demotivator kak vid setevogo tvorchestva [Demotivational poster as a type of online creative work]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 3, pp. 28-36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.3>.
- Maksimova S.A., 2019. Novostnoy mem kak internet-zhanr [News Meme as Internet Genre]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 5 (202), pp. 95-101.
- Nikitina O.A., Gudkova O.A., Zander F., 2018. Internet-mem kak multimodalnyy fenomen nemetskoyazychnogo internet-diskursa [Internet Meme as a Multimodal Phenomenon of the German Internet-Discourse]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 43, pp. 74-87. DOI: 10.17223/19996195/43/5.
- Petrova T.E., Kalugina N.V., 2019a. Infografika kak sposob snyatiya neodnoznachnosti na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [Infographics as a way to remove ambiguity in Russian as a foreign language classes]. *Mir bez granic: russkiy yazyk kak inostranny v mezhdunarodnom obrazovatelnom prostranstve: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Pskov, 13–14 dek. 2018 g.)* [World without Borders: Russian as a Foreign Language in the International Educational Space. Materials of the International Scientific-Practical Conference (Pskov, 13–14 December 2018)], Pskov, Pskovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 250-255.
- Petrova T.E., Kalugina N.V., 2019b. Osobennosti dvizheniy glaz pri chtenii polikodovykh tekstov na russkom yazyke [Peculiarities of eye movements when reading multicode texts in Russian]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 37, pp. 825-830.
- Pishkova E.J., Smirnova M.S., 2019. Internet-memy: kommunikativnyy i translologicheskyy aspekt [Internet memes: communicative and translological aspects]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences], no. 3(136), pp. 180-187.
- Rabkina N.V., Kameneva V.A., 2013. Funktsionalnyy i pragmaticheskiy potentsial demotivatorov kak vizualno-verbalnoy formy sovremennoy internet-kommunikatsii [The functional and pragmatic potential of demotivators as a visual-verbal form of modern internet communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (43), pp. 144-151.
- Riekhakaynen E.I., Petrova T.E., 2018. Processing of Verbal and Non-verbal Patterns: An Eye-Tracking Study of Russian. *Advances in Intelligent and Soft Computing*, no. 797, pp. 269-276. DOI: 10.1007/978-981-13-1165-9_24.
- Sonin A.G., Michurin D.S., 2012. Evolyutsiya polikodovykh tekstov: ot vozdeystviya k vzaimodeystviyu [Evolution of multimodal text: impact to interaction]. *Voprosy psikholingvistiki* [Psycholinguistic Issues], no. 16, pp. 164-173.
- Shchurina Yu.V., 2014a. Internet-memy v strukture komicheskikh rechevykh zhanrov [Internet memes in the structure of comic speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 1/2 (9/10), pp. 147-153.

- Shchurina Yu.V., 2014b. Internet-memy: problema tipologii [Internet memes: the problem of typology]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], no. 6 (59), pp. 85-89.
- Yagodkina M.V., 2019. Memy v internet-kommunikatsii [Memes in Internet communications]. *Art logos*, no. 2 (7), pp. 142-151.
- Damaskinidis G., Kourdis E., Zantides E., Sykioti E., 2017. Eye-tracking the semiotic effects of layout on viewing print advertisements. *Public Journal of Semiotics*, no. 8 (1), pp. 46-66.
- Dancygier B., Vandelanotte L., 2017. Internet memes as multimodal constructions. *Cognitive Linguistics*, no. 28 (3), pp. 565-598. DOI:10.1515/cog-2017-0074.
- Grundlingh L., 2017. Memes as speech acts. *Social Semiotics*, no. 28 (2), pp. 1-22. DOI:10.1080/10350330.2017.1303020.
- Milner R.M., 2012. *The World Made Meme: Discourse and Identity in Participatory Media*. PhD diss. Lawrence, University of Kansas. 321 p.
- Petrova T.E., Riekhakaynen E.I., 2019. Eye-tracking study of processing Russian polycode texts. *The 20th European Conference on Eye Movements, ECEM 2019 (Alicante, Spain, 18–22 August 2019)*. Abstract book. S. l., s. n., p. 292.
- Wiggins B.E., Bowers G.B., 2014. Memes as genre: A structurational analysis of the memescape. *New Media & Society*, no. 1 (21), pp. 1-21. DOI: 10.1177/1461444814535194.

Information About the Authors

Aleksandra V. Gorbacheva, Researcher, Laboratory of Language and Cognition, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, avgorbacheva@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-8906-3870>

Alexandra A. Berlin Khenis, Specialist, Laboratory of Language and Cognition, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, alexa.munxen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2034-1526>

Alexandra N. Puchkova, Candidate of Sciences (Biology), Leading Researcher, Laboratory of Language and Cognition, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia; Senior Researcher, Laboratory of Neurobiology of Sleep and Wake, Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian Academy of Sciences, Butlerova St, 5a, 117485 Moscow, Russia, puchkovaan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2292-6475>

Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vice-Rector for Science, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, maosadchiy@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0001-7964-9029>

Информация об авторах

Александра Вячеславовна Горбачева, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, avgorbacheva@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-8906-3870>

Александра Александровна Берлин Хенис, специалист лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, alexa.munxen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2034-1526>

Александра Николаевна Пучкова, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия; старший научный сотрудник лаборатории нейробиологии сна и бодрствования, Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, ул. Бултерова, 5а, 117485 г. Москва, Россия, puchkovaan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2292-6475>

Михаил Андреевич Осадчий, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, проректор по науке, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, maosadchiy@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0001-7964-9029>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.8>

UDC 81'42:004.738.5

LBC 81.055.51.1

Submitted: 26.10.2020

Accepted: 12.01.2021

**CORRESPONDENCE IN THE MESSENGER:
IDENTIFYING THE AUTHOR BY TEXT
IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF INDIVIDUALIZING FEATURES**

Anastasiya V. Gromova

Forensic Centre of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the texts of Internet-based communication and correspondence in a messenger, the attention is paid to description of similarities and differences between oral and written dialogical speech. The problems of neutralizing speech features in the format of Internet-based communication and the transformation of attributes, which provide individual characteristic of the author demonstrated whilst exchanging messages in a messenger. It has been proposed to define the form of speech, typical of correspondence in the messenger, as dialogical written (printed) speech, with reference to it as to the product of intellectual activity in combination with the form of its implementation, taking into account the factor of the author's usage of technical means for typing. The author represents the approaches to identifying significant speech characteristics, which are demonstrated by the addresser in written correspondence in the messenger; these approaches are often analyzed in the process of authorship identification tests. The possibility of revealing a complex of author's individualizing features is proved. This paper emphasizes the importance of studying the signs of the graphic and communicative levels of the analysis of dialogical texts, provides the examples of implementation of such signs. In this article the relevance of combining linguistic and quantitative methods of analysis in revealing the author's individualizing identificational features is proved, the paper also outlines the prospects for further research in the field of studying the linguistic personality of the digital age.

Key words: text, dialogical speech, written dialogical speech, Internet-based communication, messenger, authorship identification, individualizing feature, transformation of individualizing feature.

Citation. Gromova A. V. Correspondence in the Messenger: Identifying the Author by Text in the Context of the Transformation of Individualizing Features. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 87-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.8>

УДК 81'42:004.738.5

ББК 81.055.51.1

Дата поступления статьи: 26.10.2020

Дата принятия статьи: 12.01.2021

**ПЕРЕПИСКА В МЕССЕНДЖЕРЕ:
ИДЕНТИФИКАЦИЯ АВТОРА ПО ТЕКСТУ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНДИВИДУАЛИЗИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ**

Анастасия Викторовна Громова

Экспертно-криминалистический центр МВД России, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены тексты интернет-коммуникации и переписка в мессенджере, уделено внимание описанию сходств и отличий устной и письменной диалогической речи. Актуализируются проблемы нейтрализации речевых особенностей в формате интернет-общения и трансформации признаков, индивидуализирующих автора при обмене сообщениями в мессенджере. Предложено определение формы речи, характерной для переписки в мессенджере, как диалогической письменной (печатной) речи. Это отражает ее понимание как продукта интеллектуальной деятельности в сочетании с формой ее реализа-

ции при учете фактора использования автором технических средств для набора текста. Представлены применяемые при производстве автороведческих экспертиз основные подходы к выделению идентификационно значимых признаков печатной речи, продуцируемой автором в ходе переписки в мессенджере. Аргументирована возможность выявления совокупности индивидуализирующих признаков по таким материалам. Показана важность исследования признаков графического и коммуникативного уровней анализа диалогических текстов, приведены примеры реализации таких признаков. Доказана целесообразность сочетания лингвистических и количественных методов анализа речевого материала при установлении индивидуализирующих признаков автора, намечены перспективы дальнейших исследований в области изучения языковой личности цифровой эпохи.

Ключевые слова: текст, диалогическая речь, письменная диалогическая речь, интернет-коммуникация, мессенджер, идентификация автора, индивидуализирующий признак, трансформация индивидуализирующего признака.

Цитирование. Громова А. В. Переписка в мессенджере: идентификация автора по тексту в условиях трансформации индивидуализирующих признаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 87–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.8>

Введение

Прогресс в области технологий современной коммуникации формирует качественно новые условия и возможности для продуцирования текстов и иных форм обмена информацией. Интернет-реальность обеспечивает возможность дистанционного, мобильного и, при необходимости, анонимного речевого взаимодействия. В повседневное общение прочно вошли программы для мгновенного обмена сообщениями в мессенджерах – интернет-приложениях, позволяющих в режиме реального времени обмениваться приватно, в паре или в группе письменными (печатными), голосовыми сообщениями и видеопосланиями, документами, фотографиями и т. д. Порождаемые в ходе такого взаимодействия речевые произведения и их письменная фиксация демонстрируют, что дистанционная коммуникация стала более динамичной, а письменная речь приобрела черты разговорной. Границы классической дихотомии устной и письменной форм речи все более подвижны, а особенности разговорного стиля, традиционно отмечаемые в устной речи, в полной мере находят свое отражение в интернет-коммуникации.

В этой связи представляется особенно актуальным изучение языковой личности, формирующейся под влиянием глобальной цифровизации. Так, одной из проблем исследования новых форм текстовой коммуникации в формате общения посредством мессенджеров стала нейтрализация речевых особенностей автора, обусловленная приемлемым для него игнорированием граммати-

ческих, орфографических, пунктуационных норм, использованием специальной лексики и иконических знаков. Однако, несмотря на тенденцию к универсализации языковых средств, общение онлайн, опосредованное мобильным устройством и функционалом мессенджеров, характеризуется появлением дополнительной группы признаков, индивидуализирующих автора, ведущего диалог в мессенджере. Данные признаки требуют обобщения и систематизации как для обеспечения полноты и всесторонности экспертного анализа, так и в целом для фундаментальных исследований в области языковой личности цифровой эпохи.

Материал и методы

В последние 10–15 лет особенностям интернет-коммуникации посвящено значительное количество научных работ. Исследователи отмечают устно-письменную природу такого речевого взаимодействия, имея в виду тенденцию к максимальному сближению письменной речи с устной разговорной. Так, Ф.О. Смирнов выделяет следующие особенности интернет-дискурса: электронный сигнал, дистантность и опосредованный характер общения, использование гипертекста, статусное равноправие участников, сочетание различных типов дискурса, вербальной и невербальной информации, специфическая компьютерная этика, динамичность самопрезентации, психологические особенности интернет-общения, высокая эмоциональная насыщенность [Смирнов, 2004].

А.Б. Кутузов называет в качестве специфических признаков интернет-коммуникации иллюкутивность, цифровой канал передачи сигнала, дистантность, анонимность, практическую непосредственность или сетевую структуру, гипертекстуальность, мультимедийность, устно-письменный характер коммуникации [Кутузов, 2006]. В.М. Лейчик пишет о том, что развивается новая форма речи – устно-письменная [Лейчик, 2007]. Е.И. Литневская указывает на появление новых форм письменной разговорной речи, позволяющих общаться в режиме реального времени или в приближенных к нему условиях [Литневская, 2009].

В целом исследователи отмечают близость интернет-языка и разговорной речи, демонстрируя, что на лексическом уровне для языка интернет-коммуникации характерно нарушение установленных канонов письменной речи: слова теряют дефис, отдается приоритет строчным буквам, в том числе в наименованиях, исчезают знаки препинания. Широко используются эрративы (написание слов с намеренным нарушением нормы), обценная лексика, сленг. Е.Г. Соколинская выделяет следующие лексические особенности чатов: употребление жаргонной, экспрессивно окрашенной и разговорной лексики; употребление неологизмов, аббревиатур; смешение русской и английской лексики в рамках одного высказывания, при этом частотное сохранение латинского варианта написания (*a ты когда come back?*; *что за траблы?*); употребление фраз-действий, описания вместо эмодзи (*глядя с недоумением*; *радостно улыбаясь*) [Соколинская, 2004, с. 144].

Значительные трансформации языковых средств в рамках интернет-общения происходят в морфологии и синтаксисе высказываний. Например, меняется соотношение частей речи. Как отмечает Е.И. Литневская, «число местоимений, как правило, превосходит число существительных. Местоимения выполняют функцию заполнителей пустот, вносят уточнения, пояснения в речь, а также замещают существительные» [Литневская, 2011, с. 52]. Б. Тошович фиксирует появление специфических глаголов, характерных для интернет-языка: *гуглить* «искать информацию в Интернете при помощи Google», *улыбнуть* «вызвать улыбку, рассмешить, развеселить»,

ванговать «предсказывать, предполагать что-либо» [Тошович, 2015]. А.Б. Летучий выделяет особенности в употреблении предиката: нестандартные непереходные употребления глагола, конструкции с опущением слов *компьютер*, *интернет* в функции подлежащего и др. [Летучий, 2014, с. 162]. Е.И. Литневская указывает на использование в качестве номинаций местоимений, существительных в косвенном падеже с предлогами, конструкций со спрягаемыми формами глагола; значительно более частое употребление полной формы прилагательного по сравнению с краткой формой; использование глагольных форм в переносном употреблении и др. [Литневская, 2011].

Г.Н. Трофимова к новым реалиям языка относит письменную фиксацию устной разговорной речи, введение понятий «письменно-слушающий» и «письменно-говорящий», ключевое слово-запрос, обладающее характеристиками свернутого текста, «тему» в электронном послании, элементы пиктографического письма в качестве невербальных средств веб-коммуникации и возрождение эпистолярного жанра. Исследователь отмечает, что в Интернете функционируют все стили речи, в которых наблюдаются существенное влияние разговорности, рост диалогичности и полилогичности с одновременной минимизацией избыточности, тенденция к телеграфности речи и стандартизация клишированных формул наряду с концентрацией экспрессивности и лаконичности [Трофимова, 2008].

Перечисленные особенности проявляются, в частности, при продуцировании письменной речи в частных диалогах, реализуемых с использованием мессенджеров.

Устная и письменная речь в классическом понимании имеют принципиальные отличия, основанные на разном производстве и восприятии данных дискурсов, а также особенностях психодинамики зрения и слуха. Устная речь материализуется в виде звуковых волн, а письменная – в виде букв, фиксируемых разными средствами. В устной речи, по мнению исследователей, процесс формирования высказывания протекает параллельно с процессом мышления, в то время как письменная речь характеризуется контролем пишущего за протекающими опе-

рациями и используемыми языковыми средствами (см. работы Н.И. Жинкина, А.Р. Лурии, Л.С. Выготского и др.).

Известно, что в устной речи размыты границы не только формальных синтаксических единиц (предложений), но и коммуникативных единиц (отдельных высказываний). С.В. Андреева отмечает, что «речевое и языковое существуют в органическом единстве, можно говорить о двуплановости этих единиц: в них происходит соединение (слияние) конструктивно-синтаксических (это элементы синтаксического уровня языка) и коммуникативно-функциональных (это компоненты коммуникативного уровня речи) характеристик» [Андреева, 2006, с. 34].

С.В. Андреева также указывает на отличие не только устной и письменной форм речи, но и устной спонтанной и устной продумываемой речи. С опорой на достижения в области психолингвистики, связанные с идеями Н.И. Жинкина, А.Р. Лурии, Л.С. Выготского и др., исследователь выделяет следующие особенности реализации разных форм речи: в письменной речи речепорождение начинается со структурной схемы как знака типовой пропозиции (с последующими стадиями контроля и редактирования); в продумываемой устной речи высказывание тоже исходит из структурной схемы, представляющей собой инвариантную модель предложения или типизированный разговорный вариант модели предложения, при этом невозможно редактирование сказанного без его произнесения (отсюда перестройки, повторы и т. п.); в спонтанной речи высказывание может исходить как из структурной схемы с возможной ее модификацией, так и из экстралингвистического контекста (рефлекторные речевые проявления, несоотносимые с моделью предложения, синтаксически и коммуникативно нечленимые разговорные клише и т. п.) [Андреева, 2006].

Указанные характеристики, а также в целом диалогичность речи определяют многие особенности не только устной речи, но и письменной (печатной) речи, продуцируемой с использованием мессенджеров. Диалогическое общение всегда протекает в определенной коммуникативной ситуации, которая представляет собой базовый экстралингвистический фактор (см. работы Л.П. Якубинского, Т.Г. Ви-

нокур, М.М. Бахтина и др.). Понятие «ситуация» включает все известные собеседникам обстоятельства, речевые и неречевые условия. Для общения важны предметы, обстановка, количество участников, третьи лица, пространство и время, в которых происходит коммуникация. К.А. Долинин относит эти компоненты к предметно-событийному фону, включая в него и события, происходящие вокруг. Автор отмечает, что «при дистантном общении место, а часто и время порождения сообщения адресантом и место и время восприятия сообщения адресатом не совпадают» [Долинин, 2010, с. 22].

В фокусе нашего внимания находятся дистантные диалоги в мессенджере, в которых участвуют два собеседника и сообщения передаются мгновенно. Как отмечает О.К. Голошубина, разговор в мессенджере имеет сиюминутный характер, общающиеся стремятся как можно быстрее обменяться информацией, поэтому для успешного общения скорость коммуникации является едва ли не главным условием [Голошубина, 2017, с. 63]. Вместе с тем скорость их прочтения и продуцирования ответной реплики всегда зависит от экстралингвистических условий, в которых адресат получает сообщение.

Изучению жанровых особенностей разговора в мессенджере посвящены работы Е.И. Горошко, Е.А. Земляковой, О.К. Голошубиной и др. Учеными рассматриваются характерные лексические, синтаксические и паралингвистические особенности общения в мессенджере как новом жанре интернет-коммуникации. По мнению исследователей, коммуникативная ситуация общения в мессенджере представлена разговорным дискурсом и детерминирована как фактом синхронности, так и технологическими особенностями клиентской программы, с помощью которой осуществляется коммуникация [Горошко, Землякова, 2017].

Обобщив различные точки зрения, обозначим исследуемую форму речи как диалогическую печатную (письменную) речь. В данной формулировке отражается понимание речи как продукта интеллектуальной деятельности, учитывается форма ее реализации и особенности продуцирования – использование устройства для набора текста.

Следует отметить, что печатный диалог в мессенджере и устная речь в дистантном разговоре имеют как схожие, так и отличительные характеристики. Например, порожденные высказываний, как правило, осуществляется без предварительной подготовки, однако в мессенджере результат обмена репликами имеет визуальное представление. Это позволяет, в отличие от устного разговора, перечитать текст, вернуться к теме, дополнить, разъяснить, продублировать сообщение, процитировать его и т. д. Интонации, жесты, мимика заменяются графическими средствами. При этом их графические эквиваленты поддаются обдумыванию, то есть осознанному отбору средств, с помощью которых автор демонстрирует собеседнику те или иные эмоциональные реакции.

Значимую функцию коммуникативного регулятора в ходе переписки в мессенджере могут выполнять такие его опции, как выбор коммуникантами мгновенного или отсроченного ответа, возможность редактирования сообщения до нажатия кнопки «отправка», удаления сообщений у себя и у собеседника. Кроме того, важным фактором, влияющим на ход коммуникации, как показано лингвистами, является возможность видеть на экране, прочитано ли сообщение получателем, печатает ли он в данный момент ответ, находится ли «в сети», данные о последнем посещении (см., например: [Назарова, Громова, 2019]).

Таким образом, диалог в мессенджере сочетает в себе признаки разговорной устной и письменной речи, а также признаки электронной коммуникации (использование опций устройства и программы для набора текста), которые находятся в отношениях взаимного влияния. Сложность обнаружения индивидуализирующих признаков пишущего обусловлена увеличением количества групповых признаков, характерных в целом для языка интернет-коммуникации. При этом в условиях трансформации черт языковой личности под влиянием цифровизации наблюдается появление новых признаков, детерминированных авторским выбором языковых и неязыковых средств в процессе диалога в мессенджере. Такой выбор, с одной стороны, опирается на представления автора о типовых особенностях и допустимости использования тех или

иных языковых средств в онлайн-коммуникации, а с другой – отражает индивидуальные предпочтения личности в выборе функциональных инструментов мессенджера, особенности коммуникативного взаимодействия с собеседником при учете экстралингвистических факторов.

Исследование, результаты которого представлены в статье, опирается на обобщение практики производства автороведческих экспертиз по материалам частных переписок в мессенджере («WhatsApp», «Vipol», «Viber», «Сигнал»). В качестве эмпирического материала использовались переписки более 50 разных авторов в объеме от 150 до 500 высказываний, реализованных ими в диалогическом взаимодействии.

Результаты и обсуждение

Диалогическое общение в мессенджерах активно используется в преступных целях, например при незаконном обороте наркотических средств, вовлечении в экстремистскую, террористическую деятельность, осуществлении развратных действий в отношении малолетних, склонении к самоубийству, мошеннических действиях. Переписки в мессенджерах все чаще используются в качестве доказательств при расследовании преступлений различных категорий.

Для криминалистической идентификации лиц по материалам интернет-переписок может быть проведена судебная автороведческая экспертиза. Научные основания автороведческого исследования опираются на достижения филологических дисциплин в области когнитивной лингвистики, теории речевых жанров, лингвистической прагматики, коммуникативной стилистики текста, теории дискурса, лингвистической теории эмоций, семиотики, прикладной лингвистики, а также на теорию криминалистической идентификации. Автороведческое исследование базируется на представлении о тексте как об «интеллектуальном следе», продукте целенаправленной речевой деятельности индивида, что определяет возможность выявления совокупности признаков его автора.

Имеющиеся научные исследования в области интернет-жанра разговора в мессен-

джере посвящены описанию общих языковых особенностей, свойственных данному формату коммуникации в целом, в то время как задачи криминалистического автороведения направлены на выделение совокупности индивидуализирующих признаков, характерных для конкретного автора. В связи с тем, что переписка в мессенджере представляет собой новый тип объекта автороведческой исследования, в целях криминалистической идентификации участников переписки по создаваемым ими текстам необходима корректировка и дополнение перечня идентификационно значимых признаков письменной речи, приводимых в существующих методиках производства автороведческих экспертиз. Проведение таких исследований характеризуется повышенной сложностью и требует высокой лингвистической квалификации эксперта.

Обращение к проблеме идентификации личности в рамках филологической компетенции исследователя обусловлено необходимостью учитывать роль субъективного фактора в смысловой и структурной организации текста и сопряжено с пониманием языкового знака как средства фиксации когнитивной деятельности индивида. С.В. Ионова отмечает, что «установление индивидуальных черт личности по данным языка – задача, ставшая уже традиционной в лингвистике. <...>. Будучи отражением категории единичного, идентификация предполагает поиск специфики языковой личности, которая проявляется как относительно обособленная, дискретная, отграниченная от других, обладающая спецификой, составляющей ее неповторимую определенность» [Ионова, 2017, с. 79]. С точки зрения криминалистики идентифицировать объект – значит установить его тождественность с самим собой, используя оставленные им отображения. В основе идентификации лежит метод сравнения двух или нескольких объектов для установления того, что их объединяет или различает. Под идентификацией в криминалистике понимают сравнительное исследование материальных объектов и их отображений с целью разрешения вопроса о тождестве и получения судебных доказательств.

Экспертная идентификация применяется в тех случаях, когда для исследования свойств отождествляемых объектов и их ото-

бражений требуются специальные знания в области какой-либо науки и владение методикой идентификации определенных видов объектов. При необходимости исследования письменной речи, зафиксированной в печатной форме, проводится судебная автороведческая экспертиза.

В криминалистической теории идентификации признаки автора текста традиционно разделяются на общие и частные. С.М. Вул под общими признаками предлагает понимать уровень владения определенными нормами литературного языка, а именно: лексико-фразеологическими, синтаксическими, стилистическими, орфографическими, пунктуационными. Автор выделяет общие и частные признаки формально-логических навыков и интеллектуальные навыки личности (характер восприятия действительности, акцентуации, аргументации, наличие и характер оценки описываемых объектов). Общие признаки выделяются путем оценки языковых средств на основе критерия «правильно – неправильно». При этом различается высокая, средняя и низкая степень развития языковых навыков. Частные языковые признаки отражаются в устойчивых языковых нарушениях, устойчивом использовании определенных языковых средств и в устойчивых соотношениях языковых средств, используемых индивидом в типичных речевых ситуациях [Вул, 1977]. Предложенные ученым методические подходы нашли развитие в комплексной методике производства автороведческих экспертиз, подготовленной в 2007 г. ЭКЦ МВД России и ИК ЦСТ ФСБ России. Эмпирический материал, на котором выработывались методические подходы, представлял собой преимущественно рукописные тексты или тексты, набранные на печатной машинке. Существенные преобразования, вызванные повсеместным распространением интернет-коммуникации и изменением способов создания и обмена текстами, обусловили дальнейшее совершенствование научно-методического обеспечения. На современном этапе развития автороведческой экспертизы решение диагностических и идентификационных задач осуществляется в соответствии с обновленными методическими рекомендациями (см. подробно: [Диагностика..., 2014; Анализ компонентов ситуации..., 2018]),

в которых учтены особенности текстов, создаваемых с использованием современных технических средств. В них реализуется комплексный методический подход, названный С.М. Вулом системно-структурным, что подразумевает анализ как языковых, так и неязыковых (интеллектуальных, технических) структур в их взаимообусловленности.

При идентификации автора по тексту частные признаки письменной речи выявляются посредством анализа единиц лексического, синтаксического, морфологического уровней языка, а также рассмотрения коммуникативных особенностей взаимодействия с собеседником, составления карты ошибок. Исследование материалов переписки в мессенджерах проводится с учетом особенностей выбора автором языковых средств в условиях интернет-коммуникации, а также используемого при создании сообщений интерфейса мессенджера и типа электронного устройства (размер экрана, его состояние, клавиатура и др.). Кроме того, поуровневый лингвистический анализ дополняется исследованием комплекса признаков графического уровня. Так, значимую группу признаков, индивидуализирующих автора, составляют предпочитаемые им в переписке невербальные средства – смайлы, эмодзи, гифки, спектр используемых знаков клавиатуры, их разнообразие и частотность.

Особенностям семантики и функционирования иконических знаков в современной электронной коммуникации посвящено большое количество научных работ (см., например: [Пигина, 2013; Цыбина, Лисицына, Брашован, 2016]). Первичное назначение эмотиконов – передача эмоционального компонента коммуникации. Однако их функции активно расширяются. На сегодняшний день они применяются также для выражения различных предметных значений, а также в фатической функции. Ю.В. Крылов обращает внимание на то, что использование определенных пиктограмм эмодзи может быть рассмотрено как индивидуальный элемент языковой картины мира, а анализ окказиональной семантики эмодзи – как способ описания языковой личности: «эти пиктограммы так же, как и классические смайлики, помогают выразить эмоции в виртуальном диалоге, но, без сомне-

ния, они получили дополнительную функциональную нагрузку... большинство пиктограмм клавиатуры эмодзи не соотносимы ни с какими эмоциями, а символизируют тот или иной объект действительности без его оценки. Многие эмодзи функционально экономят время и силы: вставить картинку автомобиля быстрее, чем набирать на виртуальной клавиатуре соответствующее слово. А некоторая вариативность в рисунках авто создает элемент творчества и самовыражения в процессе диалога» [Крылов, 2017, с. 52].

С нашей точки зрения, к графическому уровню анализа диалогической письменной (печатной) речи относится выявление авторских особенностей, проявляющихся:

- в использовании знаков пунктуации (например, ненормативное использование запятой как показателя смыслового членения высказывания; пропуск знаков препинания перед текстовыми эмотиконами; использование восклицательного знака как графического средства актуализации высказывания или выражения эмоций: *Ты опять решил забить на самое Важное!*; *Ты ничего не сделал!!!* и др.);

- постановке пробелов (например, тенденция к пропуску пробела перед эмотиконами; написание меры веса и обозначаемого им вещества без пробела: *Вот так задание твое будет еще просто один адрес 5гАмф*; *Да там будет 3 адреса по 5г* и др.);

- использовании разных способов обозначения числа, количества, порядка объектов (например, числительных: *Т.к. два разные человека, не смогли сегодня поднять кладь*; *Уже второй год пошел*; цифр: *У меня дочка 6 лет*; *Уже года 3, как разошлись*; *ЗП получает каждое 1 число*), при этом время обозначается цифрами: *до 13:00*; *после 13.00*;

- использовании заглавных букв при оформлении текста (например, вариативное использование заглавной и строчной буквы при написании ответного сообщения; «неорфографическое» использование заглавных букв как средства актуализации высказывания: *Я писал, что ФАС вернулся из командировки, не успеваешь*; *Всегда считаешь САМ количество веса, прежде чем заказывать ей работу* и др.);

- сбоях в наборе текста (например, появление лишней буквы в слове: *отпишищешь*;

поднимиштб; замена буквы в слове: *теюе*; *бужет*; *недеою*; *сколькт*; *тогжа* и др.);

– использовании небуквенных символов для выражения эмоций (например, употребление сочетания знаков)) в конце высказывания: *Давай жду малышка))*; *Хорошо отдохнуть))*; *Вот у меня есть для тебя подарок))*);

– структурировании (членении) текста (например, сегментация реплик, их частота, среднее количество знаков в репликах и др.).

Совокупность признаков графического уровня анализа текста обладает высоким потенциалом идентификационной значимости, отражая деятельностную ситуацию его создания в процессе переписки в мессенджере (графический уровень сопоставим по значимости с фонетическим уровнем при идентификации лиц по голосу и речи). Выбор автором совокупности тех или иных средств для передачи смысла высказывания с учетом канала коммуникации, характеристик собеседника, предметно-событийного фона всегда индивидуализирует его.

Реализуя системно-структурный подход, эксперт отмечает употребление определенного языкового знака (сочетаний знаков) в соотношении с речевым контекстом, коммуникативной ситуацией в целом. Общий признак, рассматриваемый применительно к конкретной речевой задаче, изучается в его частном проявлении как репрезентация определенной характеристики автора. Т.Г. Винокур отмечает, что «говорящий совершает вербальный отбор в жестких условиях преодоления альтернативы. Акт предпочтения одного языкового средства другому есть и сам говорящий, “образ автора” данного высказывания. ...Выбрать речевое средство – значит “как-то отнестись” и к речи, и к выраженной ею реальности» [Винокур, 2007, с. 18]. Например, при общем признаке «наличие ошибок набора (опечаток)» могут отмечаться различающиеся частные признаки, в том числе «опечатки в виде нарушения в очередности написания определенных букв», «опечатки в виде замены буквы на букву, находящуюся на клавиатуре рядом с заменяемой», «опечатки в виде пропуска буквы» и т. п.

В условиях продуцирования автором речи в формате диалогического взаимодействия

особое внимание уделяется рассмотрению признаков, характеризующих его коммуникативное взаимодействие с собеседником: характер и средства выражения оценки и/или эмоций, применяемых средств воздействия, выражения субъективной модальности (например, использование оценочной лексики *красава* в отношении собеседника и его действий: – *бос я тут / тока пришел работал // – как дела твои братан / красава*; использование речевых средств, апеллирующих к разуму, логике: *старайся вообще не повторять братан / сейчас оч опасно*; ну *братан сам подумай / не дай бог кто спалит / они же сольют*; *вот разбираюсь / по этому и говорю в старые места не ложи / и не вози в салоне*); особенности выбора средств для актуализации сообщаемого, взаимодействия с собеседником (например, частотное употребление слов *бро*, *братан* при обращении к собеседнику; использование контактоустанавливающих слов *смотри*, *слышь / слушай* в начале высказывания: *смотри / потом как получишь / сразу мне пиши*; *слышь / тебе зп дали?*; *слушай / а ты не в курсе / он в химии шарит ?* и др.).

Кроме обозначенных уровней автороведческого исследования, важным является извлечение и анализ количественных параметров текста. В ЭКЦ МВД России ведется научная работа, в ходе которой проводятся эксперименты, направленные на оценку возможности использования количественных методов в качестве дополняющих иные методы лингвистического анализа. На потенциал использования данных методов при идентификации автора обращается внимание в статье «Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования» [Литвинова, Громова, 2020]. Применение современного инструментария способствует повышению наглядности и объективизации данных, полученных при лингвистическом анализе иными методами.

Отметим, что при проведении экспертного анализа признаков речи автора эффективны также методы диагностического исследования в целях определения гендера, возраста, индивидуально-личностных и иных характеристик автора, а также оценки однородности авторских признаков, исключения при-

менения алгоритмов автоматизированной генерации текстов. Диагностика характеристик автора может выступать как самостоятельная экспертная задача и как этап проведения идентификации. В связи со спецификой переписки в мессенджере представляется актуальным изучение гендерных особенностей языковой личности, проявляющихся в формате быстрого обмена личными сообщениями (выбор языковых и неязыковых средств, обусловленный гендером адресанта и адресата; фактор влияния собеседников на признаки речи друг друга).

Решение задачи идентификации автора по текстам переписки в мессенджерах сопряжено с рядом трудностей, обусловленных наблюдаемым изменением признаков пишущего в эпоху цифровой коммуникации. Характеристики, предлагаемые в имеющихся методиках производства автороведческих экспертиз, во многом неприменимы к диалогической печатной речи. В данной статье предложены подходы к выделению индивидуализирующих признаков речи, реализованной автором в ситуации обмена сообщениями в мессенджере.

Заключение

Современное состояние филологической науки и накопленная практика прикладных исследований позволяют глубоко и разноаспектно изучать такой сложный объект автороведческой экспертизы, как текст переписки в мессенджере.

Анализ диалогической письменной (печатной) речи должен основываться на применении комплексного, системно-структурного подхода, объединяющего как «качественные», так и «количественные» методы анализа. Совершенствование методики автороведческого исследования текста за счет дополнения лингвистических методов анализом количественных параметров (и выработка критериев для их интерпретации) является актуальной задачей.

В условиях трансформации признаков цифровой языковой личности в формате обмена сообщениями посредством мессенджеров также представляет интерес проведение фундаментальных исследований в области определения гендерных, возрастных, индивиду-

ально-личностных особенностей участников переписки.

К перспективам работы относится продолжение практикоориентированных исследований, в том числе на основе формируемого корпуса текстов диалогической переписки, подготовка методических рекомендаций для производства автороведческих экспертиз в целях идентификации автора по материалам текстов, создаваемых в ходе переписки в мессенджерах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анализ компонентов ситуации создания письменного и устного (имеющего признаки подготовленности) текстов, 2018 : метод. рекомендации / Т. В. Назарова [и др.]. М. : ЭКЦ МВД России. 72 с.
- Андреева С. В., 2006. Речевые единицы устной речи : Система, зоны употребления, функции / под ред. О. Б. Сиротининой. М. : URSS : КомКнига. 192 с.
- Винокур Т. Г., 2007. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М. : URSS. 172 с.
- Вул С. М., 1977. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи : метод. пособие. М. : ВНИИСЭ МЮ СССР. 109 с.
- Голошубина О. К., 2017. Комплексное моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере» : дис. ... канд. филол. наук. Омск. 175 с.
- Горошко Е. И., Землякова Е. А., 2017. Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) // Жанры речи. № 1 (15). С. 97–100. DOI: <https://10.185500/2311-0740-2017-1-15-92-100>.
- Диагностика половозрастных и индивидуально-личностных характеристик автора рукописного текста, 2014 : метод. рекомендации / Т. В. Назарова [и др.]. М. : ЭКЦ МВД России. 112 с.
- Долинин К. А., 2010. Интерпретация текста : Французский язык. М. : Просвещение. 304 с.
- Ионова С. В., 2017. Идентификация и диагностика личности в лингвистике: поиск единичного и особенного // Язык и мышление : Психологические и лингвистические аспекты : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Орехово-Зуево, 17–19 мая 2017 г.). Орехово-Зуево : Гос. гуманитар.-технол. ун-т. С. 79–81.
- Крылов Ю. В., 2017. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 2 (15). С. 50–52.

- Кутузов А. Б., 2006. Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень. 21 с.
- Лейчик В. М., 2007. Преподавание основ культуры речи в свете новейших тенденций в развитии русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». № 2. С. 7–12.
- Летучий А. Б., 2014. Особенности аргументной структуры русских глаголов в «компьютерных» контекстах // Современный русский язык в интернете / отв. ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М. : Яз. слав. культуры. С. 153–168.
- Литвинова Т. А., Громова А. В., 2020. Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 1. С. 77–88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.7>.
- Литневская Е. И., 2009. О некоторых особенностях письменной разговорной речи // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания : сб. науч. тр. Киев : УАПРЯЛ. С. 197–201.
- Литневская Е. И., 2011. Письменные формы разговорной речи (к постановке проблемы). М. : МАКС Пресс. 304 с.
- Назарова Т. В., Громова А. В., 2019. Опыт производства автороведческих экспертиз по материалам переписок в мессенджерах // Экспертная практика. № 86. С. 14–18.
- Пигина Е. С., 2013. Смайлик как элемент эмоционального воздействия в организации общения в сети Интернет // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11, ч. 2. С. 144–146.
- Смирнов Ф. О., 2004. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль. 22 с.
- Соколинская Е. Г., 2004. Особенности электронного дискурса и конструирование гендерной идентичности // Культура народов Причерноморья. № 49, т. 1. С. 143–145.
- Тошович Б., 2015. Интернет-стилистика. М. : ФЛИНТА. 238 с.
- Трофимова Г. Н., 2008. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты). М. : Изд-во РУДН. 300 с.
- Цыбина Е. Ю., Лисицына В. О., Брашован Е. А., 2016. Смайл как выражение эмоций или информативный вид общения? // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 11, ч. 4. С. 819–822.

REFERENCES

- Nazarova T.V. et al., 2018. *Analiz komponentov situacii sozdaniya pismennogo i ustnogo (imeyushchego priznaki podgotovlennosti) tekstov: metod. rekomendacii* [Analysis of the components of the situation of creating written and oral (having signs of preparedness) texts. Methodological recommendations]. Moscow, EKTS MVD Rossii. 72 p.
- Andreeva S.V., 2006. *Rechevye edinitsy ustnoy rechi: Sistema, zony upotrebleniya, funktsii* [Speech units of oral speech: System, areas of use, functions]. Moscow, URSS Publ., KomKniga Publ. 192 p.
- Vinokur T.G., 2007. *Govoryashchii i slushayushchii: varianty rechevogo povedeniya* [Speaking and listening: variants of speech behavior]. Moscow, URSS Publ. 172 p.
- Vul S.M., 1977. *Teoreticheskie i metodicheskie voprosy kriminalisticheskogo issledovaniya pis'mennoy rechi: metod. posobie* [Theoretical and methodological issues of forensic research of written speech]. Moscow, VNIISYe MYu SSSR. 109 p.
- Goloshubina O.K., 2017. *Kompleksnoe modelirovanie rechevogo zhanra «razgovor v messendzhere»: dis. ... kand. filol. nauk* [Complex modeling of the speech genre “conversation in messenger”. Cand. philol. sci. diss.]. Omsk. 175 p.
- Goroshko O.I., Zemliakova O.A. Polyformatnyy messendzher kak zhanr 2.0 (na primere messendzhera mgnovennykh soobshcheniy Telegram) [Polyformat messenger Telegram as a genre 2.0 (on the example of messenger of instantanejus report Telegram)]. *Zhanry rechi*, no. 1 (15), pp. 97-100. DOI: <https://10.185500/2311-0740-2017-1-15-92-100>.
- Nazarova T.V. et al., 2014. *Diagnostika polovozrastnykh i individual'no-lichnostnykh kharakteristik avtora nerukopisnogo teksta: Metodicheskie rekomendatsii* [Predicting gender, age and personality traits of the author of the printed text: guidelines]. Moscow, EKTS MVD Rossii. 112 p.
- Dolinin K.A., 2010. *Interpretaciya teksta: Francuzskiy yazyk* [Interpretation of the text: French]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 304 p.
- Ionova S.V., 2017. Identifikatsiya i diagnostika lichnosti v lingvistike: poisk edinichnogo i osobennogo [Identification and diagnosis of personality in

- linguistics: the search for the singular and special]. *Yazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf.* [Language and thinking: Psychological and linguistic aspects: materials of the XVII International Scientific Conference]. Orekhovo-Zuevo, Gosudarstvennyy gumanitarno-tekhnologicheskii universitet, pp. 79-81.
- Krylov Ju. V., 2017. Semantika emodzi v virtual'nom dialoge [Emodji's semantics in the virtual dialogue]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 2 (15), pp. 50-52.
- Kutuzov A. B., 2006. *Model' funktsionirovaniya terminologicheskogo slengizma v diskurse setevykh forumov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Model of functioning of terminological slangism in the discourse of network forums. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Tyumen. 21 p.
- Lejchik V.M., 2007. Prepodavanie osnov kul'tury rechi v svete noveyshikh tendentsiy v razvitiy russkogo yazyka [Teaching the basics of speech culture in the light of the latest trends in the development of the Russian language]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya»* [Russian and foreign languages and methods of their teaching. Series "Russian and foreign languages and methods of teaching them"]. Moscow, no. 2, pp. 7-12.
- Letuchij A. B., 2014. Osobennosti argumentnoy struktury russkikh glagolov v «komp'yuternykh» kontekstakh» [Russian Russian Language on the Internet: Features of the argumentative structure of Russian verbs in "computer" contexts"]. Ahapkina Ya.E., Rahilina E. V., eds. *Sovremennyyi russkiy yazyk v internete* [Modern Russian language on the Internet]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 153-168.
- Litvinova T.A., Gromova A.V., 2020. Komp'yuternye tehnologii v sudebnoy avtorovedcheskoy ekspertize: problemy i perspektivy ispol'zovaniya [Computer technologies in forensic author's expertise: problems and prospects of use]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 1, pp. 77-88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.7>.
- Litnevskaja E.I., 2009. O nekotorykh osobennostyakh pis'mennoy razgovornoy rechi [About some features of written colloquial speech]. *Russkiy yazyk i literatura: problemy izucheniya i prepodavaniya* [Russian language and literature: Problems of studying and teaching]. Kyiv, UAPRYaL, pp. 197-201.
- Litnevskaja E.I., 2011. *Pis'mennyye formy razgovornoy rechi (k postanovke problemy)* [Written forms of colloquial speech (to the problem statement)]. Moscow, MAKS Press. 304 p.
- Nazarova T.V., Gromova A.V., 2019. Opyt proizvodstva avtorovedcheskikh ekspertiz po materialam perepisok v messendzherakh [Experience in the production of auto-expert examinations based on the materials of correspondence in messengers]. *Expert practice*, no. 86, pp. 14-18.
- Pigina E.S., 2013. Smaylik kak element emocional'nogo vozdeystviya v organizatsii obshcheniya v seti Internet [Smiley face as an element of emotional impact in the organization of communication on the Internet]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Questions of theory and practice], no. 11, part 2, pp. 144-146.
- Smirnov F.O., 2004. *Natsional'no-kul'turnyye osobennosti elektronnoy kommunikatsii na angliyskom i russkom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [National and cultural features of electronic communication in English and Russian. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Yaroslavl. 22 p.
- Sokolinskaja E.G., 2004. Osobennosti elektronnoy diskursa i konstruirovaniya gendernoy identichnosti [Features of electronic discourse and construction of gender identity]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region], no. 49, vol. 1, pp. 143-145.
- Toshovich B., 2015. *Internet-stilistika* [Internet stylistics]. Moscow, FLINTA Publ. 238 p.
- Trofimova G.N., 2008. *Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii (funktsionirovanie russkogo yazyka v Internete: conceptual'no-sushchnostnye dominanty)* [Language taste of the Internet age in Russia (functioning of the Russian language on the Internet: conceptual and essential dominants)]. Moscow, Izd-vo RUDN. 300 p.
- Tsybina E. Yu., Lisitsyna V.O., Brasovan E.A., 2016. Smayl kak vyrazhenie emociy ili informativnyi vid obshheniya? [A smile as an expression of emotions or an informative form of communication?]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], no. 11, part 4, pp. 819-822.

Information About the Author

Anastasiya V. Gromova, Candidate of Sciences (Philology), Deputy Head of the Department of Forensic Linguistic and Authorship Examination of Spoken and Written Text, Head of the Subdepartment of Forensic Linguistic and Authorship Text Examination, Forensic Centre of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh St, 5, 125130 Moscow, Russia, Gromova_85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-5680>

Информация об авторах

Анастасия Викторовна Громова, кандидат филологических наук, заместитель начальника отдела фоноскопических, лингвистических и автороведческих экспертиз, начальник отделения лингвистических и автороведческих экспертиз, Экспертно-криминалистический центр МВД России, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5, 125130 г. Москва, Россия, Gromova_85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-5680>

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРОВ И ТИПОВ ТЕКСТОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.9>

UDC 81'42:81-13
LBC 81.055.51.1

Submitted: 09.08.2020
Accepted: 02.12.2020

TEXTS OF NATURAL WRITTEN SPEECH AS AN OBJECT OF GENRE ANALYSIS: THE PROBLEM OF METHOD

Nadezhda I. Tyukaeva

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Konstantin I. Brinev

Henan University, Kaifeng, China

Abstract. The article defines the methodological problems of constructing a model of the speech genre and suggests the way of solving them. The existing models of *Text – Text components – Genre* type are recognized as the main tool for the study and description of speech genres. It is argued that the speech genre description methodology in modern linguistics should be focused on the ideas of systematic construction. The principles of text analysis in the aspect of speech genre studies are determined and some errors of scientifically employed approaches are identified. The elimination of these errors will allow genre studies to shift to a new methodological principle of constructing a genre model that has a diagnostic potential. The current problematic issues of genre studies are formulated. As a productive technology for describing a speech genre, we propose a universal method of functional modelling, which will enable designing genres and their modules on the basis of regularity, obligation, and oppositional character. In order to solve the problem of genre description in the attributive aspect, that is, to determine its units, it is productive to analyze the genre applying the so-called communicative semiotic model, as well as the method of transformational-and-oppositional analysis. The proposed principle of genre description is postulated as a method of objective modelling. Thus, within the framework of this study, the analysis of the theoretical problems of modern genre studies is carried out, the objectives of speech genres investigation are formulated and the approaches to their achieving are presented in an overview.

Key words: text type, speech genres, system modelling, genre model, description method, methodological approach, prototypical approach, author's intention.

Citation. Tyukaeva N.I., Brinev K.I. Texts of Natural Written Speech as an Object of Genre Analysis: The Problem of Method. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 99-110. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.9>

УДК 81'42:81-13
ББК 81.055.51.1

Дата поступления статьи: 09.08.2020
Дата принятия статьи: 02.12.2020

ТЕКСТЫ ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КАК ОБЪЕКТ ЖАНРОВОГО АНАЛИЗА: ПРОБЛЕМА МЕТОДА

Надежда Ивановна Тюкаева

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Константин Иванович Бринев

Хэнаньский университет, г. Кайфын, Китай

Аннотация. В статье определяются методологические проблемы построения модели речевого жанра и предлагается способ их решения. Основным инструментом исследования и описания речевых жанров признаются действующие модели типа «Текст – Компоненты текста – Жанр». Утверждается, что методика описания речевого жанра в современной лингвистике должна быть ориентирована на системное конструирование. Определены принципы анализа жанра и выявлены некоторые погрешности применяемых в науке подходов. Показано, что устранение этих погрешностей обеспечит переход жанроведения на новый методологический принцип конструирования модели жанра, обладающей диагностирующим потенциалом. В качестве продуктивной технологии описания речевого жанра предложена универсальная методика функционального моделирования, позволяющая конструировать жанры и их модули на основании регулярности, обязательности, оппозиционного характера. Для решения задач описания жанра в атрибутивном аспекте (определение единиц жанра) целесообразным представляется его изучение, основанное на применении коммуникативно-семиотической модели и методики трансформационного-оппозиционного анализа. Предложенный способ описания жанра постулируется как метод объективного моделирования. В результате исследования освещены теоретические проблемы современного жанроведения, сформулированы задачи изучения речевых жанров и обзорно представлены пути их решения.

Ключевые слова: тип текста, жанры речи, системное моделирование, модель жанра, метод описания, методологический подход, прототипический подход, интенция автора.

Цитирование. Тюкаева Н. И., Бринев К. И. Тексты естественной письменной речи как объект жанрового анализа: проблема метода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 99–110. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.9>

Введение

Постановка проблемы уже является научным фактом, предполагающим разработку методологии исследования и результат ее применения. В этом отношении в качестве приоритетного отметим принцип лингвоэкспертной деятельности: движение от выявления проблемных фактов до выстраивания методики их описания и систематизации. К проблемным вопросам жанроведения предлагаем относить следующие: «На что влияет существование типов речи?»; «Какие проблемы возникают при ошибочном выборе жанра?»; «Возникнут ли коммуникативные ошибки при изменении структуры жанра?»; «Влияет ли изменение структуры, формы жанра на его содержание?». Ответы на эти вопросы дадут возможность лингвистам приблизиться к пониманию глобальной проблемы системности жанров, что требует разработки методологического аппарата для определения единиц, функций, статуса жанра.

В качестве продуктивной методики описания речевого жанра (далее – РЖ) нами предлагается универсальная методика *функционального моделирования*, которая позволит конструировать РЖ и их модули на основании

регулярности, обязательности, наличия отношений оппозиционного характера (подробнее об этом см.: [Тюкаева, 2019б]). Универсализм разрабатываемой методики заключается в представлении РЖ в качестве знака (семиотический подход) и его описании как конструкта, модели, ориентированной в направлении системности, которая может быть зафиксирована в виде кода для функционального программирования.

Методология исследования

Мы исходим из убеждения, что модель жанра в гносеологическом аспекте имеет сложную уровневую структуру: она конструируется из ряда фациентов (признаков РЖ), которые также представляют собой конструкт из комплекса единиц-признаков – условно назовем их *модули фациента* или *модули РЖ* (конструкты фациента в концепции Н.Б. Лебедевой – «параметры»: [Лебедева и др., 2011]), представленные семиотическими конструктами (в том числе речевыми), фактами, имеющими значение и значимость в пределах этого жанра (подробнее об этом см.: [Тюкаева, 2019а]).

Методологический принцип построения модели заключается в верификационном опре-

делении модулей жанра, занимающих в структуре высказывания положение между языковой и надязыковой системами, которые и являются надсистемами для РЖ, регулирующими его функционирование.

Придерживаясь логики системного описания объекта, обозначенной Н.Д. Голевым [Голев, 2016, с. 26], исследователь должен рассматривать признаки РЖ сквозь призму категорий, применяемых в общей теории систем: единиц, систем, функций, субстанций, надсистем, детерминант, адаптаций.

Согласно разрабатываемой методике первым шагом описания РЖ является обнаружение всех элементов (единиц) системы текста, то есть модулей. Мы отталкиваемся от понимания модуля (признака жанра) как системы семиотических признаков, оязыковленных в тексте. Работа осуществляется на примере ряда жанров естественной письменной русской речи¹ (далее – ЕПРР). Такой путь ориентирован на конструирование семиотических кодов. Отметим, что модель РЖ может быть построена и по принципу отождествления с ситуацией, последствиями речевого поступка и т. п. Анализ предлагается производить по принципам *трансформации* или построения пропозиций (как это представлено в работах И.А. Мельчука и Н. Хомского [Мельчук, 1974; Хомский, 1972]). При таком подходе нет необходимости определять единицы жанра, но следует конструировать формулы уровней текста, однако не интуитивным, а опытным путем, посредством разрешения «конфликтных» состояний естественного и модифицированного текстов.

В соответствии с вышесказанным нами выдвигается гипотеза формально-трансформационного моделирования: текст содержит типовую структуру модуля жанра, имеющую внутреннюю (глубинную) и внешнюю (поверхностную, формальную) части, то есть подмодули, которые характеризуются признаками, специфичными, дифференциальными по отношению к типовым структурам модуля другого жанра, эти признаки могут являться идентификаторами как самого модуля, так и РЖ в целом. Следовательно, противоположное изменение типовой структуры модуля влечет деструктуризацию, поломку, разрушение РЖ. Иными словами, изменение модуля, состояще-

го из «закодированного» сочетания языковых и экстралингвистических компонентов, приведет к изменению значения, идентификации и функции жанра.

Поиск новых методов анализа текстов в жанровом аспекте связан с существующими проблемами речевого жанроведения. Основным инструментом исследования и описания РЖ признаются действующие модели типа «Текст – Компоненты текста – Жанр» (Т.В. Шмелева, А. Вежбицка, Н.Б. Лебедева, И.А. Тарасова, Н.И. Тюкаева, И.В. Шерстяных, О.В. Шурлина и др.). Описание текста в аспекте жанроведения связано с вопросами его соотношения с жанровой моделью. Целью современного жанроведения является изложение теории модели (модели жанра) так, как это принято для научных теорий: задать исходные понятия и на их основе получить исчерпывающую модель того или иного жанра. Однако указанная цель в настоящее время не достигнута, по крайней мере авторам статьи такие разработки неизвестны.

Сегодня в лингвистической науке отмечается рост интереса к моделированию как исследовательскому методу: по филологическим специальностям в электронном ресурсе Российской государственной библиотеки зафиксировано большое количество диссертаций, содержащих в своем названии слова *модель, моделирование*. Однако созданные учеными конструкты далеки от того, чтобы отобразить механизм перехода формы РЖ в содержание (значение, значимость), хотя бы в виде экспериментального варианта. Поэтому, предполагая, что затруднения связаны с несостоятельностью методов анализа речевого жанра в аспекте моделирования, мы предпринимаем попытку определить некоторые методологические проблемы современного способа построения системной модели РЖ, поскольку «проблема не только не решена, но и имеет многолетний отрицательный опыт» [Дементьев, 2010, с. 77], и предложить функциональный метод описания жанра как возможный путь выхода «из застоя в жанроведении» [Дементьев, Фенина, 2005, с. 7].

М.М. Бахтин, выводя понятие РЖ за рамки языка «в себе и для себя» [Соссюр, 1999, с. 257], постулирует РЖ как «формы комбинаций форм языка» [Бахтин, 2000, с. 275], что

обуславливает объективность существования жанра как факта реальной действительности. Учитывая это, специалисты в области речевого жанроведения, в том числе представители Сибирского лингвистического кружка (Барнаул – Кемерово), неоднократно подчеркивали мысль о «заложенных» в *инвариантной модели* жанра типовых жанровых структурах (композиции, темы, ситуации и пр.) [Вежбицка, 1997; Дементьев, 2010; Салимовский, 2002; Седов, 2002; Тюкаева, 2005, с. 112; Шмелева, 1997]. М.М. Бахтин перечисляет среди признаков жанра дополнительные признаки, связанные с языковыми фактами опосредованно (например, автор, адресат и др.), но влияющие и на содержание высказывания, и на его восприятие [Бахтин, 1986]. Акцент на этих признаках, с нашей точки зрения, и привел к возникновению ахиллесовой пяты теории речевых жанров (далее – ТРЖ), так как в настоящее время очевиден сформировавшийся субъективистский подход к ТРЖ: превращение ее в теорию интерпретаций, иллюзий, перлюкций, ментальных состояний автора и адресата высказывания. Очевидно, жанровая модель речевого произведения, избранная в качестве приоритетной, задает правила речевого поведения для автора высказывания, но, решая задачи моделирования в объективистском ключе, нет необходимости описывать предположительные характеристики РЖ (интуитивный поиск), а важно выявлять объективные *фактические* единицы жанра, составляющие его модель и правила (механизмы) реализации значений и значимостей этих единиц.

Объективистское теоретическое моделирование базируется на апробированных схемах, позволяющих обнаружить систему правил, задающих соответствие между формой жанра и его значением. Осознание необходимости перехода от интуитивных методов к объективистским требует пересмотра имеющихся и поиска новых методологических принципов для построения моделей РЖ. В рамках этого движения анализ уже реализованных подходов к описанию РЖ позволит выявить методологические проблемы современной ТРЖ. Для последней особенно актуален вопрос о применении существующих лингвистических, когнитивных теорий при установлении языко-

вых фактов, детерминирующих жанровые структуры и смыслы. Обозначенные причины современного состояния ТРЖ восходят к проблеме теоретического знания как знания, позволяющего решать конкретные исследовательские задачи, объясняющего и описывающего факты. Поэтому важнейшими задачами в ТРЖ являются постановка проблемы и выстраивание методов ее решения. Полагаем, ответом на поставленный В.В. Дементьевым и В.В. Фениной вопрос о том, какого рода идеи должны быть положены в основу будущих исследований [Дементьев, Фенина, 2005], должен стать анализ современных подходов к ТРЖ с «проблемоцентристских» позиций.

Результаты и обсуждение

В современной лингвистике довольно многочисленны примеры описания речевых жанров с использованием «прототипичного анализа» [Акулова, 2007; Кантурова, 2012; Кузьмина, 2006; Прохорова, 2012; Тырыгина, 2008], с применением такого метода были выполнены и наши исследования (см.: [Тюкаева, 2005]).

Предлагаем пересмотреть возможности использования теории прототипов при моделировании РЖ. Эта теория, ставшая традиционной для ТРЖ, характеризуется тем, что в исследовательскую формулу при определении особенностей жанра включается часть «неизвестных», которые с опорой на опыт и интуицию исследователя в работе априори признаются известными, понятными, очевидными. Исследователь пытается соотнести РЖ с неким прототипом, не имея возможности точного определения в качестве научного факта (в исчислимом или «дистрибутивном» – перечисляемом – виде) некоторых неизвестных: эталонный текст, фамильные черты, ключевой концепт, интенция автора. Так, изучение РЖ с применением прототипического анализа направлено на определение ядра жанра, то есть «идеального» текста (прототипа), в большей степени отражающего свойства РЖ.

Ограниченные возможности такого метода, по нашему предположению, связаны с отсутствием четкой постановки решаемой задачи, с одной стороны, и несостоятельностью, «интерпретационностью» методов рас-

познавания прототипа – с другой. Продемонстрируем слабость применения теории прототипов, охарактеризовав некоторые из современных подходов² к ТРЖ.

I. «Эталонный подход»³. Исходя из постулата о том, что прототип (далее – П) – это явление, по которому можно опознать категорию в целом [Rosh, 1983, p. 75], это эталон [Тырыгина, 2007], «наилучший представитель» [Зырянов, 2003], исследователь интуитивно определяет П и проводит его сопоставление с анализируемым текстом, предполагаемо⁴ относящимся к жанру (см.: [Головко, 2012; Зырянов, 2003; Лейдерман, 2010; Тырыгина, 2007, Swales, 1990], а также [Тюкаева, 2005]). В таких исследованиях П выдвигается как данность, не требующая фактического представления, пояснения, описания. Иными словами, в исследовании П вводится как общеизвестная абстракция, соотносимая с именем жанра (см.: [Акулова, 2007; Кузьмина, 2006; Кантурова, 2012; Прохорова, 2012; Тырыгина, 2008], а также [Тюкаева, 2005]), например П письма, сказки, проповеди и др. Однако правила, обеспечивающие объективное распознавание, определение, конструирование П жанра, науке неизвестны.

При таком подходе осуществляется неоправданный поиск эталона. Разнообразие, вариативность неизвестного эталона очевидны. Возникает вопрос о том, что есть эталон. Например, что из списка «поджанров» необходимо признать эталоном письма: берестяную грамоту, фронтное письмо, письмо Пушкина к Чаадаеву, письмо Татьяны, письмо Деду Морозу? Более того, набор признаков «эталона» не всегда оказывается обязательным и «рабочим», то есть среди выделенных признаков не всегда возможно определить, какие из них являются дифференциальными для жанра. Исследование неизбежно приобретает вид перечисления признаков, с последующими попытками определить ядерные и периферийные, а исследователь, находясь в поиске эталона, всегда вынужден предусматривать разнообразные индивидуальные отклонения от П (так называемые «прототипические эффекты» [Лакофф, 2004, с. 203]: поиски лучших и худших представителей П). В этом случае требуется введение измерения количества и качества отклонений от П, позволя-

ющего квалифицировать степень соответствия / несоответствия эталону. Рассуждение в данной парадигме требует некоего (числового, количественного, частотного) измерения отклонений, которое в конечном итоге должно выводить некоторые тексты за рамки жанра. Иными словами, применяется формула: несовпадение по 3 пунктам с жанром X позволяет квалифицировать текст как «не жанр X », то есть как «жанр Y ». В работах, основанных на теории прототипов этот вопрос решается распределением текстов по зонам – ядро / периферия. Исследование сводится к аксиоматическому утверждению: «этот текст имеет / не имеет отклонения от прототипического жанра X , поэтому он (текст) относится к ядерной / периферийной зоне жанра X ». При этом подходе невозможно четко отделить один жанр от другого.

Согласно предлагаемой нами альтернативной методике объективного моделирования, эталон не является частью формулы, поскольку цель моделирования – построение инварианта жанра как результат экспериментального конструирования, но не эмпирического перечисления признаков. Экспериментальное конструирование решает задачи декодирования РЖ путем постановки вопросов (например, что изменится, если один фактический материал, предположительно относящийся к жанру X , поменять на другой фактический материал) и поиска методов для ответа на них.

Разрабатываемый нами трансформационный анализ с применением оппозиционного метода (обозначим его условно трансформационно-оппозиционный метод⁵) ориентирован на работу с текстом, он не может быть применен к «идеальному» материалу. Фактический материал не может быть эталоном (что даст представление об эталонной морфеме или фонеме?). Наша работа направлена на фактический материал. Например, мы подвергаем трансформации формулы начала текста: замена фразы *Здравствуй, мама* (жанр «письмо») на нулевую фразу (жанр «граффити», «записка»); фразы *Дорогая мама, поздравляю* (жанр «поздравление») на фразу *Здравствуй, дорогая мама. Как у вас дела?* (жанр «письмо»); фразу *Бом-бом-бом, открывается альбом* (жанр «девичий альбом») на фразу *Бом-бом-бом, открывается письмо* (жанр «письмо»); фра-

зу *Дорогой дневник* (жанр «девичий дневник») на фразу *Дорогая записка* (жанр «записка») – и наблюдаем за изменениями в тексте для того, чтобы сделать вывод о «жанровости» выделенного признака.

II. Подход, основанный на принципе «фамильного родства». В исследованиях определяются фамильные черты [Витгенштейн, 1994, с. 75] П жанра путем сопоставления его с так называемым «предком». В качестве «предка» интуитивно избирается схожий тип текста в исторической ретроспективе или исторические тексты, которые могут иметь подобное искомому жанровое название [Бузальская, 2015; Прохорова, 2012; Тарасова, 2007; Черепанова, 2010]. Алгоритм реализации принципа «фамильного родства» можно представить следующим образом: 1) определяется название жанра (народное название текста), например, письмо; 2) определяется, какой текст назывался (мог называться) письмом в S веке; 3) определяются общие черты этих текстов; 4) общие черты признаются фамильными чертами. Признаки «предка» либо перечисляются в списочном варианте, либо вовсе не описываются, то есть представляются очевидными. Таким образом, методологически интегральные признаки текста «предка» и «современника» признаются как жанровые. Например, на базе «предка-прототипа» жанра строятся модели «искусственных» (в терминологии Н.Б. Лебедевой [Лебедева, 2001, с. 8]) литературных жанров или их модификаций [Логунова, 2011; Spolsky, 1993; Paltridge, 1997]. Для естественных жанров тоже проводятся процедуры соотношения с историческим предком. Однако необходимо принять во внимание то, что «застывшее генетическое» может сохранить или приобрести свою синхронную значимость, но эта значимость будет уже существенно иной, нежели исходное, генетико-детерминационное, значение “первоэлемента”» [Голев, 2012, с. 278], то есть, с одной стороны, со временем объект может приобрести значимые элементы, а с другой стороны, утратить некоторые из них или перераспределить имеющиеся. Отметим, что при диахронном анализе жанра исследователю необходимо осознавать условность детерминации.

Лингвист, избирающий подход, основанный на принципе «фамильного родства», ре-

шает задачу поиска дифференциальных признаков текстов «предка» и «современника» жанра, то есть исследует эволюцию жанра. При этом остается неясным, какие факты обнаруживаются при определении признаков эволюции жанра. Факт развития жанра? Например, что для определения жанрового признака дает факт «эволюции жанрового канона, зафиксированной в социокультурном когнитивном типе баллады» [Тарасова, 2018, с. 92]? Какую фактическую информацию о жанре дает такого рода анализ? Цель такого использования II указывается самими исследователями – идентификация с целью классификации (авторская, читательская) [Тарасова, 2018, с. 91]. Тем не менее анализ, выполненный ради распределения текстов относительно некоего «предка-эталона» на ядерные / периферийные, не позволяет получить нового знания о РЖ, кроме знания о том, что он изменился. Считаем, что классификация, произведенная для классификации или категоризации безосновательна. Напротив, типологизация РЖ, произведенная для выявления оппозиционных соотношений как признаков РЖ (инвариантных единиц), так и самих жанров, открывает возможность выхода на новый уровень осознания и объяснения фактического материала. Например, противопоставление по признаку «инвариантный возраст автора РЖ» жанров граффити / мемуары позволяет обнаружить жанровую константу текстов. Так, в результате «трансформационно-оппозиционного» анализа с опорой на типовые (инвариантные) речевые факты установлено, что автор жанра граффити – молодой (см.: [Тюкаева, 2005]), а автор жанра «мемуары» – пожилой.

III. Концептуальный подход. Основным методологическим принципом такого подхода является определение ключевого концепта, содержащегося в П жанра [Бузальская, 2015; Кузьмина, 2006; Прохорова, 2012; Тарасова, 2007; Тырыгина, 2008; Черепанова, 2010; Эмер, 2009; Paltridge, 1997; Spolsky, 1993]. Концепт выступает в исследовании как структура, маркированная признаком, позволяющим приписывать тексту определенную жанровую категорию – «assign text to a particular generic category» [Paltridge, 1997, p. 39]. При этом вводится критерий «достаточного сходства», определяются различные концепты в жанрах,

что дает возможность «описать жанровые особенности организации концептуальной системы» [Эмер, 2009, с. 39]. Принцип вычисления ключевого концепта вызывает объективное сомнение уже у самих исследователей: «под ключевым в работе понимается такой концепт, репрезентант которого фигурирует в “свертке” смысла анализируемого фрагмента. Поскольку **формулировка** (здесь и далее выделено нами. – Н. Т., К. Б.) такого результирующего смысла всегда до известной степени **субъективна**» [Черепанова, 2010, с. 4]. В данной цитате указано слабое место методики: формулировки субъективны. Следовательно, при анализе РЖ необходим отход от формулировок и переход к объективным методам определения. Более того, жанроведу нужно сформулировать для себя, поисками чего он занимается, какую задачу решает, используя обозначенный метод, какие факты обнаруживаются при определении, например, ядра и периферии. Иногда лингвист, используя метод прототипического анализа, решает задачу демонстрации подхода к описанию жанра (например, «наличие ядра и периферии – как нельзя лучше позволяет продемонстрировать прототипический подход» [Тарасова, 2018, с. 92]), о чем с иронией говорит В.В. Дементьев: «Хорошо зарекомендовавшая себя, да еще и модная когнитивная методика» [Дементьев, Фенина, 2005, с. 9].

Подчеркнем, что ключевой концепт часто выявляется методами интуитивного анализа посредством формулировок и представляется либо в виде перечислений синонимов (например, «концепт “язык” – говорить, язык, слово, речь» [Эмер, 2009, с. 34]), либо как общеизвестная данность, существование которой не требует доказательств («жанры представлены в виде концептов», «жанр – это концепт» [Тырыгина, 2009, с. 67], и здесь же концепт медиажанров – «информация» [Тырыгина, 2009, с. 67]). Как видим, в пределах одной статьи термин *концепт* употребляется в значении жанра, обобщенного жанрового явления и структуры («в виде жанра»). Открытым остается вопрос о том, какой фактический материал извлекается из «представления о жанре в исследовательском сознании» [Тарасова, 2018, с. 90]. Отметим, когда исследователи начинают осознавать субъективность

подходов при выведении ключевых концептов жанра, то прибегают к попыткам определения формальных идентификаторов концепта, например: «мы учитывали также дополнительный формальный критерий» [Черепанова, 2010, с. 4], однако методика выявления формальных идентификаторов концепта не разработана, а их перечня не существует, во всяком случае, таковые авторам настоящей статьи неизвестны.

Предлагаемая нами методика анализа РЖ основана на использовании эксперимента для выявления перлокутивного эффекта с целью решения исследовательских задач. Гипотетически предполагаем, что несоблюдение жанровых норм автором или экспериментальная трансформация жанрового признака отражается на реакции адресата. Возможные реакции: недоумение, смех, растерянность – сигнализируют о факте отхождения от жанровых норм. В этом отношении особый интерес представляют тексты, вызывающие нетипичные перлокутивные эффекты. Например, в личном дневнике («Дневник ИИ» из материалов Лаборатории русской речи АлтГПУ был проанализирован студенткой при описании жанра в ходе лингвистической практики) в разговорном стиле описаны сны автора и повседневные дела. Такая форма подачи материала вызывает юмористический перлокутивный эффект, хотя типовые дневники с типовыми темами (описание переживаний по поводу событий) такой реакции не вызывают. Следовательно, перлокутивный эффект анализируемого текста оказался несвойствен жанру «личный дневник». Предполагаем, что такая реакция адресата сигнализирует о нарушении норм жанра. На основании этого выдвигаем гипотезу: перлокутивный эффект возможно использовать в качестве верификатора, идентифицирующего нарушение жанровой структуры; определение участков нарушения структуры позволит сформулировать инвариант жанра. При этом мы осознаем, что подобного рода перлокуция возможна не только на жанровую форму, поэтому фактическое подтверждение гипотезы необходимо устанавливать дополнительными методами.

Применяемый нами трансформационно-оппозиционный метод заключается в следующем: каждый признак, выделенный эмпирически

ким путем (обзорной паспортизацией) подвергается субститативному и трансформационному анализу. Субститативный анализ проводится через соотношения выделенного модуля жанра с однотипным модулем другого жанра при наличии дифференциации между ними. Трансформационный анализ может быть осуществлен посредством изменения выделенного признака на противоположный (экстралингвистический и языковой). Априори предполагается, что при трансформации инвариантного, типового модуля / подмодуля изменяется (в функциональном плане) и РЖ.

Трансформационно-опозиционный метод при описании РЖ апробирован нами [Тюкаева, 2005, с. 59] и использован в исследованиях Сибирского лингвистического кружка (в том числе и в дипломных работах, выполненных под нашим руководством). В итоге была определена доминанта РЖ. Однако необходимо отметить, что описываемая методика требует доработки. При этом можно утверждать, что проведенные эксперименты дали верифицированные результаты – объективное, системное описание жанров речи.

Заключение

Методология анализа текста в жанровом аспекте нуждается в разработке системных принципов определения структуры РЖ. Проблемы методологии ТРЖ связаны с использованием малоэффективных методов исследования. Так, результаты анализа подходов к исследованию РЖ, основанных на теории прототипов, показали, что в их границах решается задача поиска метода описания жанра, но не изучения фактов, маркирующих РЖ, обуславливающих проявление проблемы ТРЖ.

Ответы на сформулированные в статье вопросы современной генристики в аспекте определения типовых признаков РЖ могут быть получены в результате применения трансформационно-опозиционного метода, разработанного на принципах семиотического подхода и объективистского описания модели РЖ, которая реализует возможности построить конструктор жанра, кодируя факты его проявления в высказывании. Таким образом, в рамках данного исследования предложен способ решения теоретико-методологической проблемы моде-

лирования жанра речи и принципов описания текста как его представителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В исследовании мы опираемся на тексты ЕППР. Такой выбор обусловлен тем фактом, что тексты ЕППР представляют разновидность высказываний и отражают естественное, наивное, «непрофессиональное» представление носителей языка – авторов текстов – о генезисе, структуре и функционировании типов (жанров) естественных текстов. Заострим внимание на том факте, что анализ жанров ЕППР показывает наличие норм, типов, устойчивых структур, которые находятся в процессе саморегуляции, самоидентификации, без вмешательства внешних факторов (нормативных актов, регламентирующих организаций и пр.). Иными словами, интерес к жанрам ЕППР со стороны лингвистики вызван тем, что ЕППР – это система, в которой без предписаний, обучений, регулирований существуют нормы, стандарты, отраженные в письменных высказываниях, чувствуются и регламентируются естественным образом носителями языка в онтологическом аспекте. Описание системы ЕППР – задача лингвиста в гносеологическом модуле. В стремлении к объективному описанию параметров жанра мы останавливаемся на объекте ЕППР, где естественным образом сформированы и сохранены стандарты речи – РЖ. В данном аспекте важно акцентировать внимание на письменной форме высказываний применительно к жанрам ЕППР, а значит, предполагаемом отсутствии адресата во время создания высказывания и автора в момент осуществления коммуникации, что в определенной степени нивелирует влияние дискурса, ситуации непосредственного общения на процессы кодирования, последующего распаковывания информации, ее интерпретации, заложенных в модель РЖ. Тексты жанров ЕППР, которые приводятся в качестве иллюстраций в тексте статьи: «студенческое граффити», «народные мемуары», «девичий альбом», «записка», «девичий дневник», – исследованы в рамках работы Сибирского лингвистического кружка (Барнаул – Кемерово). По результатам работы Сибирского кружка защищены кандидатские и докторские диссертации.

² Явление, которое в исследованиях определяется интуитивно, будем считать неизвестным, так как достоверность данных не контролируется методологическим способом, онтологически неуниверсально, поскольку неэкстраполируемо на совокупности изоморфных явлений.

³ Названия подходов вводятся для простоты восприятия условно.

⁴ Исследователь ориентируется на имя жанра, сформировавшееся в обыденном языке (беседа, рассказ, записка, письмо, чат и др.).

⁵ Трансформационно-опозиционный метод разрабатывается как продолжение дистрибутивных процедур и опирается на трансформационный метод З. Харриса в условиях жанровой конструкции. На настоящем этапе решается задача поиска элементарной единицы жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акулова Е. В., 2007. Речевой жанр «Объявление о знакомстве» как поле реализации культурно-специфичных и тендерных представлений // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 1. С. 113–117.
- Бахтин М. М., 1986. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. Изд. 2-е. М.: Искусство. С. 250–258.
- Бахтин М. М., 2000. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука. 337 с.
- Бузальская Е. В., 2015. Функции концепта в современном эссе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9, Язык и литература. Вып. 2. С. 76–84.
- Вежбицка А., 1997. Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж. Вып. 1. С. 99–112.
- Витгенштейн Л., 1994. Философские работы. М.: Гнозис. 612 с.
- Голев Н. Д., 2012. Внутренняя форма языковых единиц в составе парадигм, образуемых антиномиями «функциональное – генетическое», «внешнее – внутреннее», «отражательное – условное» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 19, ч. 2: Филология. С. 277–285.
- Голев Н. Д., 2016. Аспектирующие и синтезирующие (системные) подходы к изучению языковой личности // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. М.: Ленанд. С. 7–27.
- Головкин В. М., 2012. Герменевтика литературного жанра. М.: Флинта: Наука. 184 с.
- Дементьев В. В., 2010. Теория речевых жанров. М.: Знак. 600 с.
- Дементьев В. В., Фенина В. В., 2005. Когнитивная генерика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж. Вып. 4. С. 5–34.
- Зырянов О. В., 2003. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 548 с.
- Кантурова М. А., 2012. Деривационные процессы в системе речевых жанров: на примере речевого жанра кулинарного рецепта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 26 с.
- Кузьмина К. А., 2006. Структурные и языковые особенности проповеди как речевого жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 23 с.
- Лакофф Дж., 2004. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Яз. слав. культуры. 792 с.
- Лебедева Н. Б., 2001. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. № 1. С. 6–12.
- Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И., 2011. Жанры естественной письменной речи. Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: Красанд. 256 с.
- Лейдерман Н. Л., 2010. Теория жанра. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 900 с.
- Логунова Н. В., 2011. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI веков: эволюция жанра и художественного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 45 с.
- Мельчук И. А., 1974. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука. 315 с.
- Прохорова Л. П., 2012. Когнитивный механизм эволюции жанра сказки // Вестник Кемеровского государственного университета. № 4 (52), т. 4. С. 103–106.
- Салимовский В. А., 2002. Есть ли у жанроведения границы в пределах коммуникативной лингвистики // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж. Вып. 3. С. 52–56.
- Седов К. Ф., 2002. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж. Вып. 3. С. 40–52.
- Соссюр Ф. де, 1999. Курс общей лингвистики / под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 432 с.
- Тарасова И. А., 2007. Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание» инвариант и культурные трансформации // Жанры речи. Саратов: Наука. Вып. 5. С. 300–310.
- Тарасова И. А., 2018. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. № 2 (18). С. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>.
- Тырыгина В. А., 2007. Медиажанры в когнитивном освещении // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 58–69.
- Тырыгина В. А., 2008. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. М. 375 с.

- Тырыгина В. А., 2009. К основаниям жанра // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3 (11). С. 66–73.
- Тюкаева Н. И., 2005. Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 229 с.
- Тюкаева Н. И., 2019а. Моделирование речевого жанра: формально-функциональный аспект (на примере текстов естественной письменной русской речи) // Культура и текст. № 2 (37). С. 189–200.
- Тюкаева Н. И., 2019б. Обоснование принципов системного моделирования жанра (на примере текстов естественной письменной речи) // Культура и текст. № 3 (38). С. 189–198.
- Хомский Н., 1972. Язык и мышление / пер. с англ. Б. Ю. Городецкого. М. : Изд-во МГУ. 123 с.
- Черепанова И. С., 2010. Реализация смыслообразующей функции ключевого концепта в текстах разных жанров : художественный концепт (художественный концепт «Книга») : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 187 с.
- Шмелева Т. В., 1997. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Колледж. Вып. 2. С. 88–98.
- Эмер Ю. А., 2009. Фреймовая организация концепта «язык» в частушке // Вестник Томского государственного университета. № 327. С. 34–39.
- Paltridge B., 1997. Genre, Frame and Writing in Research Settings. Amsterdam : John Bennjamins Publishing. 186 p.
- Rosh E., 1983. Prototype Classification and Logical Classification: The Two Systems // New Trends in Conceptual Representation: Challenges to Piaget's Theory? / ed. by E. F. Scholnuck, E. K. Hillsdale. N. Y. : Lawrence Erlbaum Associates. P. 73–86.
- Spolsky E., 1993. Gaps in Nature: Literature Interpretation and the Modular Mind. Albany : SUNY Press. 247 p
- Swales J., 1990. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge : Cambridge University Press. 260 p.
- Bakhtin M.M., 1986. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 250-258.
- Bakhtin M.M., 2000. Avtor i geroy. *K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero. On the philosophical foundations of the humanities]. Saint Petersburg, Azbuka Publ. 337 p.
- Buzalskaya E.V., 2015. Funktsii kontsepta v sovremennom esse [Functions of the concept in modern essay]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Language and Literature], iss. 2, pp. 76-84.
- Vezhbicka A., 1997. Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* Saratov, Kolledzh Publ., iss. 1, pp. 99-112.
- Vitgenshteyn L., 1994. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Moscow, Gnozis Publ. 612 p.
- Golev N.D., 2012. Vnutrennyaya forma yazykovykh edinic v sostave paradigm, obrazuemyykh antinomiymi «funkcionalnoe – geneticheskoe», «vneshnee – vnutrennee», «otrazhatelnoe – uslovnoe» [The inner form of lingual units in paradigms formed by the antinomies “functional-genetic”, “outer-inner”, “reflective-relative”]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kulturu i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], no. 19, pt. 2, Filologiya, pp. 277-285.
- Golev N.D., 2016. Aspektiruyushchie i sinteziruyushchie (sistemnye) podhody k izucheniyu yazykovoy lichnosti [Aspecting and synthesizing (system) approaches to the study of language personality]. *Yazykovaya lichnost: modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya*. Moscow, Lenand Publ., iss. 2, pp. 7-27.
- Golovko V.M., 2012. *Germenevtika literaturnogo zhanra* [Hermeneutics of the literary genre]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 184 p.
- Dementev V.V., 2010. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ. 600 p.
- Dementev V.V., Fenina V.V., 2005. Kognitivnaya genristika: vnutrikulturnye rechezhanrovye tsennosti [Cognitive Genetica: speech and genre intra cultural values]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* Saratov, Kolledzh Publ., iss. 4, pp. 5-34.
- Zyryanov O.V., 2003. *Evolyutsiya zhanrovogo soznaniya russkoy liriki: fenomenologicheskii aspekt* [The evolution of the genre of consciousness of Russian poetry: a phenomenological aspect]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta. 548 p.

REFERENCES

Akulova E.V., 2007. Rechevoy zhanr «Obyavlenie o znakomstve» kak pole realizatsii kulturno-specifichnykh i tendernykh predstavleniy [The speech genre “Announcement of acquaintance” as a field for the implementation of cultural-specific and tender ideas]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 113-117.

- Kanturova M.A., 2012. *Derivatsionnyye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov: na primere rechevogo zhanra kulinarного retsepta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Derivational processes in the system of speech genres: on the example of the speech genre of a culinary recipe. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Novosibirsk. 26 p.
- Kuzmina K.A., 2006. *Strukturnyye i yazykovyye osobennosti propovedi kak rechevogo zhanra: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A concise dictionary of cognitive terms. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 23 p.
- Lakoff Dzh., 2004. *Zhenshchiny, ogon i opasnyye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire, and dangerous things. What do the categories of language tell us about thinking]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury. 792 p.
- Lebedeva N.B., 2001. *Estestvennaya pismennaya russkaya rech kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The Russian Naive written speech as the object of linguistic research]. *Vestnik Barnaulskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, no. 1, pp. 6-12.
- Lebedeva N.B., Zyryanova E.G., Plaksina N.Yu., Tyukaeva N.I., 2011. *Zhanry estestvenno pismennoy rechi. Studencheskoe graffiti, marginalnyye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska* [Genres of natural written speech. Student graffiti, marginal pages of notebooks, private note]. Moscow, Krasand Publ. 256 p.
- Leyderman N.L., 2010. *Teoriya zhanra* [Genre Theory]. Yekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiiy universitet. 900 p.
- Logunova N.V., 2011. *Russkaya epistolyarnaya proza XX – nachala XXI vekov: evolyuciya zhanra i hudozhestvennogo diskursa: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian Epistolary Prose of the XX – early XXI Centuries: the Evolution of Genre and Artistic Discourse. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 45 p.
- Melchuk I.A., 1974. *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl ↔ Tekst»* [Experience of the theory of linguistic models “Meaning ↔ Text”]. Moscow, Nauka Publ. 315 p.
- Prokhorova L.P., 2012. *Kognitivnyy mekhanizm evolyutsii zhanra skazki* [Cognitive mechanism of fairy tale genre evolution]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 4 (52), vol. 4, pp. 103-106.
- Salimovskiy V.A., 2002. *Est’ li u zhanrovedeniya granitsy v predelakh kommunikativnoy lingvistiki* [Does genre studies have boundaries within the limits of communicative linguistics]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* Saratov, Kolledzh Publ., iss. 3, pp. 52-56.
- Sedov K.F., 2002. *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevykh zhanrov* [Psycholinguistic aspects of the study of speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* Saratov, Kolledzh Publ., iss. 3, pp. 40-52.
- Sossyure F. de, 1999. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General linguistics]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta. 432 p.
- Tarasova I.A., 2007. *Kommunikativnaya model zhanra «poeticheskoe poslanie» invariant i kulturnyye transformatsii* [The communicative model of the genre “poetic message” invariant and cultural transformations]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* Saratov, Nauka, iss. 5, pp. 300-310.
- Tarasova I.A., 2018. *Zhanr v kognitivnoy perspektive* [Genre in cognitive perspective]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* Saratov, Kolledzh Publ., no. 2 (18), pp. 88-95. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>.
- Tyrygina V.A., 2007. *Mediazhanry v kognitivnom osveshchenii* [Media genres in cognitive lighting]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], no. 1, pp. 58-69.
- Tyrygina V.A., 2008. *Problema zhanra v massovo-informatsionnom diskurse: dis. ... d-ra filol. nauk* [The problem of genre in mass information discourse. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 375 p.
- Tyrygina V.A., 2009. *K osnovaniyam zhanra* [To the foundations of the genre]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki*, no. 3 (11), pp. 66-73.
- Tyukaeva N.I., 2005. *Studencheskoe graffiti kak zhanr estestvennoy pismennoy russkoy rechi: dis. ... kand. filol. nauk* [Student Graffiti as a Genre of Natural Written Russian Speech. Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul. 229 p.
- Tyukaeva N.I., 2019a. *Modelirovanie rechevogo zhanra: formalno-funktsionalnyy aspekt (na primere tekstov estestvennoy pismennoy russkoy rechi)* [Modeling of the Speech Genre: a Formal and Functional Aspect (using the Example of Natural Written Russian Speech Texts)]. *Kultura i tekst* [Culture and text], no. 2 (37), pp. 189-200.
- Tyukaeva N.I., 2019b. *Obosnovanie printsipov sistemnogo modelirovaniya zhanra (na primere tekstov estestvennoy pismennoy rechi)* [Substantiation of the principles of system modeling of the genre (on the example of natural written speech texts)]. *Kultura i tekst* [Culture and text], no. 3 (38), pp. 189-198.
- Homsky N., 1972. *Yazyk i myshlenie* [Language and thinking]. Moscow, Izd-vo MGU. 123 p.
- Cherepanova I.S., 2010. *Realizatsiya smysloobrazuyushchey funktsii klyuchevego kontsepta v tekstakh raznykh zhanrov:*

- hudozhestvennyy kontsept (hudozhestvennyy kontsept «Kniga»): dis. ... kand. filol. nauk* [Implementation of the meaning-forming function of the key concept in texts of different genres: artistic concept (artistic concept “Book”). Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 187 p.
- Shmeleva T.V., 1997. Model rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhany rech: sb. nauch. st.* Saratov, Kolledzh Publ., iss. 2, pp. 88-98.
- Emer Yu.A., 2009. Freymovaya organizatsiya kontsepta «yazyk» v chastushke [Frame structure of the concept “language” in the chastooshka]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 327, pp. 34-39.
- Paltridge B., 1997. *Genre, Frame and Writing in Reseach settings*. Amsterdam, John Bennjamins Publishing. 186 p.
- Rosh E., 1983. Prototype Classification and Logical Classification: The Two Systems. Scholnuck E.F., Hillsdale E.K., eds. *New Trends in Conceptual Representation: Challenges to Piaget’s Theory?* New York, Lawrence Erlbaum Associates, pp. 73-86.
- Spolsky E., 1993. *Gaps in Nature: Literature Interpretation and the Modular Mind*. Albany, SUNY Press. 247 p.
- Swales J., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press. 260 p.

Information About the Authors

Nadezhda I. Tyukaeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Altai State Pedagogical University, Prosp. Krasnoarmeysky, 101, 656031 Barnaul, Russia, tukaewa1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-0405>

Konstantin I. Brinev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Henan University, Renmin Avenue, 58, Kaifeng, China, brinevk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8824-594X>

Информация об авторах

Надежда Ивановна Тюкаева, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, Алтайский государственный педагогический университет, просп. Красноармейский, 101, 656031 г. Барнаул, Россия, tukaewa1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-0405>

Константин Иванович Бринеv, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Хэнаньский университет, ул. Реньмин, 58, г. Кайфын, Китай, brinevk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8824-594X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.10>

UDC 81'1:004.522
LBC 81.006

Submitted: 11.01.2021
Accepted: 11.02.2021

STREAM AS A NEW HYPERMEDIA GENRE

Aleksey V. Bolotnov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Abstract. The relevance of the study is due to changes in media culture evoked by new technologies that stimulate the emergence of a new hypertext genre-stylistic reality. The article examines a new media phenomenon – stream. The stream is considered as public communicative flow that takes place in real time and includes text, as well as video and audio content, organized by the streamer (the author) – information and media personality with the active involvement of other media participants of different types; it is implemented in live Internet broadcasting; it creates a variety of opportunities for any participant (from commenting, polling, to participation in action). The stream emerged from the instrumental-service approach to the development and comprehension of various relevant topics in the content presentation. The aim of the participants in this media process is self-expression and self-actualization, the incentive to be active and interact (from personal motives to socially significant ones). As a hypermedia genre it is considered on the material of media discourse “#daiDudya” with the participation of A.A. Venediktov, taking into account his linguistic and extralinguistic characteristics. The study of the stream as a new and insufficiently investigated phenomenon of modern media communication, the development of a methodology for its analysis are of interest for communicative and cognitive linguistics, media linguistics, sociology, psychology, discourse, and cultural linguistics.

Key words: stream, streaming, media communication, speech genre, hypermedia genre.

Citation. Bolotnov A.V. Stream as a New Hypermedia Genre. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 111-120. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.10>

УДК 81'1:004.522
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 11.01.2021
Дата принятия статьи: 11.02.2021

СТРИМ КАК НОВЫЙ ГИПЕРМЕДИАЖАНР

Алексей Владимирович Болотнов

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена изменениями в медиакультуре в связи с новыми технологиями, стимулирующими появление новой гипертекстовой жанрово-стилистической реальности. В статье исследуется недавно возникший медийный феномен – стрим. Он представляет собой открытый коммуникативный поток, существующий в реальном времени, включающий текстовый, видео- и аудиоконтент, организованный информационно-медийной личностью стримера (автора) при активном участии других медийных личностей разных типов; реализуется в прямом интернет-вещании и трансляции, создает многообразие возможностей для любого участника (от комментирования, опроса до соучастия в действии). Стрим возник благодаря инструментально-сервисному подходу к освоению и осмыслению различных актуальных тем в представлении контента. Цель участников этого медиапроцесса – самовыражение и самоактуализация, побуждение к активности и взаимодействию (от личных мотивов до социально значимых). Как гипержанр стрим рассмотрен в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах на примере медиадискурса «#дайДудя» с участием А.А. Венедиктова. Исследование стрима как нового и недостаточно изученного феномена современной медиакommunikации, разработка методики его анализа представляются важными для коммуникативной и когнитивной лингвистики, медиалингвистики, социологии, психологии, дискурсологии, лингвокультурологии.

Ключевые слова: стрим, стриминг, медиакommunikация, речевой жанр, гипермедиажанр.

Цитирование. Болотнов А. В. Стрим как новый гипермедиажанр // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 111–120. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.10>

Введение

Новые информационные технологии в медиакommunikации, бурно развивающиеся в современном мире, определяют многообразие медиажанров, которые необходимо изучать. О внимании исследователей к современным медиажанрам и разным аспектам их рассмотрения можно судить по многообразию подходов к данному феномену, реализованных в работах: [Горошко, Полякова, 2015; Давлетшина, 2017; Ковалев, 2016; Корецкий, 2020; Финнадеева, 2008; и др.].

Лингвистов интересуют типология медиажанров [Горошко, Полякова, 2015; Ковалев, 2016], их анализ в когнитивном аспекте [Финнадеева, 2008], связь с традиционными жанрами [Вольф, 2020; Давлетшина, 2017; Корецкий, 2020], проблемы востребованности медиажанров в современных условиях [Колесниченко, 2019]. Особое внимание обращается на видеоблогинг [Дадаева, Сновальникова, 2019; Лущиков, Терских, 2018а; 2018б; Панюкова, 2018; Текутьева, 2016], который изучается в коммуникативном, культурологическом, социальном, экономическом аспектах. Так, «видеосторителлинг» рассматривают как формат, «удачное совмещение традиционных коммуникативных приемов и современных возможностей компьютерной визуализации» [Панюкова, 2018, с. 122]; видеоблогинг определяют как формат видеоконтента, «который сочетает в себе основные функции телевидения и интернет-пространства» [Лущиков, Терских, 2018б, с. 57]; проводится сравнительный анализ «сюжетных особенностей современного аудиовизуального контента как в его телевизионной форме, так и в формате видеоблогов» [Шестерина, 2020, с. 169].

Вместе с тем стрим как новый медиафеномен остается пока недостаточно исследованным, несмотря на интерес к нему специалистов разных областей знания. В имеющихся работах делается акцент на культуре соучастия в игровых стримах [Сергеева, Зиновьева, 2020]; стрим анализируется в социально-политическом аспекте в связи с его

ролью в солидаризации общества [Сирмаи, 2019]. В современных исследованиях стрим рассматривается в разных аспектах: социально-коммуникативном [Большева, 2018], жанровом (с точки зрения связи с традиционными журналистскими жанрами) [Вольф, 2020], финансово-экономическом (как способ заработка на игровых стримах) [Алимов, 2018].

Относительно природы и сущности стримов есть разные точки зрения. Игровые стримы, например, определяются как «паратекст, на фоне которого формируется оригинальный нарратив стримера, сопровождаемый репликами представителей зрительского сообщества», стримы трактуются «в качестве медийных публичных арен» [Сергеева, Зиновьева, 2020, с. 221]; стрим определяют как «прямой эфир (поток видео в реальном времени через мобильные устройства)» [Сирмаи, 2019, с. 271]. Как одну из «новых форм взаимодействия с аудиторией», «не только как процесс доставки пользователям мультимедийных потоков информации в режиме реального времени, но и в качестве социально-культурного феномена» рассматривает стрим М.Д. Большева [Большева, 2018, с. 159]. В качестве «монетизируемой досуговой практики» трактует игровой стрим А.А. Алимов [Алимов, 2018, с. 79]. О.А. Вольф соотносит стрим с традиционным журналистским жанром «прямой эфир» [Вольф, 2020, с. 70].

Таким образом, очевидно многообразие разных точек зрения на данный феномен. Целью статьи является определение статуса стрима как нового в массмедиа явления на основе комплексного подхода к нему и обобщения имеющихся научных данных.

Методика исследования

В качестве базового метода были использованы дискурс-анализ, а также метод комплексного описания, включающий приемы обобщения, интерпретации и классификации лингвистических и экстралингвистических фактов. В трактовке дискурс-анализа нам близка точка зрения В.Е. Чер-

нявской, которая полагает, что его первый этап включает собственно текстовый анализ, второй – собственно дискурсивный анализ, который «начинается с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, национально-культурных, прагматических и др. факторов» [Чернявская, 2003, с.71].

Результаты и обсуждение

Что такое стрим? Каков его коммуникативный, культурологический и лингвистический статус? Стрим можно определить как открытый коммуникативный поток, существующий в реальном времени, как персональный медиадискурс в действии, организованный личностью стримера при соучастии широкой неконтролируемой аудитории медийных личностей разных типов, чаще всего наблюдателей-комментаторов.

По характеру своего протекания данный коммуникативный поток является свободным, интерактивным, трендовым. В жанрово-стилевом отношении он определяется модой и индивидуальным стилем организатора, а также выбранной им тематической нишей, характеризуется прямым интернет-вещанием и трансляцией, создает многообразие возможностей для любого участника, который может задавать вопросы, комментировать, соучаствовать в действии.

Стрим возник благодаря инструментально-сервисному подходу к освоению и осмыслению различных актуальных тем в представлении контента. При этом формируется цепочка личных пристрастий и мнений, которая находит свое отражение в коммуникативном потоке. В стриме технологии визуализации и нарративные технологии (сторителлинг, эссеистика, публицистика, очерк и заметки) выходят на первый план. Цель участников этого процесса – самовыражение и самоактуализация, побуждение к активности и взаимодействию (от эгоистических форм до альтруистических и социально значимых) с аудиторией.

В широком смысле это диалоговый гипермедиажанр, сочетающий разные формы спонтанной беседы, в которую вовлекаются участники коммуникативного события на ос-

нове прямых трансляций на видеохостингах (Twitch, GoodGame, YouTube и др.).

Стрим возник и функционирует благодаря новым информационным технологиям и использованию специальных инструментов (программных возможностей различных платформ и сервисов: Livestream Vimeo, DaCast, StreamShark и др.). Это живой эфир, в котором каждый обычный человек может участвовать в спонтанной коммуникации со всеми, кто желает присоединиться к общению, кому интересна тема, заданная организатором: путешествия, кулинария, спорт, культура, политика и т. д. По-видимому, желание включиться в действие и соучастие лежит в основе популярности стриминга.

При подходе к стриму как к особой жанровой форме медиадискурса целесообразно рассмотреть его признаки с использованием модели речевого жанра, разработанной Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1997]. Модель включает следующие параметры: коммуникативную цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное (событийное) содержание, языковое воплощение. С этой точки зрения стрим характеризуется тем, что в образе *автора* (стримера) может выступать любой человек как информационно-медийная личность (см. подробнее о ней: [Болотнов, 2015а, с. 47–51]), готовая к самопрезентации и испытывающая потребность в ней; в роли *адресата* выступает широкая аудитория пользователей Интернета; *коммуникативная цель* стрима – выражение участниками себя, своей культуры и картины мира, системы ценностей, различных предпочтений в личных и/или альтруистических целях; *образ прошлого* связан с предыдущим дискурсом участников как продолжение начатого ранее диалога; *образ будущего* непредсказуем и зависит от интенций и действий участников; *диктумное (событийное) содержание* является разнообразным, отражающим тематические предпочтения и реальные действия участников медиакommunikации; *языковой контент* стрима отличается многообразием, полидискурсивностью, зависит от типа речевой культуры стримера и участников, их тезауруса и мотивов; наряду с языковым контентом, для стрима обязательен видео- и аудио-контент, фиксирующий в реальном времени

соучастие стримера и коллективного адресата. Стрим как гипермедиажанр может включать разные виды информационных, оценочных, перформативных, императивных жанров по типологии Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1997].

Стрим, таким образом, можно отнести к открытому диалогическому комплексному гипермедиажанру, который включает, кроме текстового, видео- и аудиоконтент, предполагает реальное соучастие автора и коллективного адресата, обусловлен технологическими возможностями медиа, представлен на специальных платформах и сервисах.

От подкаста стрим отличает, во-первых, живое общение в форме открытого интерактивного диалога, часто развлекательного, в интересах привлечения большой аудитории; во-вторых, функционально-сервисный подход: стрим возможен только благодаря техническим возможностям видеохостингов, платформ и их сервисам. Стриминговая деятельность как модное течение реализуется, например, на YouTube, в социальных сетях (ВКонтакте, Фейсбук, Инстаграм, Одноклассники). Стриминг отражает такие новые тенденции в области виртуального жанроведения, как синкретизм, конвергенция, мультимедийность.

Обратимся к анализу эмпирического материала. Переход к новому гипермедиажанру в режиме реального времени наблюдается, например, в медиадискурсе А.А. Венедиктова «#дайДудя» (Венедиктов, 2020). Это живое общение журналиста, главного редактора радио «Эхо Москвы», с теми, кто подключается к общению в чате на платформе YouTube. Медиакommunikация имеет свободный спонтанный характер с использованием разговорных конструкций и лексики разной стилистической маркированности не только в дискурсивных практиках информационно-медийных личностей наблюдателей, но и журналиста (о данном типе языковых личностей см.: [Болотнов, 2015а; 2016]).

Функционально-инструментальные возможности платформы YouTube позволяют не только видеть и слышать ведущего, но и видеть все записи чата во время эфира и упорядочивать комментарии, то есть собственно текстовая реальность доступна для изучения.

Наряду с книжной и межстилевой лексикой, в устном дискурсе А.А. Венедиктова в ситуации спонтанного общения используется разговорная и просторечная лексика: *порушены* (о договорах), *улетела* (исчезла) (о программе), *валите* (уходите), *латаем* (исправляем). Употребляются и разговорные синтаксические конструкции, свойственные свободному неподготовленному общению: *А вот смотрите...; А давайте посмотрим...; Вот Волгоград приветствует, Череповец приветствует...* Ведущий использует вопросно-ответные комплексы: *Как я могу оценить Зеленского? Его будет трясти... Тяжело ему, тяжело...; Будет ли интервью с Михаилом Горбачевым? Нет...*

Характеризуя особенности речи посетителей чата в данном формате, отметим, что их медиадискурс отличается еще большей свободой, включая сниженную лексику (ср.: *бухать, уважуха* и др.). В дискурсивных практиках, судя по общему чату, представлены разные элементарные речевые жанры: вопросы, предложения, советы, комментарии, оценки. Вопросы задаются на различные темы, как личные, так и социально-политические: *Не боитесь коронавируса на «Эхе»?; Вы поститесь?; Комментарии читаете после эфиров?; Будет ли интервью с М. Горбачевым?; Как вам политик Шнуров?; Как гарантировать добровольность голосования?* и др. Представлены иные жанровые формы (в примерах сохранена авторская орфография и пунктуация): приветствия (*Лада Красильникова Технологический институт! От студенток пламенный привет; Саша Дачник Алексей Алексеевич, приветствую из Самары*); предложения (*Нужна передача, которую вел бы подросток о политике*); советы (*Денис Сорокин Верните Барщевского в эфир!*); комментарии (*александр че мне кажется “коварный” и есть Алексей Алексеевич*); благодарность и оценка (*Спасибо за создание такого формата. Вы мой супергерой; Лучшая станция!*).

Что касается медиадискурса ведущего, в общении с посетителями чата он использует прямую и косвенную, реже несобственно-прямую речь. Из элементарных речевых жанров представлены: обращение (*Юрий, смотрите...; Минск, спасибо, скоро приеду!*);

ответы на вопросы (*Отвечу Алексу. Мы не разговаривали о ситуации в стране...*); комментарии (*Я очень хорошо и прекрасно знаю о дебатах, которые вела Екатерина Шульман и Борис Акунин; Общаюсь я с людьми, а это уроды...*); советы (*Секрет успешности – быть целеустремленным и любопытным*); прощание (*Всем пока и до новых встреч!*); оценки в ответах на вопросы (на вопрос в чате *Владислав Погонин* ваше отношение к *Невзорову* последовал ответ ведущего: *Я с удовольствием его слушаю. С удовольствием его читаю, когда есть возможность...*).

В целом данный формат общения позволил собрать огромное количество участников из разных городов, регионов, стран – тех, кому интересен ведущий (стример). При этом в ходе общения А.А. Венедиктов обращался к звукорежиссеру с репликами, попутно комментируя очередные вопросы из общего чата, то есть общение сопровождалось действиями в режиме реального времени, которые представлены в записи на YouTube.

Сравнение данного медиадискурса журналиста и главного редактора «Эхо Москвы» (Венедиктов, 2020) с другим медиадискурсом, который был спустя несколько месяцев, в январе 2021 г. (Венедиктов, 2021), показало, что число участников общего чата увеличилось, как и число комментариев (с 137 до 180) и просмотров (с 72 032 до 83 266). Это позволяет сделать вывод о большой популярности данного формата, что во многом связано с личностью ведущего, выступающего в роли стримера.

Стрим как коммуникативный поток приобрел новую текстовую реальность с доминированием вторичных и третичных текстов как реакций на первичные и вторичные тексты (см. о них: [Болотнов, 2015б]) в связи с подключением новых пользователей к разговору и возвратом к ранее затронутым темам. Об этом можно судить по актуальной для информационно-медийных личностей наблюдателей тематике. Она связана, в частности, с законом, позволившим организовать акцию «Круг добра» после указа президента, о котором сообщил А.А. Венедиктов, начиная интерактивную встречу после Нового года: *Вторая удача – Путин подписал указ, который*

позволит получать деньги для детишек, больных тяжелыми болезнями.

Другая тема, вызвавшая большой интерес слушателей и зрителей, откликнувшихся на нее серией вопросов и суждений, связана с оценками поведения президентов Д. Трампа, В.В. Путина, М.С. Горбачева, А.Г. Лукашенко: об истинности и ложности их суждений по поводу актуальных событий, о необходимости принимать сложные решения и об ответственности за это. Вместе с тем данная тема в рамках общего медиадискурса поднималась неоднократно на фоне массы других вопросов, не связанных с ней. Стимулом к последующему разговору послужил ответ А.А. Венедиктова на вопрос *Вы уважаете Трампа?*. Ответ *Хороший вопрос. Есть за что уважать...* с аргументацией и продолжением о том, чем Трамп вызвал неуважение: *...он лжец, он не стесняется лгать, говорить неправду* – и с конкретным примером этого относительно результатов голосования стимулировал реакцию в общем чате. В третичных текстах (вопросах и суждениях участников) тема была продолжена: *У меня спрашивают про уважение к Путину...* (далее следует рассуждение и личная оценка журналиста, последующее сравнение с Трампом и возврат к теме поведения президентов в связи с новыми вопросами из чата о Лукашенко и Горбачеве относительно принимаемых ими трудных решений в сложных ситуациях).

Очевидно, слушателей и зрителей привлекла не только тема и искренность журналиста, выступающего в роли стримера, но и его особый взгляд на вещи (ср., например, его суждения: *Соврал – это когда лжешь по поводу фактов... Политика – дело гибкое*).

Повтор отдельных тем, вызвавших особый интерес участников, отмечается на фоне массы других самых разных вопросов, включая личные (*В чем ваши разногласия с Леонидом Парфеновым?*; *Пользовались ли вы своим положением для себя?* и др.), поступающих по мере включения участников в коммуникативный поток.

В жанровом отношении данная медиакommunikация не слишком отличается от ранее рассмотренного стрима. Здесь используются те же жанры, к которым добавляются некоторые другие, например: приветствия и поздрав-

ления (*Ну что, всем добрый день! Всех поздравляю с праздниками, которые были и будут!*); ответы и комментарии как стримера, так и наблюдателей-свидетелей (*Чат – это междусобойчик...*); побуждение к действию (*Представьте, Вам надо принять решение... Правильное или неправильное...*); шутка (на вопрос *А Венедиктов хороший человек?* следует ответ *Венедиктов не хороший человек, а очень хороший человек!*); оценка (*Очень хороший проект...* (о проекте «Мой район» на радио «Эхо Москвы»)) и др.

Таким образом, стрим как новый формат медиакommunikации приобретает своих сторонников и отражает новые тенденции, связанные с популярностью интерактивного полидискурсивного общения, которое интересно и стримеру, и аудитории.

Заключение

Внимание к стриму как новому медийному феномену можно объяснить дауншифтингом, усталостью информационно-медийных личностей от виртуальной реальности, желанием включиться в реальное действие, в живое общение благодаря различным технологическим возможностям популярных платформ и сервисов (см. о дауншифтинге в статье: [Москвин, Полуян, Кушова, 2017]).

Стрим может быть рассмотрен как особый формат медиаобщения, как языковой, культурный, коммуникативный, социальный, экономический феномен, отражающий определенный этап общей и речевой культуры современного общества и этап его технологического развития.

Как комплексный гипермедиажанр стрим включает, кроме текстового, видео- и аудио-контент, предполагает реальное соучастие автора и коллективного адресата, обусловлен технологическими возможностями медиа, представлен на специальных платформах и сервисах. Языковой контент стрима определяется типом речевой культуры стримера и его коллективного адресата, их информационным тезаурусом, вкусовыми и тематическими предпочтениями, целями и мотивами.

Дальнейшее изучение стриминга и разработка методики его анализа перспективны для коммуникативной и когнитивной лингвистики,

медиалингвистики, социологии, психологии, дискурсологии, лингвокультурологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимов А. А., 2018. Как хобби становится в креативной экономике работой // Экономическая социология. Т. 19, № 3. С. 79–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-hobbi-stanovitsya-v-kreativnoy-ekonomike-rabotoy> (дата обращения: 04.01.2021).
- Болотнов А. В., 2015а. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ЦНТИ. 274 с.
- Болотнов А. В., 2015б. Третичные медиатексты как отражение информационного эха // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 6 (156). С. 138–142.
- Болотнов А. В., 2016. Информационно-медийная языковая личность наблюдателя (свидетеля) и ее дискурсивные практики // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 11 (176). С. 35–41.
- Большачева М. Д., 2018. Стриминговое вещание как феномен современной медиасреды // Коммуникология. Т. 6, № 4. С. 159–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strimingovoe-veschanie-kak-fenomen-sovremennoy-mediasredy> (дата обращения: 04.01.2021).
- Вольф О. А., 2020. Традиции журналистских жанров в новых медиа (на примере прямого эфира, рекомендации и эксперимента) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. № 2. С. 68–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-zhurnalistskih-zhanrov-v-novyh-media-na-primere-priyomogo-efira-rekomendatsii-i-eksperimenta> (дата обращения: 04.01.2021).
- Горошко Е. И., Полякова Т. Л., 2015. К построению типологии жанров социальных медиа // Жанры речи. № 2 (12). С. 119–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-postroeniyyu-tipologii-zhanrov-sotsialnyh-mediy-1> (дата обращения: 04.01.2021).
- Давлетшина С. Р., 2017. «Новые медиа» и тенденции развития мультимедийных жанров // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 2 (25). С. 86–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyie-media-i-tendentsii-razvitiya-multimediynyh-zhanrov> (дата обращения: 04.01.2021).
- Дадаева Т. М., Сновальникова У. А., 2019. Отражение социальных проблем в новых медиа (на при-

- мере видеоблога YouTube-канала TrashSmash) // Огарёв-Online. № 9 (130). С. 1–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-sotsialnyh-problem-v-novyh-media-na-primere-videobloga-youtube-kanala-trashsmash> (дата обращения: 04.01.2021).
- Ковалев Л. А., 2016. Игровые форматы медиа: типы и жанры // Журналистский ежегодник. № 5. С. 96–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovye-formaty-media-tipy-i-zhanry> (дата обращения: 04.01.2021).
- Колесниченко А. В., 2019. Востребованность жанров журналистских текстов аудиторией онлайн-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. № 3. С. 3–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostrebovannost-zhanrov-zhurnalistskih-tekstov-auditoriei-onlaynovykh-media> (дата обращения: 04.01.2021).
- Корецкий М. Д., 2020. Трансформация телевизионных жанров на площадке YouTube на примере деятельности Алексея Пивоварова // Медиасреда. № 1. С. 41–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-televizionnykh-zhanrov-na-ploschadke-youtubena-primere-deyatelnosti-alekseya-pivovarova> (дата обращения: 04.01.2021).
- Лушиков В. А., Терских М. В., 2018а. Видеоблогинг как инструмент социальной коммуникации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. Т. 4, № 13. С. 47–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videobloging-kak-instrument-sotsialnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 04.01.2021).
- Лушиков В. А., Терских М. В., 2018б. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. № 14. С. 57–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-tematicheskie-i-yazykovye-osobennosti-videoblogov> (дата обращения: 04.01.2021).
- Москвин А. С., Полуян Н. Н., Кушова И. А., 2017. Современная молодежная среда: виртуальный дауншифтинг в повседневной деятельности (на примере молодежи г. Кирова) // Теория и практика общественного развития. № 8. С. 1–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-molodezhnaya-sreda-virtualnyy-daunshifting-v-povsednevnoy-deyatelnosti-na-primere-molodezhi-g-kirova> (дата обращения: 04.01.2021).
- Панюкова С. А., 2018. Научно-популярный сторителлинг на YouTube-канале // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 1. С. 122–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-populyarnyy-storitelling-na-youtube-kanale> (дата обращения: 04.01.2021).
- Сергеева О. В., Зиновьева Н. А., 2020. Публичные арены игровых стримов (на примере репрезентации темы коронавируса) // Социология власти. Т. 32, № 3. С. 221–241. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-areny-igrovyyh-strimov-na-primere-reprezentatsii-temy-koronavirusa> (дата обращения: 04.01.2021).
- Сирмаи Э., 2019. «Много здесь, кто в стриме...». Распространение социальных медиа и девальвация основных средств массовой информации в Венгрии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 270–299. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogo-zdes-kto-v-strime-rasprostranenie-sotsialnykh-media-i-devalvatsiya-osnovnykh-sredstv-massovoy-informatsii-v-vengrii> (дата обращения: 04.01.2021).
- Текутьева И. А., 2016. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиасреда. № 11. С. 107–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-tematicheskaya-klassifikatsiya-videobloginga> (дата обращения: 04.01.2021).
- Финадеева М. В., 2008. Медиа-жанр: предпосылки когнитивного подхода // Мир науки, культуры, образования. № 2. С. 62–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/media-zhanr-predposylki-kognitivnogo-podhoda> (дата обращения: 04.01.2021).
- Чернявская В. Е., 2003. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа // Филологические науки. № 3. С. 68–76.
- Шестерина А. М., 2020. Модификация архетипических сюжетов в современных аудиовизуальных медиа // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. № 2. С. 169–177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modifikatsiya-arhetipicheskikh-syuzhetov-v-sovremennyh-audiovizualnykh-media> (дата обращения: 04.01.2021).
- Шмелева Т. В., 1997. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов : Гос. учеб.-науч. центр «Колледж». С. 88–98.

ИСТОЧНИКИ

- Венедиктов, 2020* – Венедиктов А. А. «#дайДудя». 04.03.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=58Gx3crFwKU> (дата обращения: 10.01.2021).
- Венедиктов, 2021* – Венедиктов А. А. «#дайДудя». 06.01.2021. URL: <https://www.youtube.com/>

watch?v=8ksikIeyWG0 (дата обращения: 10.01.2021).

REFERENCES

- Alimov A.A., 2018. Kak khobbi stanovitsya v kreativnoy ekonomike rabotoy [How a hobby becomes a job in the creative economy]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology], vol. 19, no. 3, pp. 79-105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-hobbi-stanovitsya-v-kreativnoy-ekonomike-rabotoy> (accessed 4 January 2021).
- Bolotnov A.V., 2015a. *Tekstovaya deyatel'nost kak otrazhenie kommunikativnogo i kognitivnogo stiley informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti* [Textual activity of informational and media language personality as a reflection of its communicative and cognitive styles]. Tomsk, Tomsk CNTI Publ. 274 p.
- Bolotnov A.V., 2015b. Tretichnye mediateksty kak otrazhenie informatsionnogo ekha [Tertiary media texts as a reflection of information echo]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk state pedagogical university bulletin], iss. 6 (156), pp. 138-142.
- Bolotnov A.V., 2016. Informatsionno-mediynaya yazykovaya lichnost nablyudatelya (svidetelya) i ee diskursivnye praktiki [Information and media linguistic personality of the observer (witness) and its discursive practices]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk state pedagogical university bulletin], iss. 11 (176), pp. 35-41.
- Bolycheva M.D., 2018. Strimingovoe veshchanie kak fenomen sovremennoy mediasredy [Streaming broadcasting as a phenomenon of the modern media environment]. *Kommunikologiya* [Communicology], vol. 6, no. 4, pp. 159-169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strimingovoe-veshanie-kak-fenomen-sovremennoy-mediasredy> (accessed 4 January 2021).
- Volf O.A., 2020. Traditsii zhurnalistskikh zhanrov v novykh media (na primere pryamogo efira, rekomendatsii i eksperimenta) [Traditions of journalistic genres in new media (on the example of live broadcast, recommendations and experiment)]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Kafanova*, no. 2, pp. 68-72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-zhurnalistskikh-zhanrov-v-novykh-media-na-primere-pyamogo-efira-rekomendatsii-i-eksperimenta> (accessed 4 January 2021).
- Goroshko E.I., Polyakova T.L., 2015. K postroeniyu tipologii zhanrov socialnykh media [Towards a typology of social media genres]. *Zhanry rechi* [Speech genres], no. 2 (12), pp. 119-127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-postroeniyu-tipologii-zhanrov-sotsialnyh-mediy-1> (accessed 4 January 2021).
- Davletshina S.R., 2017. «Novye media» i tendentsii razvitiya multimediynykh zhanrov [“New media” and trends in the development of multimedia genres]. *Aktualnye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual problems of modern philology and journalism], no. 2 (25), pp. 86-92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media-i-tendentsii-razvitiya-multimediynykh-zhanrov> (accessed 4 January 2021).
- Dadaeva T.M., Snovalnikova U.A., 2019. Otrazhenie socialnykh problem v novykh media (na primere videobloga YouTube-kanala TrashSmash) [Reflection of social problems in new media (for example, the video blog of the YouTube channel TrashSmash)]. *Ogaryov-Online*, no. 9 (130), pp. 1-9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-sotsialnykh-problem-v-novykh-media-na-primere-videobloga-youtube-kanala-trashsmash> (accessed 4 January 2021).
- Kovalev L.A., 2016. Igrovye formaty media: tipy i zhanry [Game media formats: types and genres]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik* [Journalistic Yearbook], no. 5, pp. 96-97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovye-formaty-media-tipy-i-zhanry> (accessed 4 January 2021).
- Kolesnichenko A.V., 2019. Vostrebovannost zhanrov zhurnalistskikh tekstov auditoriey onlaynovykh media [Demand for genres of journalistic texts by the audience of online media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 3, pp. 3-22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostrebovannost-zhanrov-zhurnalistskikh-tekstov-auditoriey-onlaynovykh-media> (accessed 4 January 2021).
- Koreckiy M.D., 2020. Transformatsiya televizionnykh zhanrov na ploshchadke YouTube na primere deyatel'nosti Alekseya Pivovarova [Transformation of TV genres on the YouTube site on the example of the activities of Alexei Pivovarov]. *Mediasreda* [Media sphere], no. 1, pp. 41-44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-televizionnykh-zhanrov-na-ploshchadke-youtube-na-primere-deyatelnosti-alekseya-pivovarova> (accessed 4 January 2021).
- Lushchikov V.A., Terskikh M.V., 2018a. Videoblogging kak instrument socialnoy kommunikatsii [Video blogging as a tool of social communication]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Tambov University Review. Series Social Sciences], vol. 4, no. 13,

- pp. 47-56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoblogging-kak-instrument-sotsialnoy-kommunikatsii> (accessed 4 January 2021).
- Lushchikov V.A., Terskikh M.V., 2018b. Zhanrovo-tematicheskie i yazykovye osobennosti videoblogov [Genre-thematic and linguistic features of video blogs]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Tambov University Review. Series Social Sciences], no. 14, pp. 57-75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-tematicheskie-i-yazykovye-osobennosti-videoblogov> (accessed 4 January 2021).
- Moskvin A.S., Poluyan N.N., Kushova I.A., 2017. Sovremennaya molodezhnaya sreda: virtualnyy daunshifting v povsednevnoy deyatelnosti (na primere molodezhi g. Kirova) [Modern youth environment: virtual downshifting in everyday activities (on the example of young people in Kirov)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], no. 8, pp. 1-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-molodezhnaya-sreda-virtualnyy-daunshifting-v-povsednevnoy-deyatelnosti-na-primere-molodezhi-g-kirova> (accessed 4 January 2021).
- Panyukova S.A., 2018. Nauchno-populyarnyy storitelling na YouTube-kanale [Popular science storytelling on the YouTube channel]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: the problem field of media education], no. 1, pp. 122-127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-populyarnyy-storitelling-na-youtube-kanale> (accessed 4 January 2021).
- Sergeeva O.V., Zinoveva N.A., 2020. Publichnye areny igrovyykh strimov (na primere reprezentatsii temy koronavirusa) [Public arenas of game streams (on the example of the representation of the coronavirus theme)]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], vol. 32, no. 3, pp. 221-241. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-areny-igrovyykh-strimov-na-primere-representatsii-temy-koronavirusa> (accessed 4 January 2021).
- Szirmai E., 2019. «Mnogo zdes, kto v strime...». Rasprostranenie sotsialnykh media i devalvatsiya osnovnykh sredstv massovoy informatsii v Vengrii [“Many are live round here.” The spread of social media and the devaluation of mainstream media in Hungary]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], no. 5, pp. 270-299. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogo-zdes-kto-v-strime-rasprostranenie-sotsialnykh-media-i-devalvatsiya-osnovnykh-sredstv-massovoy-informatsii-v-vengrii> (accessed 4 January 2021).
- Tekuteva I.A., 2016. Zhanrovo-tematicheskaya klassifikatsiya videobloginga [Genre-thematic classification of video blogging]. *Mediasreda* [Media sphere], no. 11, pp. 107-113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-tematicheskaya-klassifikatsiya-videobloginga> (accessed 4 January 2021).
- Finadeeva M.V., 2008. Media-zhanr: predposylki kognitivnogo podkhoda [Media genre: preconditions of the cognitive approach]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], no. 2, pp. 62-66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/media-zhanr-predposylki-kognitivnogo-podhoda> (accessed 4 January 2021).
- Chernyavskaya V.E., 2003. Ot analiza teksta k analizu diskursa: nemetskaya shkola diskursivnogo analiza [From text analysis to discourse analysis: the German school of discourse analysis]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], no. 3, pp. 68-76.
- Shesterina A.M., 2020. Modifikatsiya arkhетipicheskikh syuzhetov v sovremennykh audiovizualnykh media [Modification of archetypal plots in modern audiovisual media]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya* [Issues in Journalism, Education, Linguistics], no. 2, pp. 169-177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modifikatsiya-arhetipicheskikh-syuzhetov-v-sovremennykh-audiovizualnykh-media> (accessed 4 January 2021).
- Shmeleva T.V., 1997. Model rechevogo zhanra [Speech genre model]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov, Gosudarstvennyy uchebno-nauchnyy tsentr “Kolledzh”, pp. 88-98.

SOURCES

- Venediktov A.A. «#dayDudya». 04.03.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=58Gx3crFwKU> (accessed 10 January 2021).
- Venediktov A.A. «#dayDudya». 06.01.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8ksikleyWG0> (accessed 10 January 2021).

Information About the Author

Aleksey V. Bolotnov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian language, Tomsk State Pedagogical University, Kievskaya St, 60, 634061 Tomsk, Russia, _avb_@sidmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7442-9115>

Информация об авторе

Алексей Владимирович Болотнов, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Томский государственный педагогический университет, ул. Киевская, 60, 634061 г. Томск, Россия, _avb_@sidmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7442-9115>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.11>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 26.11.2020
Accepted: 12.01.2021

NEWS TEXT: GENRE TRANSFORMATION

Yana A. Volkova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Nadezhda N. Panchenko

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers a news text as a secondary type of text where news content undergoes modifications as a result of humorous interpretation. New trends in media coverage, which lead to a change in its format and linguistic content, are analyzed. The creation of a secondary news text / genre is shown as performed through transforming the main (primary) news text. The secondary media text belongs to the comic picture of the world, the modeling of which becomes possible due to various means of the comic which fulfill social-critical, aesthetic and entertainment functions. The empirical material of the study comprises 530 news texts telecast at the beginning of the program "Evening Urgant" on Channel One in 2017–2020. The identified mechanism of news transformation includes the use of irony, sarcasm, comic exaggeration and understatement, references to precedent phenomena, the techniques of allegory, comic dissonance and comic surprise, comic exposure, etc. The analysis of the news transformation mechanism revealed a reduction in the primary news component with a simultaneous "build-up" of a pragmatic component through the use of various means and techniques of the comic. This leads to the construction of a secondary news text, which, in turn, is characterized by a recombined semantic content and subjective interpretation of the primary news piece.

Key words: media text, news text, secondary text, transformation mechanism, comic.

Citation. Volkova Ya.A., Panchenko N.N. News Text: Genre Transformation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 121-132. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.11>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 26.11.2020
Дата принятия статьи: 12.01.2021

НОВОСТНОЙ ТЕКСТ: ЖАНРОВОЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Яна Александровна Волкова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Надежда Николаевна Панченко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматривается новостной текст как вторичный тип текста, новостной контент в котором претерпевает модификации в результате юмористической интерпретации. Анализируются новые тенденции освещения медиановости, приводящие к изменению ее формата и языкового наполнения. Установлено, что создание вторичного новостного текста / жанра осуществляется путем трансформации основного (первичного) новостного текста. Показано, что особенность вторичного медиатекста состоит в его принадлежности к комической картине мира, моделирование которой становится возможным благодаря различным средствам комического, реализующим социально-критические, эстетические и развлекательные функции. Эмпирическим материалом исследования послужили 530 текстов новостной рубрики, транслируемой в начале передачи Первого канала «Вечерний Ургант» (2017–2020 гг.). Выявленный механизм новостной трансформации включает использование иронии, сарказма, комического преувеличения и преуменьшения,

приемов иносказания, комического несоответствия и комической неожиданности, разоблачения, отсылки к прецедентным феноменам. Новостная трансформация способствует редуцированию первичного новостного компонента при одновременном «наращивании» прагматического компонента через использование различных средств и приемов комического, что приводит к конструированию вторичного новостного текста, который характеризуется рекомбинированным смысловым содержанием и субъективной интерпретацией первичной новости.

Ключевые слова: медиатекст, новостной текст, вторичный текст, механизм трансформации, комическое.

Цитирование. Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Новостной текст: жанровое перевоплощение // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 121–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.11>

Введение

В последние годы особую привлекательность для лингвистического изучения приобрели медиатексты, их жанровое своеобразие и закономерности процесса порождения. Интерес этот легко объясним. С одной стороны, медийный дискурс, ориентированный на создание информационно-текстовой среды и трансляцию новостей для массовой аудитории, всегда был, есть и будет социально значимым для любой лингвокультуры. С другой стороны, в настоящее время благодаря интерактивным возможностям отражения объективной реальности, глобальности интернет-пространства он приобретает особую актуальность, а многообразие типов текстов, продуцируемых современными средствами массовой коммуникации, и изменение форм презентации информации подогревают исследовательское любопытство и стремление ученых систематизировать разнообразие по структуре и объему медиажанры.

Последние, как известно, позволяют судить об уровне развития общества, его потребностях и ожиданиях; образование жанров массмедиа определяется информационными запросами и коммуникативными интересами аудитории. Выработка новых жанровых моделей и типов медиатекстов далеко не всегда обусловлена стремлением к наиболее адекватному и достоверному отражению фактов, а в большинстве случаев направлена на удовлетворение ожиданий, потребностей и эмоциональных запросов массового адресата медийного дискурса. К подобным потребностям и ожиданиям массмедийной аудитории относится получение «легкого» – досугового, развлекательного, в том числе юмористического, – контента.

Цель данной статьи – охарактеризовать новостные тексты как вторичные типы текстов, новостной контент в которых претерпевает определенные модификации в результате юмористической интерпретации.

Материал и методы

Исследование развивает положения одного из актуальных направлений лингвистики – текстолингвистики, опирается на научные изыскания отечественных специалистов в области теории вторичного текста [Вербицкая, 2000; Ионова, 2006; Полубитченко, 2017; и др.] и теории комического [Бахтин, 1997; Истомина, 2015; Палкевич, 2003; Попченко, 2005; и др.].

Медиатексты в последнее время претерпевают существенные изменения. В медиainдустрии, включающей телевизионное, радио- и интернет-пространство, очевидна тенденция к трансформации и гибридизации жанров медиапродуктов. Нельзя не согласиться с А.Г. Пастуховым, утверждающим, что «медиафера становится инновационной площадкой и одновременно сферой влияния, в которой на фоне глобализационных процессов происходят изменения их типологических характеристик: взаимодействие и взаимовлияние, развитие новых типов и жанров медиа, использование развлекательных форм в журналистике, ориентация на специфическую аудиторию или субкультуру и т. п.» [Пастухов, 2012, с. 183]. Не ставя своей целью систематизацию разнообразных по структуре и объему медиатекстов (см. обзор существующих классификаций: [Распопова, 2012]), охарактеризуем современные тенденции, наблюдаемые в массмедиа в общем и наиболее отчетливо заметные в информационных медиапродуктах, включая новостные произведения, в частности.

Прежде всего обратим внимание на то, что традиционные жанры общественно-политического вещания зачастую утрачивают признаки «качественности», приобретают признаки «желтизны» [Вартанова, Смирнов, 2009], а серьезные новостные, аналитические программы уступают место «легкому» (игровому / зрелищному / юмористическому) контенту, лишенному социальной значимости.

Причинами для подобного замещения и постепенного смещения акцента с информативности на «досуговость» и развлекательность становятся процессы, происходящие в обществе и общественном сознании и влекущие за собой: а) снижение популярности информационных программ; б) уменьшение доли официальных новостей и увеличение количества известий о социальной и культурной жизни; в) изменение всей информационной среды, склонность современного телевидения к фрагментарному отражению действительности, поверхностности освещения событий [Евдокимов, 2010; Пастухов, 2012]. Помимо этого, условием возникновения гибридных информационно-развлекательных медиапродуктов выступает коммерциализация и конкуренция СМИ за привлечение внимания аудитории.

Информирование как основная прагматическая задача новостного текста осуществляется при реализации трех взаимосвязанных категорий – точности (высокой степени релевантности отражения события), достоверности (подлинности события, подтвержденной заслуживающими доверия источниками) и аттрактивности (привлекательной формы подачи материала) (см. об этом: [Мельникова, 2014]). В соответствии с современными тенденциями прямое отражение реальности становится непривлекательным и невостребованным, в результате чего соотношение категорий точности, достоверности и аттрактивности утрачивает сбалансированность – на первый план выдвигается аттрактивность, повышающая интерес массовой аудитории к событию в ущерб точности и достоверности. В угоду аттрактивности меняются и способы информирования: внимание потребителей новостей концентрируется на увлекательных подробностях и будоражащих деталях, усиливающих драматизм восприятия.

Нельзя не принимать во внимание фактор медиановостной субъективности, обусловленной двумя основными причинами. Во-первых, осуществляется селекция новостного потока (игнорирование одних и фиксация / тиражирование других новостей): попадание в список «новостных» факторов, согласно А.Г. Пастухову, вызывает к жизни активизацию таких факторов, как конфликт / контроверза, агрессия, насилие, персонализация, эмоции, эротика / секс, негативизм и др. [Пастухов, 2016, с. 64]. Во-вторых, субъективность новостного контента порождается индивидуальным восприятием и личностным вкладом журналиста в обработку новости. Не лишено оснований утверждение, что «знание технологий (сбора фактов, их обработки, изложения и т. д.) представляет собой лишь инструментальную схему воплощения творческого потенциала создателя медиатекста» [Ерофеева, 2014, с. 87]. Уместно в этой связи вспомнить журналистское клише «делаю новость».

Перечисленные факторы, объясняющие происходящие сегодня в новостном тексте изменения, имеют в большинстве случаев непреднамеренный, социально обусловленный характер.

Иначе обстоит дело с намеренной стратегией представления новостей, связанной с «перенастройкой» формата и ориентацией на определенную целевую аудиторию, с сознательным привнесением коннотаций, трансформирующих исходный новостной контент и подвергающих его различным преобразованиям и интерпретациям. В связи с этим возникает вопрос о том, создается ли в данном случае текст принципиально нового типа или вторичный медиатекст как результат когнитивной модификации первичной новостной информации.

Для того чтобы установить место рассматриваемого вида медиановостей в общей типологии текстов, необходимо обратиться к положениям теории вторичных текстов, изложенным в работах исследователей (см., например: [Вербицкая, 2000; Ионова, 2006; Полубитченко, 2017; и др.]).

В последние десятилетия лингвистика существенно расширила границы понятия «вторичности» текста. Основным критери-

ем «вторичности» является принцип презентации реальной или воображаемой ситуации через отражение информационной структуры первичного текста [Агранович, 2006, с. 4]. Данное понимание существенно отличается от претерпевшего изменения в современных интерпретациях бахтинского представления о вторичности как о двояко-направленном слове (на предмет речи и на чужую речь), но не противоречит ему. В работах Л.М. Майдановой важнейшим критерием вторичности текста выступает замещение интенции текста-основы другой интенцией, что приводит к смене субъекта деятельности [Майданова, 1994]. М.В. Вербицкая, рассматривая вторичные тексты как специфическую форму «осмысления художественного опыта», особо выделяет их функцию «утверждения своих собственных эстетических позиций» и «идеологическую нагрузку», которую они несут, акцентируя внимание на стилистической вторичности [Вербицкая, 2000]. С.В. Ионова определяет вторичный текст как «интертекстуальное явление парадигматического типа, образующееся путем преобразования текста-основы» [Ионова, 2006, с. 156], которым может послужить фактически любой текст, часть текста или совокупность текстов. Таким образом, специфика как порождения, так и интерпретации вторичного текста зависит от специфики порождения и интерпретации текста-прототипа, несмотря на то, что коммуникативная и функциональная направленность вторичного текста может существенно отличаться от соответствующей направленности первичного текста.

Механизм построения вторичных текстов достаточно подробно изучен на примере текстов различных жанров (см.: [Александрова, 2012; Вербицкая, 2000; Гаврикова, 2013; Ионова, 2006; и др.]), поскольку данный вопрос, несомненно, один из ключевых при установлении критериев первичности vs вторичности текста. Одной из первых работ, в которых подробно рассматривается вопрос порождения вторичного текста, является исследование А.И. Новикова и Н.Л. Сунцовой. В качестве механизма порождения первичного текста они выделяют авторский замысел, основой которого, в свою очередь,

выступает взаимодействие интенции, мотива, коммуникативной задачи и темы-понятия. Соответствие текста замыслу автора определяет уникальность первичного текста [Новиков, Сунцова, 1999]. Вторичный же текст, как показано Н.М. Нестеровой, Ю.К. Поповой, отличается именно несамостоятельностью замысла, или смысловая несамостоятельность [Нестерова, Попова, 2017, с. 58], что так или иначе отражено во всех вышеупомянутых концепциях. Например, С.В. Ионовой представлены две основные модели порождения вторичных текстов, первая из которых базируется на построении ментальной проекции текста-основы, постижении «его смысловой доминанты, вычленяемой путем компрессии единиц текста и в некоторой степени отрицания его формы» [Ионова, 2006, с. 173]. Данная модель порождения вторичного текста повторяет модель текстопорождения прототекста и включает в себя те же этапы концептуализации и репрезентации. Вторая модель опирается на механизмы субституции и трансформации, то есть вторичный текст разворачивается в результате трансформации поверхностной структуры текста-источника. Таким образом, во второй модели промежуточным звеном выступает «не ментальная модель отражаемой в тексте ситуации, а модель самого текста» [Ионова, 2006, с. 174]. С данными моделями в некоторой степени соотносятся так называемые синтагматические и парадигматические оси интертекстуальности, описанные Ю.С. Гавриковой. Согласно данной концепции, синтагматическая ось интертекстуальности «формируется линейными связями произведений единого текстового пространства» [Гаврикова, 2013, с. 298]. Парадигматическая ось интертекстуальности связана с сознательной модификацией исходного авторского замысла и первичного текста, поэтому именно она, по мнению автора, имеет непосредственное отношение к созданию вторичных текстов.

Таким образом, существующие концепции вторичных текстов так или иначе основываются на критериях «вторичности», к которым относятся: 1) различные принципы порождения текста: первичный текст порождается самостоятельным авторским замыслом / авторской интенцией, вторичный текст харак-

теризует «смысловая несамостоятельность», то есть его порождение – результат сложных ментальных трансформаций, детерминированных первичным текстом; 2) смена коммуникативной и функциональной направленности, поскольку вторичный текст выполняет иную коммуникативную задачу и реализует иную функцию в отличной от оригинальной коммуникативной ситуации. Здесь также уместно упомянуть типологию вторичных речевых произведений С.В. Ионовой, включающую четыре функциональных типа текстов: репродуктивные, интерпретативные, адаптирующие, имитационные [Ионова, 2006].

В связи с рассмотрением понятия вторичности текста необходимо назвать критерии разграничения первичных и вторичных жанров применительно к политическому дискурсу. По мнению Е.И. Шейгал, «первичный дискурс образуют жанры институциональной коммуникации, составляющие основу собственно политической деятельности: речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги и т. д., а жанры бытового общения выступают по отношению к ним как вторичные. Вторичные жанры политического дискурса можно определить как “разговоры о политике”; они носят респонсивный характер и представляют собой комментирование, обсуждение, интерпретацию, одним словом, реакцию на действия» [Шейгал, 2000, с. 269]. Такая дифференциация первичных и вторичных жанров применима к массмедийному дискурсу, где медиановость относится к первичному, а ее комическое переосмысление и интерпретация – к вторичному жанру.

Все вышеизложенное позволяет рассматривать изучаемый тип новостного текста как вторичный текст / жанр, который, во-первых, порождается при помощи смены авторской интенции (основная интенция первичного новостного текста – информировать; основная интенция вторичного текста – развлечь адресата), во-вторых, в процессе его порождения происходит смена коммуникативной и функциональной направленности (смена коммуникативной ситуации). Информационно-развлекательный текст, в классификации С.А. Ионовой, представляет собой интерпретативно-адаптирующий тип текста,

потому что его цель состоит как в преобразовании текста в соответствии с авторской позицией, так и в его изменении в соответствии с новыми дискурсивными условиями его использования. Креативная интерпретация первичной новости с использованием средств комического ведет к ее переходу в иной жанр. Далее охарактеризуем механизм и специфику преобразования медиановости во вторичный текст / жанр.

В качестве эмпирического материала использовались тексты новостной рубрики, транслируемой в начале телевизионной передачи Первого канала «Вечерний Ургант» (выпуски 2017–2020 гг.). Всего проанализировано 530 наиболее популярных выпусков, критерием отбора стало количество просмотров выпусков передач, зафиксированных на видеохостинге YouTube.

Результаты и обсуждение

Поскольку в основе вторичной медиановости лежит развлекательная интенция, реализуемая с помощью различных средств комического, кратко охарактеризуем такие общепризнанные виды комического, как юмор, ирония, сатира и сарказм [Истомина, 2015; Палкевич, 2003; Попченко, 2005; и др.].

Юмор традиционно трактуется как «мягкий» вид комического, отражающий положительное отношение к окружающей действительности и способный вызывать веселый смех или незлобивую улыбку.

Ирония представляет собой реализацию двуплановости, обнаруживающую расхождение между двумя образами реальности – позитивным, жизнеутверждающим и негативным, высмеивающим и осуждающим, и вербализацию двусмысленности, обусловленной наложением ироничного смысла на буквальный. Другими словами, ирония построена на принципе асимметрии, который проявляется в «количественном рассогласовании между двумя онтологическими формами иронии: на единицу плана выражения в ироническом высказывании или тексте приходится как минимум две единицы плана содержания» [Палкевич, 2003, с. 193]. Объектом иронии, как правило, выступает авторитет (государственный орган или человек), заслуживающий разоблачения.

Сатира, согласно М.М. Бахтину, определяется «как особое отношение творящего к изображаемой им действительности. Сатира есть образное отрицание современной действительности в различных ее моментах, необходимо включающее в себя – в той или иной форме и с той или иной степенью конкретности и ясности – и положительный момент утверждения лучшей действительности» [Бахтин, 1997, с. 35]. Объектом сатиры становятся социальные пороки, имеющие общественный резонанс, чаще всего соотносимые с нарушением норм морали и нравственности.

Высшей степенью обличения общественно опасных процессов характеризуется сарказм – язвительная, ядовитая насмешка, намеренно обнажающая пороки общества.

Возможно сопоставить перечисленные виды комического с точки зрения эмоциональной реализации: а) юмор характеризуется средней степенью эмоциональной насыщенности, средней интенсивностью выражения эмоций, низкой степенью агрессивности; б) ирония – высокой степенью эмоциональной насыщенности (от добродушного подтрунивания до насмешки, высокомерия и превосходства, недовольства и раздражения из-за неудовлетворенности окружающим миром) и средней интенсивностью выражения эмоций; в) сатира – средней степенью эмоциональной насыщенности (неудовлетворенность, сожаление), но высокой интенсивностью выражения осуждения и беспощадной критики; г) сарказм – крайней степенью эмоционального отношения и выражения, преобразующего высокий пафос отрицания в негодование, доходящего до границы с цинизмом. Ирония в отличие от других видов комического менее эксплицитна, но выделяется высокой интеллектуальностью на фоне других фрагментов комической картины мира.

Далее рассмотрим механизм трансформации информационной медиакартины мира в комическую и средства комического, создающие такое перевоплощение.

Заметим, что не весь новостной контент становится поводом для комического переосмысления. В производстве новостей одни события игнорируются, в то время как другие, наоборот, становятся новостным растиражированным продуктом. На селективный характер

новостей при реализации задач социального конструирования влияет, по мнению А.Г. Пастухова, множество факторов, в том числе упрощение, идентификация и сенсация, формирование конформности по отношению к политическим или бизнес-элитам и т. д. [Пастухов, 2016]. Новости, которые в результате селекции стали доступными широкой аудитории, вновь подвергаются субъективному отбору. Вторичная селекция не зависит от социальной значимости события, его резонансности, а чаще всего обусловлена креативными интенциями журналиста.

Обращаясь непосредственно к практическому материалу, поясним, что «мишенями» вторичной новостной «заметки» становятся события разной степени значимости:

– новости из общественно-политической и экономической сфер:

(1) Минздрав поддержал запрет на курение около подъездов жилых домов (17.10.2017);

(2) В Госдуму хотят внедрить спецпредставителя по вопросам гендерного равенства и ввести соответствующий закон (23.10.2017);

(3) Россияне набрали рекордное количество кредитов, задолжав банкам почти 15 трлн. (01.03.2019);

– новости спорта, музыкальной, теле- и киноиндустрии:

(4) Disney снимет новую версию «Золушки», где главным героем станет темнокожий парень (26.10.2020);

(5) Впервые в истории Лиги чемпионов главным арбитром матча назначена женщина (01.12.2020);

– новости частной жизни известных личностей:

(6) Кейт Миддлтон и принц Уильям ждут ребенка (04.09.2017);

(7) Киркоров с размахом отметил день рождения дочери (04.12.2020);

– коммуникативное поведение, высказывания известной личности, всколыхнувшие Интернет:

(8) Шнуров назвал Басту понторезом и бабкой у подъезда (02.12.2020);

– лишенные какой-либо особой социальной значимости события / явления, курьезные

случаи, в том числе видеоролики происшествий, выложенные в соцсетях:

(9) В Екатеринбурге дорожные службы положили новый асфальт (06.06.2017);

(10) Пес президента Франции на встрече главы государства с членами правительства справил нужду в камин (24.10.2017).

Благодаря средствам комического, приемам иносказания, гротеска, аллюзии и т. д. новость предстает в информационно трансформированном виде.

Обнаружено, что наиболее популярным средством комического, используемого для преобразования первичного новостного сообщения, выступает юмор, который обнаруживается в 78 % всех проанализированных примеров. Приведем один из них:

(11) Минздрав поддержал запрет на курение около подъездов жилых домов на расстояние менее 10 метров от входа.

Как отмерить 10 метров от подъезда / чтоб покурить? Вышли из подъезда / идете / началась одышка / все / 10 метров... Курить у подъезда больше нельзя. Это спланированная акция для полного отказа от курения. Посмотрите / ты вышел из подъезда – тебе курить нельзя. Ты отошел на 10 метров – там медучреждение / там тоже нельзя курить / отошел – дальше школа / снова нельзя курить. Еще 10 метров – автозаправка. Еще 10 метров / уже начинается дальневосточный гектар и его заселение. В статье ничего не сказано про запрет курения в подъездах. А значит / будем жить (17.10.2017).

Новость о социально полезных изменениях – о запрете курения возле жилых подъездов – подвергается юмористической трансформации благодаря: а) включению комического преувеличения (расстояние в десять метров достаточно быстро расширяется, достигая восточных пределов страны); б) приему смысловой инверсии (гиперболизированный негативный «исход» грядущего нововведения замещается оптимистичным выходом из затруднительного положения – возможность курения в подъезде).

Заметим, что в шутливо трансформированном виде предстают два типа новостных продуктов – новости разной степени актуальности без комического потенциала и новости, содержащие комический потенциал, как в следующем примере:

(12) В Твери пройдет фестиваль козлов и Козловых.

Второй международный фестиваль козла под девизом Козловы всех стран соединяйтесь пройдет в Твери 20 мая. Об этом сообщает издание Тверские ведомости. Состоится торжественная регистрация людей с козлиными фамилиями Козлов / Козлевич / Козловский. Участникам будут предложены развлечения / связанные с козлами – прыжки через гимнастического козла / забивание козла в домино / просмотр фильма Духлес / и другие развлечения / звонки бывшим / например (16.05.2017).

Комический потенциал новости позволяет ведущему использовать различные аллюзии на соотносимые с упомянутым животным виды развлечений, прецедентные феномены – известные фамилии и фразу *Все мужики – козлы*, скрывающуюся за шуткой о «бывших».

Интерес для анализа новостного «преображения» представляет ирония, используемая, как правило, реже (обнаружена в 18 % рассмотренных примеров) и выступающая в социально-критической и дискредитирующей функциях. Например, новость:

(13) Временно исполняющий главы Дагестана Сергей Меликов на заседании по развитию градостроительства этого региона призвал предпринимателей отказаться от иностранных названий кафе и ресторанов (27.10.2020) –

реинтерпретируется ведущим при помощи нескольких иронических замечаний, прячущих за одобрением осуждение и насмешку, обнажающую нелепость происходящего:

(14) Понятно / что в Дагестане / как в любом другом регионе Российской Федерации / много насущных / наболевших / острых социальных проблем / вопросов. Приятно / что новый глава региона сразу занялся главной проблемой / это латинские названия кафе и ресторанов. Мы узнали благодаря этой фразе / откуда идет все зло... (27.10.2020).

Первичная новостная информация подвергается когнитивной переработке: собственно информационная составляющая редуцируется, смысловое содержание деформируется, появляются интерпретации, содержащие эмоционально-оценочные коннотации и критически осмысленные комментарии, информационный регистр переключается на интерпретативно-

оценочный, что в итоге приводит к созданию комической / сатирической интерпретации действительности.

Необходимо отметить, что сарказм не входит в число основных приемов, используемых И. Ургантом, так как «жесткая» интерпретация новостного контента, очевидно, не является задачей ведущего. Однако ему также не удается воздержаться от этого приема. Данный вид комического используется для новостной интерпретации в 4 % примеров.

Следующая новость построена на эффекте обманутого ожидания, когда за вполне безобидным введением следует контент, полностью меняющий его семантику:

(15) Есть ощущение / что Россия отходит от пандемии. Все чаще появляются признаки **привычной / нормальной жизни / к которой мы привыкли и которую мы / честно говоря / ждем.**

Депутаты устроили драку в Саратовской городской думе. Ох / да. Возвращаемся к привычной жизни. Их так и тянет друг другу. Устали от социального дистанцирования. (Цитируется новость) Встреча была посвящена **неэтичному поведению** двух членов областной думы. Первый нецензурно выражался на заседании рабочей группы Комитета по культуре. Второй оскорбил коллег на заседании Комитета по бюджету. Значит / на встрече по **неэтичному поведению** / драка. Видимо / на следующей встрече будет поножовщина. Может быть / саратовские депутаты думают / что встречи по **неэтичному поведению** / это встречи / где нужно как раз вести себя **неэтично**? С другой стороны / можно понять депутата же / хочется показать коллегам те удары / которые ты три месяца во время самоизоляции отработывал на жене (25.06.2020).

Контекстуальная ирония, основанная на противопоставлении понятий этичного поведения (лексема *неэтичный* четырежды повторяется в данном фрагменте, буквально притягивая к себе внимание зрителей) и физической агрессии, перерастает в сарказм: физическая агрессия представлена как естественный способ межличностного общения депутатов, их драки как олицетворение нормальной доковидной жизни, а наблюдение за драками депутатов как привычное и популярное развлечение граждан.

В создании комической интерпретации новостного события участвуют равноуровневые лингвостилистические средства и сред-

ства непрямой коммуникации, в том числе аллюзии, риторические вопросы, метафоры, гиперболы, сравнения, намеки, колкости, издевки и т. д.

Например, в эфире от 05.02.2020 ведущий начинает программу с новости:

(16) Глава Роскосмоса Дмитрий Рогозин ответил на шутку Ивана Урганта о космонавтах.

В предыдущем эфире И. Ургант пошутил на тему снижения требований к кандидатам в отряд космонавтов, а именно что космонавтами смогут становиться люди с психическими отклонениями или судимостью. В ответ на это в твиттер-аккаунте робота Федора появился комментарий:

(17) Нет, Иван, речь идет лишь о снижении требований по зрению. Друзей своих не предлагайте.

Д. Рогозин выложил следующий комментарий:

(18) Ну, а чего вы хотите? Восемь лет чуть ли не ежедневно вести развлекательную передачу, тут не только шутки и юмор закончатся, но и язык намозолится. Вот и придется ржать то про религиозные чувства православных верующих, то про космонавтов-героев.

И. Ургант реагирует на твит робота Федора колкостью, адресованной Роскосмосу в целом:

(19) «...С робота что взять / понятно / бездушный кусок металла. **Все функции свелись к одному / остроумно отвечать в Твиттере**». Далее он продолжает, отвечая Д. Рогозину: «**Зачем** вспоминать конфликт / за который я уже извинился? **При чем** здесь верующие вообще? **Зачем** про это вспоминать? Мы это закрыли. Это все равно / если б я сейчас сказал / восемь лет для программы нашей / это много / а вот для строительства космодрома Восточный это вообще ничего / даже там ничего намозолиться не успело. Я ж так не говорю / я ж понимаю / что это к делу отношения не имеет» (05.02.2020).

Данная новостная ситуация соотносится с высказыванием одной известной личности (главы госкорпорации «Роскосмос») о коммуникативном поведении другой известной

личности (ведущего популярной развлекательной программы). Сам факт появления такой новости служит развитию комического эффекта: во-первых, агрессивный выпад *Друзей своих не предлагайте* (прямая скрытая агрессия, согласно классификации А. Басса) представляет собой попытку публичного оскорбления, которое митигируется за счет как бы «неловкого» сокрытия его истинного адресанта. При этом автор оскорбительной фразы очевиден, что дает возможность И. Урганту сделать ответный шаг – прокомментировать ограниченные способности робота Федора и его бесполезность для космических исследований, задев таким образом разработчиков робота. Комический эффект достигается также за счет прецедентности: в памяти аудитории еще свежи шумиха и восторженные репортажи, связанные с созданием робота Федора, его доставкой на МКС и перспективностью его использования в космических исследованиях.

Свой ответ Д. Рогозину И. Ургант начинает с трех риторических вопросов *зачем – при чем – зачем*, создавая тем самым легкую напряженность в аудитории. Далее наступает кульминационный пункт, построенный на антитезе *восемь лет – это много – вообще ничего – ничего не успело*. «Зеркальное» использование просторечного окказионализма *намозолиться* и сослагательного наклонения усиливают комический эффект.

Одним из часто используемых приемов является аллюзия. Приведем пример новости от 24.11.2020 о начале передачи власти избранному президенту США Джо Байдену:

(20) Дональд Трамп попросил / **не приказал** / **а попросил** / свою администрацию начать процесс передачи власти Джо Байдену. При этом действующий президент все еще не признал свое поражение на выборах. Он ответил / что готов продолжить судебные тяжбы. Мы продолжим борьбу / и я верю / что мы победим / – заявил американский президент / передавая бразды правления. Передача власти в Америке / это небыстрый процесс. Это в России / **я устал** / **я ухожу** / и все (24.11.2020).

В данном фрагменте содержится двойственный намек на авторитарный стиль управления. С одной стороны, авторитарный стиль в целом характерен для Д. Трампа, поэтому глагол *попросил* выглядит необыч-

но в данном контексте. С другой стороны, последующая аллюзия на решение об отставке первого президента РФ Б.Н. Ельцина (*Я устал, я ухожу*) позволяет предположить, что автор намекает на авторитарный стиль правления в России в противоположность демократическому.

Помимо упомянутых средств комического, механизм новостной трансформации включает в себя комическое преувеличение и преуменьшение, приемы иносказания, комического несоответствия и комической неожиданности, разоблачения, а также отсылки к прецедентным феноменам. Нередко преобразование исходного новостного сообщения сопровождается карнавализацией и десакрализацией существующих норм и ценностей.

Заключение

Популярность у широкой аудитории медиановости в ее вторичном, трансформированном виде можно объяснить гедонизацией общественного сознания, информационной перегруженностью современного человека, с одной стороны, и низкой потребностью в аналитическом осмыслении информации – с другой.

Создание вторичного новостного текста / жанра осуществляется путем трансформации основного (первичного) новостного текста. Особенность вторичного медиапродукта – его принадлежность не столько к информационной, сколько к комической картине мира, моделирование которой становится возможным благодаря различным средствам комического, реализующим социально-критические, эстетические и развлекательные функции. Последняя позволяет снизить степень важности и серьезности первичного новостного сообщения.

В результате анализа механизма новостной трансформации установлено следующее: первичная новостная информация текста медиановости редуцируется, в то время как «наращивается» его прагматический компонент за счет использования средств комического, приемов гротеска, аллюзии, переакцентуации ценностей, лингвостилистических средств и др. В итоге конструируется вторичный новостной текст, характеризуемый рекомбинированным смысловым содержанием и субъективной интерпретацией первичной новости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агранович Н. Б., 2006. Вторичные тексты в коммуникативно-когнитивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 24 с.
- Александрова А. А., 2012. Реализация категории аппроксимации в тексте пародии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 153 (1). С. 38–45.
- Бахтин М. М., 1997. Сатира // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М. : Рус. слов. С. 11–39.
- Вартанова Е. Л., Смирнов С. С., 2009. СМИ России как индустрия развлечений // Медиаскоп. № 4. С. 13–16.
- Вербицкая М. В., 2000. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка) : монография. М. : МГУ. 220 с.
- Гаврикова Ю. С., 2013. Соотношение парадигматической и синтагматической интертекстуальности в антиутопиях // Вестник Тихоокеанского государственного университета. № 4 (31). С. 297–306.
- Евдокимов В. А., 2010. Инфотеймент в масс-медиа: панацея от скуки и эрзац дискуссии // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 5. С. 214–219.
- Ерофеева И. В., 2014. Правда и истина в пространстве медиатекста: дихотомия справедливости // Гуманитарный вектор. № 4 (40). С. 84–91.
- Ионова С. В., 2006. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 380 с.
- Истомина А. Е., 2015. Специфика реализации когнитивно-информационных категорий жанра «фельетон» // Грани познания. № 1 (35). С. 101–105.
- Майданова Л. М., 1994. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург : Полиграфист. С. 81–104.
- Мельникова Е. А., 2014. Точность и достоверность как критерии информативности текста новостного сообщения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 5 (24). С. 94–100. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.12>.
- Нестерова Н. М., Попова Ю. К., 2017. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 4. С. 52–61.
- Новиков А. И., Сунцова Н. Л., 1999. Концептуальная модель порождения вторичного текста // Обработка текста и когнитивные технологии. № 3. С. 158–166. URL: <http://psycholinguistik.narod.ru/index/0-77> (дата обращения: 27.08.2020).

- Палкевич О. Я., 2003. Человек ироничный: ирония как один из феноменов эгоцентрической направленности // Антропологическая лингвистика : Концепты. Категории : коллектив. моногр. к юбилею чл.-кор. РАН, д-ра филол. наук Нины Давидовны Арутюновой. М. ; Иркутск : Иркут. гос. лингв. ун-т. С. 168–194.
- Пастухов А. Г., 2012. Инфотеймент и эдудеймент: цифровые медиа против бумажных? // Филология и человек. № 4. С. 183–193.
- Пастухов А. Г., 2016. Вопросы интердискурсивности и селекция новостей // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сб. науч. работ. Белгород : ИД «Белгород». С. 57–68.
- Полубитченко Л. В., 2017. Филологическая топология: теория и практика. М. : Флинта. 280 с.
- Попченко И. В., 2005. Комическая картина мира как фрагмент эмоциональной картины мира // Язык. Человек. Общество : сб. науч. тр. Владимир : Владим. гос. пед. ун-т. С. 86–94.
- Распопова С. С., 2012. О понятии «жанр» в теории журналистики // Вестник Челябинского государственного университета. № 6 (260), вып. 64. С. 114–117.
- Шейгал Е. И., 2000. Семиотика политического дискурса : монография. М. ; Волгоград : Перемена. 367 с.

REFERENCES

- Agranovich N.B., 2006. *Vtorichnye teksty v kommunikativno-kognitivnom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Secondary texts in the communicative and cognitive aspect. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 24 p.
- Aleksandrova A.A., 2012. *Realizatsiya kategorii approssimacii v tekste parodii* [Realization of the category of approximation in parody texts]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of humanities & sciences], no. 153 (1), pp. 38-45.
- Bahtin M.M., 1997. *Satira. Sobranie sochineniy. V 7 t. T. 5* [Collected Works. In 7 Vols. Vol. 5]. Moscow, Russkie slovari Publ., pp. 11-39.
- Vartanova E.L., Smirnov S.S., 2009. *SMI Rossii kak industriya razvlecheniy* [Russian media as an entertainment industry]. *Mediaskop*, no. 4, pp. 13-16.
- Verbickaya M.V., 2000. *Teoriya vtorichnykh tekstov (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Theory of secondary texts (based on the material of modern English)]. Moscow, MGU. 220 p.

- Gavrikova Yu.S., 2013. Sootnoshenie paradigmaticheskoy i sintagmaticheskoy intertekstualnosti v antiutopiyah [Co-Relation of paradigmatic and syntagmatic intertextuality in dystopian literature]. *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (31), pp. 297-306.
- Evdokimov V.A., 2010. Infoteynment v mass-media: panatseya ot skuki i erzats diskussii [Infotainment in mass media: a panacea for boredom and ersatz discussions]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, no. 5, pp. 214-219.
- Erofeeva I.V., 2014. Pravda i istina v prostranstve mediateksta: dikhotomiya spravedlivosti [Subjective truth and objective truth in space of mediatext: the dichotomy of justice]. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector], no. 4(40), pp. 84-91.
- Ionova S.V., 2006. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov* [Approximation of the secondary texts' content]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 380 p.
- Istomina A.E., 2015. Spetsifika realizatsii kognitivno-informacionnykh kategoriy zhanra «feleton» [Realization of cognitive-informative categories of the “feuilleton” genre]. *Grani poznaniya*, no. 1 (35), pp. 101-105.
- Maydanova L.M., 1994. Rechevaya intentsiya i tipologiya vtorichnykh tekstov [Speech intention and typology of secondary texts]. *Chelovek – Tekst – Kultura* [Man – Text – Culture]. Yekaterinburg, Poligrafist Publ., pp. 81-104.
- Melnikova E.A., 2014. Tochnost i dostovernost kak kriterii informativnosti teksta novostnogo soobshcheniya [Accuracy and reliability as criteria of informativeness in the news story]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 5 (24), pp. 94-100. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.12>.
- Nesterova N.M., Popova Yu.K., 2017. O probleme differentsiatsii pervichnykh i vtorichnykh tekstov [The problem of differentiating primary and secondary texts]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, no. 4, pp. 52-61.
- Novikov A.I., Suncova N.L., 1999. Kontseptualnaya model porozhdeniya vtorichnogo teksta [A conceptual model of the secondary text's generation]. *Obrabotka teksta i kognitivnye tekhnologii* [Text processing and cognitive technologies], no. 3, pp. 158-166. URL: <http://psycholinguistik.narod.ru/index/0-77> (accessed 27 August 2020).
- Palkevich O.Ya., 2003. Chelovek ironichnyy: ironiya kak odin iz fenomenov egotsentricheskoy napravlenosti [Ironic man: irony as one of the phenomena of egocentric orientation]. *Antropologicheskaya lingvistika: Kontsepty. Kategorii* [Anthropological Linguistics: Concepts. Categories]. Moscow, Irkutsk, Irkutskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet, pp. 168-194.
- Pastukhov A.G., 2012. Infoteynment i eduteyment: cifrovye media protiv bumazhnykh? [Infotainment and edutainment: digital media versus paper media?]. *Filologiya i chelovek*, no. 4, pp. 183-193.
- Pastukhov A.G., 2016. Voprosy interdiskursivnosti i selektsiya novostey [Issues of interdiscursivity and news selection]. *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, socialnoy praktiki i obrazovaniya* [Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education]. Belgorod, ID «Belgorod», pp. 57-68.
- Polubitchenko L.V., 2017. *Filologicheskaya topologiya: teoriya i praktika* [Philological topology: theory and practice]. Moscow, Flinta Publ. 280 p.
- Popchenko I.V., 2005. Komicheskaya kartina mira kak fragment emocionalnoy kartiny mira [The comic picture of the world as a fragment of the emotional picture of the world]. *Yazyk. Chelovek. Obshchestvo* [Language. Person. Society]. Vladimir, Vladimirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 86-94.
- Raspopova S.S., 2012. O ponyatii «zhanr» v teorii zhurnalistiki [On the concept of “genre” in the theory of journalism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabisk State University], no. 6 (260), iss. 64, pp. 114-117.
- Sheygal E.I., 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Volgograd, Peremena Publ. 367 p.

Information About the Authors

Yana A. Volkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 7, 117198 Moscow, Russia, yana.a.volkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1456-5881>

Nadezhda N. Panchenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russia, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Информация об авторах

Яна Александровна Волкова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 7 117198 г. Москва, Россия, yana.a.volkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1456-5881>

Надежда Николаевна Панченко, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Россия, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.12>

UDC 81'42:81'34
LBC 81.055.51.1-1

Submitted: 04.08.2020
Accepted: 02.12.2020

“VOCAL FORM” AS A MUSIC-PHONETIC SPEECH GENRE: ASPECTS OF STUDY

Ludmila V. Veličkova

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Elena V. Petročenko

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract. Vocal music is a form of existence and realization of a language. Primarily, it is oral speech of a specific type. Prosodic features of vocal music, as well as its rhythm and intonation, are formed as a result of direct music-language interaction. Therefore, intonational language-music correlation provides possibility of linguistic description of national vocal music and confirms the necessity to develop theoretical foundation for studying this issue. We consider vocal speech of any genre (song, aria or choral singing) in view of its prosodic features. Correspondingly, we consider intonational realization of a vocal text as related to distinctive features of intonation within phonetic system of a given language. In the present article, the authors term vocal-music speech phenomenon as a vocal form of a language, and specify the rationale that it could be related to elements of various levels of oral text. Several aspects of the vocal form are defined, namely phonatory, phonetic, rhythmic and intonational, and considered in the following branches of linguistics: phonostylistics, intonology and speech studies. The paper presents the concept of vocal form of a language within the research prospect. According to structure-based phonological approach, the vocal form as a music-language object is interpreted as a system component, its elements being defined as language units.

Key words: term, vocal music, oral text, vocal form aspects, norms of pronunciation, phonostylistics, intonology.

Citation. Veličkova L. V., Petročenko E. V. “Vocal Form” as a Music-Phonetic Speech Genre: Aspects of Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 133-143. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.12>

УДК 81'42:81'34
ББК 81.055.51.1-1

Дата поступления статьи: 04.08.2020
Дата принятия статьи: 02.12.2020

«ВОКАЛЬНАЯ ФОРМА» КАК МУЗЫКАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Людмила Владимировна Величкова

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Елена Викторовна Петроченко

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Аннотация. В статье обоснован тезис о том, что вокальная музыка представляет собой одну из форм существования и реализации языка – звучащую речь особого вида. Характеристики просодии текстов вокальной музыки, ее ритмико-интонационные параметры являются результатом формообразования в процессе непосредственного взаимодействия музыки с языком. Онтологическая и интонационная связь языка и музыки убеждает в возможности лингвистического описания национальной вокальной музыки и необходи-

мости создания теоретической базы для ее исследования. Вокальная речь различных жанров (песня, ария, хор и пр.) рассмотрена с точки зрения ее просодических характеристик, а интонационная реализация вокального текста – в соотношении с дифференциальными признаками фонетической (интонационной) системы языка. Для обозначения явлений вокально-музыкальной речи в статье введен термин «вокальная форма (языка)» и дано обоснование его применения к элементам разных уровней звучащего текста. Выделены аспекты вокальной формы – фонационный, фонетический, ритмический, интонационный, рассматривать которые необходимо в соответствующих разделах языкознания: фоностилистике, интонологии, речеведении. В работе изложены концептуальные представления о вокальной форме языка в перспективе ее изучения. Показано, что структурный фонологический подход обеспечивает системность в понимании музыкально-языкового объекта «вокальная форма», позволяя определить его элементы как единицы языка.

Ключевые слова: термин, вокальная музыка, звучащий текст, аспекты вокальной формы, произносительные нормы, фоностилистика, интонология.

Цитирование. Величкова Л. В., Петроченко Е. В. «Вокальная форма» как музыкально-фонетический речевой жанр: аспекты изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 133–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.12>

Введение

Вокальная музыка – явление двойственной природы звукового знака: с одной стороны, оно музыкально-просодическое акустического характера, с другой стороны, музыкально-языковое психолингвистического характера. Речь в музыке, или, иначе, музыкально высказанная мысль, есть специфическая форма звучащего языка, объединяющая в себе язык и музыку. Неслучайно она издавна привлекала внимание ученых и философов (Аристотель, Платон, Гегель, Руссо). Предметный интерес отечественных языковедов к явлению воплощения речевых единиц в музыке начался с работ В.А. Богородицкого, А.А. Реформатского, Р.И. Аванесова, Н.И. Жинкина, М.Г. Харлапа. Однако фрагментарное изучение вопроса не привело к выделению вокально-музыкального текста в самостоятельный объект лингвистического анализа; он до сих пор не получил статуса отдельного фонетического типа в составе других стилей звучащей речи. Отсутствует и определение такого текста в языкознании. В последние десятилетия все чаще стали появляться лингвистические работы, где в центре внимания исследователей находится звуковой (или фонетический – в широком смысле) аспект вокально-музыкального произведения [Златоустова, 2001; Ланглебен, 2000; Сысоенко, 2017], и стало понятно, что метаязык лингвистики нуждается в термине, который будет приемлемым для изучения любого вокально-музыкального текста. В данной работе предлагается обоснование термина «вокальная

форма» (далее – ВФ), вводимого авторами с целью обозначить вокальную музыку как одну из форм существования языка.

Результаты и обсуждение

Термин «вокальная форма» созвучен термину «музыкальная форма», который разрабатывался известным отечественным музыковедом Б.В. Асафьевым в его главном труде «Музыкальная форма как процесс». Музыка, будучи явлением социально детерминированным, познается прежде всего как форма в процессе интонирования [Асафьев, 1971, с. 23–24]. Традиционно в музыковедении под «формой» подразумеваются материальное воплощение содержания музыки, организация музыкального целого, способы развития музыкального материала, а также жанровые обозначения, которые авторы дают своим произведениям [Холопов, 1981, с. 875–876]. Все жанры вокальной музыки определяются в класс вокальных форм, термины «вокальный жанр» и «вокальная форма» употребляются как синонимы начиная с трудов об оперной музыке советского музыковеда Б.М. Ярустовского.

Наше понимание *вокальной формы языка* близко толкованию музыкальной формы Б.В. Асафьевым. Ученый определяет ее не как некую схему, формальную структуру композиции, а как «окристаллизовавшуюся схему» или «конструкцию», организованную стимулами интонационного отбора через взаимодействие ритма, мелодии и гармонии [Асафьев, 1971, с. 23]. Эта конструкция является одновременно и коммуникативной

единицей разного объема – высказыванием, текстом. Как считает О.П. Крюкова, в синтаксическом плане музыкальное высказывание обнаруживает четырехступенчатую структуру (такт, мотив, фраза, период), соотносимую с единицами речевого ритма (ритмическая группа, синтагма, фраза, фоноабзац) [Крюкова, 1987]. Значимую единицу вокальной формы мы называем *тактемой*, вслед за Ю.В. Щекой [Щека, 1989], понимая ее как ритмическую единицу интонационного плана ВФ, равную слогу, фонетическому слову или синтагме (подробнее об этом см.: [Петроченко, 2015]).

Понимание формы как набора жанровых характеристик на уровне речи, с одной стороны, и интонационной схемы коммуникативной единицы, с другой стороны, представляется приложимым к языковому объекту – вокальной музыке (речевой жанр понимается нами в соответствии с концепцией М.М. Бахтина [Бахтин, 1996]). Вокальная форма может быть рассмотрена в двух планах: фоностилистическом и интонационном. В связи с этим предлагаем две трактовки термина «*вокальная форма*». Однако есть более традиционное понимание данного явления, именно с него целесообразно начать объяснение рассматриваемого термина.

Вокальная форма как особый объект речеведения и психолингвистики

Термином «*вокальная форма*» в широком понимании следует обозначать вид звучащего текста, созданного средствами музыки и вокального (певческого) голоса, материальная субстанция которого представляет форму, существующую в ритмико-интонационных параметрах, то есть *вокальной формой* следует называть любой жанр вокально-музыкального искусства, а также конкретное его воплощение – вокальное произведение как целостный текст, его составляющие или музыкально озвученные фразы речи. Являясь по сути «вокальной речью», «певческой речью» [Ильинов, 2007; Морозов, 1967; Сысоенко, 2017], вокальная форма становится объектом речеведения.

Современное речеведение (Speechology, Sprechwissenschaft), охватывающее все сферы, связанные с речезыковой, интеллектуаль-

ной, творческой, социальной деятельностью человека, безусловно, должно рассматривать вокальную форму как отдельную вокально-речевую деятельность и вокально-речевой акт, который, как и любой речевой акт, имеет коммуникативное намерение. У двух коммуникативных систем – языка и музыки – много общего: они базируются на передаче структурированного сигнала [Altenmüller, 2006, S. 425], их значения воспринимаются посредством когнитивной интеграции просодии с одинаковыми параметрами (мелодическим, темпоральным, тембровым, динамическим) [Hirschfeld, Stock, 2013, S. 161]. Вокальная музыка, естественно, еще ближе к языку – и по социальной функции, и по способам трансляции и восприятия транслируемых эмоций и смыслов.

Музыкальная психология и психолингвистика описывают процесс восприятия музыки по-разному. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что восприятие музыки – это когнитивный акт, результат которого формируется на базе ментальной музыкальной библиотеки (музыкального лексикона), где хранятся различные музыкальные события в форме интонационных гештальтов, образцов звучания, сродни эталонам сегментного и супrasegmentного уровней перцептивной базы (см., например: [Джапаридзе, 1985]). Существенна также роль слухового опыта реципиента: как пишет Е. Альтенмюллер, чем более натренирован слух (например, профессионального музыканта), тем более краток нейронный путь «ответа» [Altenmüller, 2006, S. 429]. Исследования в области «мозг и музыка, мозг и язык» позволяют специалистам утверждать, что специального центра в мозге для восприятия музыки нет. В восприятии музыки еще многое неясно, хотя психология, нейрофизиология и психоакустика давно занимаются его изучением (работы Б.М. Теплова, А.Н. Леонтьева, Б.В. Асафьева, В.П. Морозова). В гораздо меньшей степени ведутся работы по изучению восприятия музыкального в звучании языка [Петроченко, 2004; Склярова, 2008; Hirschfeld, Stock, 2013]. Поскольку «фактически все языки являются тоническими не только в фонационном, но и функциональном отношении (музыкальными)» [Вааракс, 1964, с. 59], то восприятие речи неизбежно происходит с выделе-

нением музыкальных элементов интонации. Таким образом, вокальная музыка приобретает статус объекта психолингвистического анализа, к которому применимы исследовательские методы психолингвистики.

Очевидно, что музыкально-вокальная форма языка включает реализацию и координацию вербальных и невербальных программ, артикуляционных и фонационных жестов [Потапова, Потапов, 2006]. Как не раз отмечалось учеными, пение в противоположность говорению является другим, особым видом фонации [Морозов, 1967; Seidner, Wendler, 2010]. Любые тексты, реализуемые вокальным голосом, в том числе вокализы, построенные на пропевании одного гласного звука, становятся вокальной речью. Следовательно, изучение вокального голоса, певческого звукообразования в речеведческом направлении вполне закономерно.

В зарубежной литературе понятие, обозначенное нами как «вокальная форма», характеризуется рядом терминов, например: *Singen* (= пение), *Gesang* (= певческое звучание, вокал), *Gesangsart* (= манера, стиль пения), *vertonte Sprache* (= положенный на музыку язык) – в противоположность речи, говорению, которые обозначены одним термином – *Sprechen* (= речь, говорение) [Habermann, 2003; Seidner, Wendler, 2010]. Данные термины встречается в работах по артикуляционной фонетике, физиологии речевого и вокального голосообразования, а также по педагогике и вокальному искусству. Каждое из обозначений отчасти является эквивалентом вводимому нами термину, поскольку все они относятся к видам вокальной фонации. Хотя последний в этом ряду термин (*vertonte Sprache*) по содержанию ближе, чем другие к понятию вокальной формы языка. Термин «вокальная форма» представляется более точным и удобным для изучения вокальной музыки, так как он ставит это явление в ряд других известных форм (норма, функциональные стили, формы речи).

**Вокальная форма:
фоностилистический план**

Специфика певческого голосообразования и кантиленное взаимодействие соседству-

ющих звуков очевидно вызывает определенные изменения в реализации фонем данного языка: пение выступает как один из видов фонетической реализации текста. Поскольку длительность такта составляет в среднем 2 секунды, что в два раза больше, чем диапазон речевого аналога [Крюкова, 1987, с. 144], сегментация вокальной речи прослеживается довольно четко. Единицы сегментного уровня фонемы и силлабофонемы в условиях музыкального метроритма проявляют свои признаки одновременно в двух противоположных направлениях: подчиняясь предписанному музыкой метроритму и оказывая ему сопротивление (термин В.М. Жирмунского). Степень сопротивления зависит от жанровых характеристик ВФ, но прежде всего от системы фонетических единиц / признаков языка. Например, ритмика немецкого языка «стаккато» с ведущей смыслоразличительной оппозицией гласных (долгий / краткий, закрытый / открытый) обуславливает значительно большую сопротивляемость немецкого языка музыкальному такту в сравнении с русским языком, ритмика которого «легато» опирается на редукцию гласных и палатализацию, отвечающие требованиям кантилены, что было подтверждено в ряде сопоставительных исследований ВФ. Если в русском языке сопротивление проявляется на уровне словесного ударения, то в немецком языке сопротивление выражается в том, что реализацию темпоральных параметров музыкальной структуры обеспечивают согласные (сонорные, фрикативные, шумные или эксплозивные) [Petrošenko, 2007; Stock, Veličková, 2002].

С нашей точки зрения, вокальная форма представляет собой наряду с другими текстами (произнесенными, исполненными на сцене, прочитанными и др.) тип звучащего текста, в котором фонетические единицы языка реализуются в вариантах, характеризующих фонетический стиль ВФ. Следуя концепции фонетического стиля, разработанной в отношении речи носителя языка в наших предыдущих работах (см., например: [Veličková, 2008]), формулируем понятие фонетического стиля в приложении к вокальной форме языка следующим образом: под *фонетическим стилем* в пении следует понимать зависящий от коммуникативной ситуации и

типа (вокального жанра) текста выбор фонетических средств языка при исполнении данного конкретного вокально-музыкального произведения.

Коммуникативная ситуация по своим признакам не тождественна сфере функционального стиля, она предполагает наличие жанровых признаков в речи говорящего, поэтому фонетический стиль не тождествен функциональному стилю. Деление вокальной музыки на жанры (оперная ария, народная песня, церковный псалом, городской романс, бардовская песня и др.) в некоторой степени условно: они являются жанрами в первую очередь с точки зрения композиционного строения. Неверно предполагать, однако, что каждый вокальный жанр представляет собой отдельный фонетический стиль. Один и тот же жанр может быть реализован по-разному, в зависимости от ситуации и установки исполнителя (а также навыков) сознательно управлять своим вокальным голосом, выбирая, например, стратегию академического (профессионального) или народно-бытового пения. Тип вокального настроения (первичный фактор) и жанр ВФ (вторичный фактор) определяют, какие варианты фонем будут реализовываться при его исполнении. Определяя степень контроля в качестве ведущего критерия при рассмотрении фонетических стилей ВФ, заметим, что степень управления пением, в нашем понимании, не связана напрямую со степенью вокального профессионализма.

Выделение фонетических стилей ВФ невозможно без учета произносительных норм языка. Следует отметить, что в части описания орфоэпических норм вокальной музыки сделано не так много. Несмотря на утверждения о том, что вокальная речь (ВФ в нашей терминологии) представляет собой фонетическую *подсистему* литературного языка [Ильинов, 2007], мы не находим разделов ее кодификации в современных словарях русского произношения, например в СО. Неудивительно, что известная работа В.И. Садовникова «Орфоэпия в пении» (1958), написанная на основе словарей литературного произношения под редакцией Р.И. Аванесова, служит уже не одному поколению вокалистов.

Выгодно отличаются в этом аспекте словари произношения немецкого языка под

редакцией профессора Е.-М. Крех. В первых изданиях (1974, 1978, 1982) выдвинуты основные правила реализации фонем в классической вокальной музыке с опорой на нормы немецкого литературного произношения [Krech, 1982, S. 127]. Орфоэпические нормы для академического пения, согласно данному словарю, близки нормам сценического произношения, что частично подтвердили исследования ВФ разных жанров (например: [Petročenko, 2007]). В новом большом словаре (DAW) авторы дифференцируют нормы пения по стилям и вокальным жанрам [Krech, 2010].

Вокальная форма: интоналогический план

Вокальная музыка – явление интонационное, поскольку ее форма есть высказывание, а высказывания без интонации не бывает. «Мысль, чтобы стать звуково выраженной, становится интонацией, интонируется», – пишет Б.В. Асафьев, определяя такую последовательность: мысль, интонация, форма музыки [Асафьев, 1971, с. 211]. Учеными давно было сделано предположение о том, что мелодия национальной музыки создана под непосредственным влиянием языка, это предположение возникает вслед существующим гипотезам о происхождении музыки из речи (теория Г. Спенсера, гипотеза А.А. Леонтьева), а речи из пения, как считает М. Харлап, согласно взглядам Ж.-Ж. Руссо, О. Есперсена, А.А. Потебни [Харлап, 1972]. По мнению Б.В. Асафьева, именно в процессе познания интонации живой речи возможен наиболее непосредственный ее перевод в форму музыкальную, и в этом смысле самой близкой, самой чуткой музыкальной формой является народная песня [Асафьев, 1987, с. 174]. Музыкальное произведение создается в интонационном процессе как форма, в которой обязательно присутствуют национальные элементы. По мнению многих авторов, национальный колорит включает в себе мелодия, ее лад и метроритм [Аванесов, 1986; Асафьев 1971; 1987; Комарова, 2008].

Мелодия вокальная, в отличие от речевой интонации, регулируется *ладом* – специфической системой звуковысотных отношений; парадигму лада составляют 7 ступеней со

своими гармоническими (интонационными, функциональными) значениями. Возникновение лада, который объединяет элементы музыки в одну форму и удерживает их как форму, обусловлено, по мнению Ю.Н. Тюлина, основными акустико-психофизиологическими закономерностями речи: наличием опорного основного тона, побочных тонов (на кварту и на квинту выше), определенным напряжением голосовых связок, ощущением направления мелодического движения. Именно вокальная музыка, прежде всего народная, стала основополагающей формой для лада [Тюлин, 1966, с. 84, 85]. Вопрос национального в интонационном языке музыки весьма сложен. Нельзя не учитывать фактор подчинения мотива некоей художественной и жанровой идее в рамках единой для западноевропейской культуры системы музыкального языка.

Изучение интонации вокальной формы определенно требует учета специфики двух интонационных систем – музыкальной и языковой. Обязательным условием получения надежных лингвистических данных относительно интонационного плана ВФ является применение структурных методов анализа, которые позволяют выделить единицы супrasegmentного уровня языка в их дифференциальных признаках, учесть интегральные признаки и соотнести их с параметрами ВФ в музыкально-«фонологических» категориях на уровне просодики (подробнее об этом см.: [Петроченко, 2004]).

При несомненном наличии в ВФ некоего универсального музыкального слоя в ней существует специфическая для музыкального языка данного народа ритмомелодическая форма, постоянно и определенным образом соотносимая с интонацией его языка. Важным для лингвиста представляется выяснение того, какие признаки вокальной формы языка составляют национально-специфический интонационный строй, иначе говоря, что служит индикаторами, например, русской вокальной музыки или немецкой вокальной музыки. Несмотря на реальное функционирование просодических параметров вокальной музыки в комплексе, возможно и раздельное рассмотрение ритмических и интонационных единиц. Так, на уровне ритма национально-специфическое обнаруживается в характере объединения и

взаимодействия (фонетических) единиц языка с музыкальными элементами в силу различий силлабемных систем, например, русского и немецкого языков [Stock, Veličkova, 2002]. Интонационные параметры ВФ отражают признаки интонационной системы языка [Петроченко, 2015].

Изучая интонационный план национальной вокальной музыки, мы применяем термин «вокальная форма языка» для обозначения мотива как фразового единства (текста), в котором реализуются (имплицитно) интонологические единицы языка [Петроченко, 2015]. В отличие от интонационных единиц (интоном), интонологические единицы имеют дополнительную музыкальную характеристику – ладогармоническую структуру [Щека, 1989], что существенно для описания ВФ. Интонология, в противоположность музыковедению, призвана установить закономерные мелодические решения, управляемые языковым сознанием композитора (автора музыки). Решить задачу на уровне функциональных категорий и значимых единиц интонации (интоном) представляется возможным в рамках фонологического подхода, с применением принципов интонационных оппозиций по дифференциальному признаку в обеих системах – языке и музыке. В национальной вокальной музыке, как мы полагаем, интонационные оппозиции вокальных фраз: повествование / вопрос, повествование / побуждение, завершенность / незавершенность, «привязаны» к гармоническим функциям лада. В системе западноевропейского музыкального мышления, на котором воспитан слух современного человека, функциональные значения имеют семь тонов-ступеней. Потенциально в любом из них реализуется интонологическая единица *гармонема* как музыкальный признак интономы, выявляемый лишь в составе мотива, или *мелодемы* – более объемной интонологической единицы, с выделением в ее структуре трех участков: начало (предтакт), кульминация (интонационный центр) и каденция. Существенным становится и определение элементов, содержащих интегральный признак (признаки), что необходимо для системного описания интонологии ВФ. Вычленение категорий интонации языка из музыкальной формы, просодия которой во многом создана специфическими музы-

кальными средствами, составляет, пожалуй, главную теоретическую задачу.

Интонационные характеристики ВФ были выявлены нами в результате проведенного ранее экспериментального исследования на материале двух неблизкородственных языков – русского и немецкого. Его результаты позволяют утверждать, что мелодическая структура ВФ имеет интонологический план: сегментные и супraseгментные средства мотива находятся в определенных соотношениях с единицами и параметрами интонационной системы языка. Например, при реализации интонации завершенности в вокальной форме русского языка выявляется высокая степень корреляции с системой интоном [Петроченко, 2015]. Поскольку дифференциальные признаки в разных языках не совпадают ни по локализации на линейной протяженности фразы, ни по акустическим характеристикам (качественно и количественно), их выражение в ВФ неравнозначно и поэтому трудно сопоставимо.

Несмотря на сложности реализации системно-фонетического подхода к вокальной музыке, обусловленные целым рядом факторов музыкального плана, а также различиями интонационных систем разных языков, опыт структурного интонологического анализа ВФ, как нам видится, имеет обоснованную научно-исследовательскую перспективу. Лингвистически значимыми станут данные с широким охватом вокально-музыкального материала внутри одного языка, а также с выходом

на эксперименты контрастивно-сопоставительного характера.

Выводы

Итак, предлагаем следующее определение вокальной формы языка:

1. Общее понятие для звучащего текста вокальной музыки, включающее в себя: а) единицы сегментного уровня (фонемы, силлабемы); б) единицы супraseгментного уровня (интономы и интонологические единицы).

2. Способ фонации, формируемый вокальным голосом.

На уровне просодии целесообразно разделять единицы музыкального синтаксиса вокального текста, фонетические единицы сегментного и супraseгментного уровней (интонологии). Названные явления и единицы рассматриваются в различных аспектах, что отражено в виде схемы (см. рисунок).

Просодия ВФ объединяет признаки сегментного уровня, а также распространяется на интонологические характеристики единиц. Фонетический стиль вокального текста (ВФ) реализуется на уровне просодии. Разделение фоностилистического и интонологического планов ВФ условно, однако в научно-теоретических и экспериментально-исследовательских целях не только возможно, но и рационально с позиции методологических принципов. При изучении фоностилистического плана ВФ важно различать стилистику ее сегментного и супraseгментного уровней.

Значения термина «вокальная форма»

Definition of the vocal form

Заключение

Вокальная музыка представляет собой одну из форм существования языка. Петь и говорить – это лишь два способа фонации, которыми пользуется человек в первую очередь на своем родном языке. Лингвистический интерес к вокально-музыкальному тексту проявлялся в основном в области художественной эстетики «образно-музыкальной речи» [Асафьев, 1971, с. 275] и классической стилистики текста. Однако вокально-музыкальное произведение – это прежде всего (музыкально) звучащий текст, речевой жанр национального языка, другими словами, музыкальная форма существования языка. В вокальной форме фонетическая система языка с ее подсистемами (фонологической, ритмической и интонационной) объединяется и взаимодействует с системой музыкального языка, имеющего свои подсистемы (звуковысотная, ладовая, ритмическая, тактометрическая). До сих пор характер взаимодействия двух систем мало изучен. Разрозненные данные о некоторых физиологических, артикуляционных параметрах вокального голоса, акустических и просодических качествах речи в певческой форме, механизмах восприятия вокальных явлений рассредоточены по разным научным областям, они не дают представления о вокальном тексте (причем любого вида и объема) как высказывании, реализуемом в одной из форм языка. Для ее обозначения предлагаем термин «вокальная форма языка».

Текст вокально-музыкального произведения отличается от других типов звучащих текстов (произнесенных в определенной ситуации, исполненных на сцене, прочитанных вслух и др.) в силу его специфической фонетической организации. Просодия ВФ приобретает данным конкретным языком закономерно, в процессе музыкального интонирования (пения). Сегментный уровень ВФ предъявляет лингвисту набор фонетических вариантов и вариаций звукового строя языка. Вокальная форма, таким образом, становится объектом фоностилистики, а певческие варианты произнесения звуков и слогов могут быть исследованы и описаны в разделах о произносительных нормах языка. Исследования интонационных параметров вокальной музыки призваны открыть лингвистике корреляции с еди-

ницами супrasegmentного уровня языка. Если изучение фоностилистического аспекта имеет результаты в виде описаний произносительных норм в пении, то изучение интонологического аспекта только начинается.

Вокальная форма языка в своей интонационной структуре имеет как национально-специфические, так и универсальные признаки, их соотношение от текста к тексту меняется в зависимости от жанра ВФ и художественных вкусов эпохи.

Музыковедение и языкознание имеют свои интонационные теории и методики анализа. Для исследования вокальной музыки встает задача их симбиоза посредством последовательного применения строго научного подхода, каковым является структурный фонологический подход к интонации языка. Вокальная форма языка при таком подходе приобретает статус лингвистического объекта, изучение которого значимо как с точки зрения музыкальных инвариантов интонационных единиц языка, так и в фоностилистическом плане на уровне сегментных единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов Р. И., 1986. Мелодия и речь (мысли и заметки) // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М. : Наука. С. 232–267.

Асафьев Б. В., 1971. Музыкальная форма как процесс. Кн. 1, 2. М. ; Л. : Музыка. 376 с.

Асафьев Б. В., 1987. О народной музыке. Л. : Музыка. 248 с.

Бахтин М. М., 1996. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. М. : Яз. рус. культуры. С. 159–206.

Вааракс П. К., 1964. Тонические средства речи. Исследования по синтагматической фонетике. 196 с. (Труды Таллинского политехнического института. Серия Б ; № 10).

Джапаридзе З. Н., 1985. Перцептивная фонетика (основные вопросы). Тбилиси : Мецниереба. 117 с.

Златоустова Л. В., 2001. Фонетическое слово в стихе и пении // Славянский стих. Лингвистическая и прикладная поэтика / под ред. М. Л. Гаспарова, А. В. Прохорова, Т. В. Скулачевой. М. : Наука : Яз. слав. культуры. С. 259–266.

Ильинов Ю. М., 2007. О некоторых фонетических особенностях вокальной речи (на материале академической манеры пения) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Т. 14, № 37. С. 82–87.

- Комарова А. Н., 2008. Элементы национального в русской духовной музыке // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Спец. выпуск. С. 206–209.
- Крюкова О. П., 1987. Проблема ритма в музыке и речи // Речевой ритм и его функции : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М. : Изд-во МГПИИЯ. Вып. 293. С. 138–148.
- Ланглебен М., 2000. Вокальная мелодия в плену у языка // Музыка и незвучащее / под ред. Вяч. Вс. Иванова, Е. В. Пермякова, Т. В. Цивьян. М. : Наука. С. 91–116.
- Морозов В. П., 1967. Тайны вокальной речи. Л. : Наука. 204 с.
- Петроченко Е. В., 2004. Характеристика интонационных единиц языка по их соотносительности с музыкально-ладовой структурой (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 133–136.
- Петроченко Е. В., 2015. Интонационные параметры вокальной формы языка: исследование на материале русской и немецкой народной песни // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 115–120.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., 2006. Язык, речь, личность. М. : Яз. слав. культуры. 496 с.
- Склярова С. Н., 2008. Речевая тональность и мелодика в просодии английского и русского языков // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 1 (29). С. 138–146.
- Сысоенко В. В., 2017. Типологические характеристики гласных вокальной речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (71), ч. 1. С. 149–154.
- Тюлин Ю. Н., 1966. Учение о гармонии. М. : Музыка. 224 с.
- Харлап М. Г., 1972. Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки // Ранние формы искусства / отв. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Искусство. С. 221–274.
- Холопов Ю.Н., 1981. Форма музыкальная // Музыкальная энциклопедия. В 6 т. Т. 5 / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М. : Сов. энцикл. С. 875–906.
- Щека Ю. В., 1989. Гармонема и тактема как интонологические единицы и их особенности в турецкой разговорной речи // Вопросы языкознания. № 5. С. 57–69.
- Altenmüller E., 2006. Musikwahrnehmung und Amusien // Neuropsychologie / Hrsg. von H.-O. Karnath, P. Thier. Berlin ; Heidelberg : Springer. S. 425–434.
- Habermann G., 2003. Stimme und Sprache. Stuttgart : Thieme. 275 S.
- Hirschfeld U., Stock E., 2013. Zur Wahrnehmung von Musik und gesprochener Sprache: Gemeinsamkeiten, Besonderheiten, Probleme // Sprache und Musik / Hrsg. von U. Groß, M. Thiergart. Frankfurt a. M. : Peter Lang. S. 159–174. (Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik ; Bd. 45).
- Krech E.-M., 1982. Standardausprache und Kunstgesang // Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache / Hrsg. von E.-M. Krech [et al.]. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut. S. 126–129.
- Krech, E.-M., 2010. Standardausprache und Gesang // Deutsches Aussprachewörterbuch. Berlin ; N. Y. : de Greyter. S. 116–119.
- Petročenko E., 2007. Vokalstück als eine Textsorte phonostilistisch geprägt // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. Forschung und Praxis. Bd. 4 / Hrsg. von L. Veličkova, E. Petročenko. Woronesh : Staatliche Universität Woronesh. S. 64–75.
- Seidner W., Wendler J., 2010. Die Sängerstimme. Phoniatische Grundlagen des Gesangs. Leipzig : Henschel. 288 S.
- Stock E., Veličkova L., 2002. Sprechrhythmus im Deutschen und Russischen. Frankfurt a. M. : Peter Lang. 260 S.
- Veličkova L., 2008. Redestilinventar (eine psycholinguistische Charakteristik) // Phonetisch-sprechwissenschaftliche Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation Russisch – Deutsch / Hrsg. von U. Hirschfeld, E. Stock. Frankfurt a. M. : Peter Lang. S. 134–141. (Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik ; Bd. 1).

СЛОВАРИ

- СО – Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. 8-е изд. М. : Рус. яз., 2000. 684 с.
- DAW – Deutsches Aussprachewörterbuch / Hrsg. von E.-M. Krech [et al.]. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 2010. 1176 S.

REFERENCES

- Avanesov R.I., 1986. Melodiya i rech (mysli i zametki) [Melody and Speech (Thoughts and Sketches)]. *Problemy strukturnoy lingvistiki. 1983* [Structural Linguistics Issues. 1983]. Moscow, Nauka Publ, pp. 232-267.
- Asafyev B.V., 1971. *Muzikal'nalnaya forma kak process. Kn. 1, 2* [Music Form as a Process.

- Book 1, 2]. Moscow, Leningrad, Music Publ. 376 p.
- Asafyev B.V., 1987. *O narodnoy muzike* [About Folk Music]. Leningrad, Music Publ. 248 p.
- Bakhtin, M.M., 1996. *Problema rechevzkh zhanrov* [The problem of speech styles]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., vol. 5, pp. 159-206
- Vaaraks P.K., 1964. *Tonicheskie sredstva rechi. Issledovaniya po sintagmaticheskoy fonetike* [Tone Features of Speech. Syntagmatic Phonetics Studies]. 196 p. (Trudy Tallinskogo politekhnicheskogo instituta. Seriya B; № 10 [Proceedings of Tallinn Polytechnic Institute, Series B, no. 10]).
- Dzhaparidze Z.N., 1985. *Perceptivnaya fonetika* [Perceptive Phonetics]. Tbilisi, Mecniereba Publ. 117 p.
- Zlatoustova L.V., 2001. *Foneticheskoe slovo v stikhe i penii* [Phonetic Word in Verse and Chanting]. Gasparov M.L., Prokhorov A.V., Skulacheva T.V., eds. *Slavyanskiy stikh. Lingvisticheskaya i prikladnaya poetika* [Slavic Verse. Linguistic and Applied Poetics]. Moscow, Nauka Publ., Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 259-266.
- Ilyin Yu.M., 2007. *O nekotorykh foneticheskikh osobennostyakh vokalnoy rechi (na materiale akademicheskoy manery peniya)* [Some Phonetic peculiarities of vocal speech (a case study of academic manner of singing)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Proceedings of Herzen State Pedagogical University], vol. 14, no. 37, pp. 82-87.
- Komarova A.N., 2008. *Elementy natsionalnogo v russkoy dukhovnoy muzyke* [Elements of the national in Russian spiritual music]. *Vestnik KSU im. N.A. Nekrasov* [Vestnik of Kostroma State University], special issue, pp. 206-209.
- Kryukova O.P., 1987. *Problema ritma v muzike i rechi* [The Problem of Rythm in Music and Speech]. *Rechevoy ritm i ego funkcii: sb. nauch. tr. MGPIIYA im. M. Toreza* [Speech Rhythm and its Functions. Proceedings of The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages]. Moscow, Izd-vo MGPIIYA, iss. 293, pp. 138-148.
- Langleben M., 2000. *Vokalnaya melodiya v plenu u yazyka* [Vocal Melody Constrained by Language]. Ivanov Vyach.Vs., Permyakov E.V., Civyay T.V., eds. *Muzyka i nezvuchashchee* [Music and Non-music]. Moscow, Nauka Publ., pp. 91-116.
- Morozov V.P., 1967. *Tayny vokalnoy rechi* [Mysteries of Vocal Speech]. Leningrad, Nauka Publ., 204 p.
- Petročenko E.V., 2004. *Kharakteristika intonacionnykh edinic po ikh sootnesenosti s muzykalno-ladovoy strukturoy: na materiale russkogo i nemeckogo yazykov* [Intonation Units Description According to their Correlation to Tonal System: Based on Russian and German]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 133-136.
- Petročenko E.V., 2015. *Intonacionnye parametry vokalnoy formy yazyka: issledovanie na materiale russkoy i nemeckoy narodnoy pesni* [Intonational Features of Vocal Form of a Language: a Case Study of Russian and German Folk Songs]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 115-120.
- Potapova R.K., Potapov V.V., 2006. *Yazyk, rech, lichnost* [Language, Speech, Personality]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 496 p.
- Sklyarova S.N., 2008. *Rehevaya tonalnost i melodika v prosodii angliyskogo i russkogo yazykov* [Speech Tones and Melody in English and Russian Prosody]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Adygheya State University], iss. 1 (29), pp. 138-146.
- Sysoenko V.V., 2017. *Tipologicheskie kharakteristiki glasnykh vokalnoy rechi* [Typological Features of Vowels in Vocal Speech]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues], no. 5 (71), pt. 1, pp. 149-154.
- Tyulin Yu.N., 1966. *Uchenie o garmonii* [Doctrine of Harmony]. Moscow, Muzyka Publ. 224 p.
- Kharlap M.G., 1972. *Narodno-russkaya muzykalnaya sistema i problema proiskhozhdeniya muzyki* [Russian Folk Music System and The Origin of Music]. Melinskiy E.M., ed. *Rannie formy iskusstva* [Early Art Forms]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 221-274.
- Kholopov, Yu.N., 1981. *Forma muzykalnaya* [Musical form]. Keldysh Yu.V., ed. *Muzykalnaya enciklopediya. V 6 t. T. 5* [Music Encyclopedia. In 6 Vols. Vol. 5]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 875-906.
- Shcheka Yu.V., 1989. *Garmonema i taktema kak intonologicheskie edinici i ikh osobennosti v tureckoy razgovornoy rechi* [Harmoneme and Tacteme as Intonation Units and Their Peculiarities in Spoken Turkish]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 5, pp. 57-69.
- Altenmüller E., 2006. *Musikwahrnehmung und Amusien*. Karnath H.-O., Thier P., eds.

- Neuropsychologie*. Berlin, Heidelberg, Springer, S. 425-434.
- Habermann G., 2003. *Stimme und Sprache*. Stuttgart, Thieme. 275 S.
- Hirschfeld U., Stock E., 2013. Zur Wahrnehmung von Musik und gesprochener Sprache: Gemeinsamkeiten, Besonderheiten, Probleme. Groß U., Thiergart M., eds. *Sprache und Musik*, S.159-174. (Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik, Bd. 45).
- Krech E.-M., 1982. Standardaussprache und Kunstgesang. Krech E.-M., Kurka E., Stelzig H., Stock E., Stölzer U., Teske R., eds. *Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache*. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, S. 126-129.
- Krech, E.-M., 2010. Standardaussprache und Gesang. *Deutsches Aussprachewörterbuch*. Berlin, New York, de Gruyter. S. 116-119.
- Petročenko E., 2007. Vokalstück als eine Textsorte phonostilistisch geprägt. Veličkova L., Petročenko E., eds. *Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. Forschung und Praxis. Bd. 4*. Woronesh, Staatliche Universität Woronesh. S. 64-75.
- Seidner W., Wendler J., 2010. *Die Sängerstimme. Phoniatische Grundlagen des Gesangs*. Leipzig, Henschel. 288 S.
- Stock E., Veličkova L., 2002. Sprechrhythmus im Deutschen und Russischen. Frankfurt am Main, Peter Lang. 260 S.
- Veličkova L., 2008. Redestilinventar (eine psycholinguistische Charakteristik) [Speech style inventory (a psycholinguistic characteristic)]. Hirschfeld U., Stock E., eds. *Phonetisch-sprechwissenschaftliche Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation Russisch – Deutsch*. Frankfurt am Main, Peter Lang. S. 134–141. (Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik, Bd. 1).

DICTIONARIES

- Avanesov R.I., ed. *Orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka. Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Russian Orthoepic Dictionary. Pronunciation, Accentuation, Grammatical Forms]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 684 p.
- Krech E.-M., Stock E., Hirschfeld U., Anders L.Ch., eds. *Deutsches Aussprachewörterbuch*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2010. 1176 S.

Information About the Authors

Ludmila V. Veličkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of German Philology Department, Voronezh State University, Universitetskaya Sq., 1, 394018 Voronezh, Russia, luvel1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>

Elena V. Petročenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, German Philology Department, Voronezh State University, Universitetskaya Sq., 1, 394018 Voronezh, Russia, petrocenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0924-6050>

Информация об авторах

Людмила Владимировна Величкова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии, Воронежский государственный университет, Университетская площадь, 1, 394018 г. Воронеж, Россия, luvel1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3917-4481>

Елена Викторовна Петроченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Воронежский государственный университет, Университетская площадь, 1, 394018 г. Воронеж, Россия, petrocenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0924-6050>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.13>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.1

Submitted: 03.03.2020
Accepted: 02.12.2020

ON FEASIBILITY OF USING *CHRONOTOPE* FOR DESCRIPTION OF LECTURE GENRE

Maria S. Glushkova

University of São Paulo, São Paulo, Brazil

Olga G. Zgurskaya

Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia

Aleksandra A. Talanina

Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Any lecture and particularly an academic lecture, as a genre of scientific discourse, is a unique and extremely interesting material for research. Lectures that authors (lecturers) present to students are thought-out, essentially prepared but spontaneous texts as regards the form of their representation. The main purpose of a lecture is the formation of certain scientific ideas, which requires constant interaction with students, constant influence upon them and, most importantly, constant assessment: to what extent functional the speech is. The composition of the lecture is not linear, its narration may contain cross-references to the ideas mentioned before, as well as projections of what will be said later, and every step of such kind is not just a movement forward or backward, these are actions that create a link between the components of the information presented by the lecturer. It is impossible to predict the whole system of such actions. It depends on the specific conditions under which the lecture is given, but the varieties of the steps in the lecture genre given above can be defined and studied. From our perspective for the description of the non-linear structure of the lecture, it is appropriate to use the concept of "chronotope". While creating the lecture, the author generates a model of time and space in which the speech action takes place. The main feature of lecture chronotope is the existence of several levels of organization, since it has its own internal, spatio-temporal coordinates. However, it's included not only in the framework of a whole lecture course but also in the general system of science development. The explication of the lecture chronotope is carried out at different levels of text organization, both at the level of composition, and at the level of vocabulary and grammar, all of which are interconnected.

Key words: chronotope, genre, genre-forming factors, lecture, dialogue, converse, dialogue theory.

Citation. Glushkova M.S., Zgurskaya O.G., Talanina A.A. On Feasibility of Using *Chronotope* for Description of Lecture Genre. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 144-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.13>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 03.03.2020
Дата принятия статьи: 02.12.2020

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ХРОНОТОП» ДЛЯ ОПИСАНИЯ ЖАНРА ЛЕКЦИИ

Мария Станиславовна Глушкова

Университет г. Сан-Паулу, г. Сан-Паулу, Бразилия

Ольга Григорьевна Згурская

Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Александра Андреевна Таланина

Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье лекция характеризуется как уникальный жанр научного дискурса, поскольку текст, который лектор представляет слушателям, – это продуманное и подготовленное по сути и спонтанное по форме представления речевое произведение. Установлено, что основной задачей лекции является формирование научных представлений о том или ином объекте, которое требует постоянного речевого контакта со слушателями, постоянного воздействия на них и постоянного оценивания того, насколько функциональной оказывается речь. Композиция лекции не линейна, изложение в ней может содержать возвращение к уже сказанному, анонсирование того, что будет сказано. Каждое подобное передвижение характеризуется в статье как действие, создающее связь между компонентами представляемой лектором информации. Утверждается, что предугадать заранее систему подобных действий невозможно, она зависит от конкретных условий, в которых читается лекция, но разновидности названных шагов в жанре лекции можно определить и изучить. Показано, что для описания нелинейной композиции жанра лекции целесообразно использовать понятие «хронотоп». Создавая лекцию непосредственно в студенческой аудитории, преподаватель создает модель времени и пространства, в которых происходит речевое действие. Основной особенностью хронотопа лекции является наличие нескольких уровней организации, так как лекция имеет собственные, внутренние пространственно-временные координаты, но при этом оказывается включенной, с одной стороны, в целый лекционный курс, а с другой – в общую систему развития науки. Продемонстрировано, что экспликация лекционного хронотопа осуществляется на взаимосвязанных уровнях организации текста: композиции, лексике и грамматики.

Ключевые слова: хронотоп, жанр, жанрообразующие факторы, лекция, диалог, диалогичность, теория диалога.

Цитирование. Глушкова М. С., Згурская О. Г., Таланина А. А. Возможности использования понятия «хронотоп» для описания жанра лекции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 144–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.13>

Нет действительности без внешней материальной базы, осуществляющей и воплощающей некое внутреннее содержание; и нет никакой действительности без внутреннего не вещественного образа и формы, или смысла, что оформляет и осмысляет материю и делает ее реальной.

А.Ф. Лосев. Вещь и имя

И как молитва не совершается во времени, но время течет в молитве, жертвоприношение не совершается в пространстве, но пространство пребывает в жертве – а кто обращает отношение, тот уничтожает реальность, – так и я нахожу человека, которому говорю Ты, в каком-либо однажды и где-то.

Мартин Бубер. Я и ты

Введение

«Хронотоп в литературе, – писал М.М. Бахтин, – имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [Бахтин, 1975, с. 234].

Вводя понятие *речевого жанра* (более широкого по объему, чем жанр литературного произведения), М.М. Бахтин определял его через триаду «тематическое содержание, стиль, композиционное построение», элементы которой «неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяют специфику данной сферы общения» [Бахтин, 1996, с. 159]. Очевидно, что принятие единства системы факторов, определяющих речевой жанр как таковой, предполагает принятие неких констант в методике описания жанровой специфики в разных сферах общения.

Механическое заимствование терминов литературоведения для описания явлений другой сферы речевой деятельности методологически непродуктивно, но понятие хронотопа вряд ли можно считать принадлежащим в филологии только литературоведению. На первый взгляд, сферы бытования художественного и научного текста – своеобразные антиподы, и в методике изучения и описания данных сфер это должно учитываться, однако глубина различий между ними не так велика. По словам Н.М. Разинкиной, «художественное и научное мышление как два способа по-

знания действительности имеют единую, однородную направленность; они находятся в органической взаимосвязи, границы между ними не абсолютны» [Разинкина, 1972, с. 37]. Художественное и научное произведения отражают процессы познания мира, различия заключаются лишь в формах этого познания и в определенной части способов представления его результатов, поэтому некоторые элементы методики (соответственно, и терминологии) литературоведения могут быть использованы при анализе научных жанров.

Материал и методы

Весьма показательно, что термин «*хронотоп*» уже появился в описании лекции: «**ситуативно-логическая разновидность ты/вы приема** реализуется, когда конструкции с сигналами второго лица направлены непосредственно на аудиторию в реальной или воображаемой ситуации чтения лекции (в рамках хронотопа “здесь и сейчас”» [Цин, 2018, с. 20]. Хотя термин используется во вставной конструкции и без методологического комментария, позволяющего идентифицировать имеющийся в виду объем понятия, само его появление в данном контексте весьма симптоматично.

Обозначенное термином «хронотоп» единство времени и пространства – это своего рода модель, которая становится системой координат для осуществления любого речевого события, имеющего произвольные для говорящего начало и конец [Азимов, Щукин, 2009]. Хронотоп, каким его понимают филологи, изначально был отделен от пространственно-временного континуума, в котором человек осмысляет все происходящее и на который он не может оказать никакого влияния: «термин этот [хронотоп] употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна). Для нас не важен тот специальный смысл, который он имеет в теории относительности, мы перенесем его сюда – в литературоведение – почти как метафору (почти, но не совсем)» [Бахтин, 1975, с. 234].

Создавая «речевую» реальность, человек должен «разметить» ее в пространстве и времени, причем данная «разметка» осуще-

ствляется как минимум на трех уровнях: уровне предложения, уровне текста и уровне жанра. Важно то, что между этими уровнями нет непроходимой границы: одни и те же лексико-грамматические категории и категории организации текста обслуживают разные слои пространственно-временного ориентирования речевого произведения. Если на первых двух уровнях автор произведения отвечает на вопросы *где* и *когда*, то на третьем уровне хронотопа переходит от констатации к детерминированию, то есть на уровень смыслов в одном из самых общих значений данного слова.

Хронотоп как *модель* времени и пространства есть одновременно и модель мышления, поскольку, по мнению Л.А. Гогтишвили, «хронотопически организованы все без исключения сферы культурного смысла, в том числе язык (и как средство внешнего общения, и как форма протекания смысла во внутренней духовно-мыслительной деятельности), и само мышление, даже абстрактное; как бы ни были в мышлении ослаблены хронотопические координаты» [Гогтишвили, 2001, с. 307]. Исследователь определила хронотоп как «типологические и личностные формы смыслового объединения пространственных и временных координат, которые в качестве своего рода “интенциональных рамок сознания” являются предпосылкой вхождения субъекта в сферу культурного смысла вообще» [Гогтишвили, 2001, с. 308]. То, каким именно образом формируется хронотоп как модель, какие мыслительные операции и как в этой модели эксплицированы, остается поставленной, но нерешенной исследовательской задачей, тем важнее собирать материал, расширяя сферу применения данного термина.

Не просто возможность, но целесообразность обращения к хронотопу при описании лекции обусловлена тем, что оно дает важную исследовательскую перспективу. Лекция как дидактическое речевое произведение за свою многовековую историю, несомненно, обрела устойчивые жанровые признаки, которые могут казаться очевидными, но их «инвентаризация» и на уровне композиции, и на уровне лексико-грамматической экспликации неполна и эклектична. Показательно, что в современных учебных пособиях по психологии и педагогике высшей школы описания луч-

ших образцов русской научно-учебной риторики даются посредством метафор:

Тимирязев говорил, что лектор должен быть не фотографом, но художником, не простым акустическим инструментом, передавая устно почерпнутое из книг, все должно быть переплавлено творчеством. По Тимирязеву, в лекции должны сочетаться правильность разрешения научных проблем со страстностью, увлеченностью идеей. Именно такими достоинствами славились лекции Д.И. Менделеева. По воспоминаниям слушателей, речь заурядного ученого – это садик с чахлыми былинками, к которым подвешены этикетки. На лекциях Менделеева на глазах у слушателей из зерен его мыслей вырастали могучие стволы, которые ветвились, бурно цвели и буквально заваливали слушателей золотыми плодами (Буланова-Топоркова, с. 79).

Такие метафорические сравнения весьма образны, и они не могут проиллюстрировать сущность отличия лекции высокого качества от «заурядного» произведения данного жанра. Методика обучения искусству чтения лекций пока не разработана, во многом вследствие недостатка эмпирического материала, который был бы отобран, описан и систематизирован.

Сложность отбора и описания такого материала обусловлена целым рядом факторов. Учебная лекция – весьма неоднородный жанр, который имеет универсальные сущностные черты, но эти черты часто «ускользают» от исследователя, будучи скрыты многочисленными частными особенностями конкретного речевого произведения. Кроме того, большинство исследователей характеризуют лекцию как монолог с элементами диалогизации [Бурмакина, 2013; Гончарова, 2001; Кисметова, 2004; Нагиева, 2015; Скорикова, 2015; Цин, 2018], что верно, если базовым критерием в разделении «монолог vs диалог» считать формальный признак соотношения объемов произносимого и/или широту речевых прав участников; но сама по себе ценность идентификации лекции как монолога не бесспорна. Это в той или иной форме признают даже те исследователи, которые говорят о «диалогизации» лекции, избегая называть ее собственно диалогом: «...адресат публичной лекции прогнозируется как включенный в непосредственный контакт (курсив наш. – При-

меч. авт.), менее осведомленный в сравнении с говорящим в данной области знаний, воспринимающий речь на слух, субъект понимания и эмоционального восприятия» [Нагиева, 2015, с. 86].

Между тем основания для более смелых трактовок существуют. «В курсах общей лингвистики (даже и в таких серьезных, как де Соссюра), – писал М.М. Бахтин, – часто даются наглядно-схематические изображения двух партнеров речевого общения – говорящего и слушающего (воспринимающего речь), дается схема *активных* процессов речи у говорящего и соответствующих *пассивных* процессов восприятия и понимания речи у слушающего. Нельзя сказать, чтобы эти схемы были бы ложными и не соответствовали бы определенным моментам действительности, но, когда они выдаются за реальное целое речевого общения, они становятся научной *фикцией*» [Бахтин, 1996, с. 169]. Подчеркивая обоюдную активность сторон коммуникации, М.М. Бахтин отмечает, что «слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично), дополняет, применяет ее, готовится к исполнению и т. п.; и эта ответная позиция слушающего формируется на протяжении всего процесса слушания и понимания с самого его начала, иногда буквально с первого слова говорящего. Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной); всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим (“обмен мыслями”»)» [Бахтин, 1996, с. 170].

Определяя лекцию как монолог, исследователи теряют важнейший жанрообразующий компонент лекции – предполагаемый и планируемый лектором ответ, реакцию слушателей. Характер этого ответа и определяет эффективность лекции как таковой. Хотя исследований, которые показывали бы, что на самом деле происходит в сознании слушателей, в лингвистике нет, анализ языка и композиции лекций демонстрирует, насколько этот жанр не просто наполнен средствами диало-

гизации как способа оживления монолога – вся лекция, если она представляет собой качественный образец дидактической риторики, есть полноценный диалог, в котором то, что говорится, и то, как говорится, подчинено базовой задаче – трансформации картины мира в сознании слушателей. Сложность решения данной задачи невозможно переоценить. Как указывал в свое время С.Л. Рубинштейн, любое знание, даже иллюзия, обретенная в результате обобщения наивного опыта, в сознании защищена от изменений, вносимых извне; избавление от заблуждений, обретение нового знания – задачи, которые субъект решает сам, хотя в образовательном процессе это обычно делается под влиянием внешних стимулов [Рубинштейн, 2002]. Такими стимулами и насыщена лекция высокого качества, она провоцирует и направляет активную работу сознания.

В лингвистике накоплен определенный опыт выявления и описания данных стимулов, но для целостного анализа жанра лекции пока недостает модели, которая позволила бы обобщить полученные сведения. В специальных исследованиях детально описаны формы обращения к аудитории в процессе изложения, формы экспликации лекционной «географии», показывающей слушателям композицию излагаемого, даже формы интеллектуально-речевого воздействия, основанные на использовании средств художественной выразительности [Бурмакина, 2013; Вернадский, 1991; Дронова, 2016; Пиротти, 1985], но практически в каждом исследовании эти языковые особенности рассматриваются как отдельные параметры, не связанные друг с другом ни непосредственно, ни через определенную систему внеязыковых факторов. Подобно этому анализируется и композиция лекции. Исследователи выявляют и описывают функционально значимые компоненты лекций, например: дефиниция, свойства, состав и строение объекта, сравнение, классификация, предназначение, описание процесса, введение, иллюстрация, экскурс, отступление, вывод [Пиротти, 1985]; лексико-семантическая аналогия, «вольное определение», словообразовательная мотивация, этимологическая справка, вопросно-ответный ход, историко-хронологическая справка, объяснение через раскрытие образа

[Дронова, 2016] и др. Однако в тех случаях, когда необходимо говорить о композиции лекции в целом, практически все исследователи обращаются к малоинформативной триаде *вступление – основная часть – заключение*, а для описания того, как лекция встроена в общий курс, ограничиваются тем, что констатируют экспликацию лектором про- и ретроспективных связей данного изложения с другими в составе целого курса.

Можно ли сделать следующий шаг и объединить все, что уже описано, в единую модель? На наш взгляд, ответ в данном случае должен быть утвердительным, и несмотря на то, что вопросы такого масштаба не решаются в формате статьи, постановка проблемы возможна, и более того – многое в данном направлении уже сделано. Отмечая устный характер жанра лекции, лингвисты признают, что она окончательно оформляется в непосредственной беседе со слушателями, и, перефразируя известную цитату Л.С. Выготского [Выготский, 1999], можно утверждать, что лекция не читается и слушается, а *происходит*, причем происходит не только и не столько как мероприятие, сколько как интеллектуальное событие, разворачивающееся в сознании участников общения. Таким образом, лекция – это не текст как таковой, это событие, и его сколь-нибудь полное описание предполагает, что этот важнейший жанровый параметр будет учтен.

В статье «Дискурс и знание», опубликованной в 2013 г., Т.А. ван Дейк вводит понятие ментальной модели, которая представляет собой «субъективную репрезентацию события или ситуации, в которых индивид участвует в определенный момент времени, в определенном месте, взаимодействуя с другими участниками (обладающими различными идентичностями и социальными ролями) и будучи вовлеченным в определенное действие с определенными целями» [Дейк ван, 2013, с. 7]. Раскрывая суть введенного понятия, исследователь отмечает, что данные модели «репрезентируют событие так, как мы его переживаем (или так, как узнаем о нем), они составляют базис всех жанров дискурса, основанных на репрезентации таких особых событий, как разговоры, истории или новости» [Дейк, 2013, с. 7]. Очевидно, что лекция, бу-

дучи событием, имеет в основе реализацию некой ментальной модели, которая может быть выявлена и описана.

Специфика ментальной модели, по которой строится лекция, определяется двумя основными особенностями происходящего события. Во-первых, поскольку научная картина мира, формируемая в процессе лекционного курса, характеризуется высокой степенью сложности, то каждая отдельная лекция, относительно завершенная, по-настоящему решает свою задачу только в комплексе с остальными. Так, в большинстве своем научные понятия, в особенности умозрительные, не могут быть сформированы в течение одной лекции, полная картина дается только при постепенном наращивании их объема. В связи с этим наличие горизонтальных (про- и ретроспективных) связей в лекции есть отражение связей вертикальных, смысловых, и более подробный анализ того, как соотносятся в каждой лекции новая информация с той, что уже излагалась ранее, показывает, как происходит *приращение* знания.

Во-вторых, лекция представляет собой уникальную форму диалога. Как известно, состоятельность процесса обучения можно диагностировать только по его результатам с помощью специальных заданий, признаки этого процесса, в особенности во время лекции, не выражены. Между тем преподаватель должен направлять обучение и по возможности отслеживать, насколько эффективно оно осуществляется. По-настоящему осознанно это делают только лекторы с большим стажем работы, которые знают по опыту, какие именно приемы стимулируют необходимую интеллектуальную работу слушателей. Каждый из этих приемов предположительно вызывает ответную интеллектуальную реакцию слушателей, на основе которой осуществляется следующий прием. Таким образом лекция становится беседой, в которой один из участников должен угадывать невысказанную реакцию другой стороны и вести диалог с учетом этой реакции. Подобное угадывание возможно не всегда, но устойчивость лекции как образовательного жанра показывает, что неизбежные потери вследствие специфичности диалога здесь компенсируются изобретательностью лектора при выборе средств воздействия.

Названные особенности предопределяют многомерность логической структуры лекции и сложность системы ее языковой экспликации. Подобная структура не может быть отражена в линейной композиционной модели, никакая детализация не даст общей картины жанра лекции, если данные детали не будут сведены в систему. На наш взгляд, основу такой нелинейной модели – модели ментального события – составляют координаты времени и пространства, отраженные в понятии «хронотоп». Представление человека о том, что может сделать его сознание с данными категориями, как оно обрабатывает правила их существования и сосуществования, позволяет создать не статичную, а динамичную модель, в которой развиты и взаимосвязаны горизонтальные и вертикальные отношения и которая отражает не *результат*, а именно *процесс* обучения как таковой.

Результаты и обсуждение

Хронотоп лекции характеризуется тремя основными особенностями.

Первой особенностью является то, что экспликация пространственных координат, локализирующих изложение, указывающих на место прохождения лекции как события, для данного жанра не является релевантной, поскольку эти координаты осознаются участниками события и не меняются в течение всего изложения. Это, однако, не означает, что «топос» здесь отсутствует: он входит в систему ориентиров, но полностью «растворен» в «хроносе», любой вопрос о том, где нечто излагается в лекции, – это вопрос о времени, в котором происходит интересующий нас фрагмент изложения. Определенные географические локализаторы в лекции возможны, например, при изложении исторических или технологических событий, при описании геологических явлений, но подобные координаты, естественно, не являются жанрообразующими, они относятся к сфере организации содержания, а не формы.

Вторая особенность выражается в том, что течение времени в лекции нелинейно и неоднородно по скорости (здесь важно подчеркнуть, что мы имеем в виду именно субъективное время, которое характеризует уже упомянутую ментальную модель, а не объектив-

ное время в его строгом физическом понимании). Нелинейность течения времени выражается в двух специфических возможностях, которые лектор использует для учебных целей: возможность про- и ретроспективного передвижения по временной оси и возможность смены фокуса временного положения. В жанре лекции возможны три фокуса изложения, первый из них – это изложение внутри лекции как отдельного речевого произведения, второй – изложение в лекции как части целого курса, третий – изложение в лекции как в некоей точке на карте развития науки. Смена фокуса, выход за пределы данной лекции так же, как про- и ретроспекция внутри самой лекции, всегда мотивированы определенными учебными задачами. Например, ретроспективные отсылки к уже изложенному в данной или предыдущих лекциях – это не просто напоминание об уже сказанном, это либо своего рода активация не заполненной до конца ячейки памяти для завершения процесса ее заполнения, либо активация ячейки, которая полностью готова и может быть использована в качестве опоры для формирования новой ячейки.

Приведем пример из цикла лекций о М. Прусте Мераба Мамардашвили. Данный цикл был записан, расшифрован и опубликован в открытом доступе.

Фолкнер говорил, что **самая большая трагедия человека, когда он не знает, каково его действительное положение** (полужирное выделение здесь и далее в примерах наше. – *Примеч. авт.*). **Где он? Что происходит? Вернее, как и когда сцепилось то, что сейчас происходит? Например, как и когда сцепилось то, что я, придя на страстно желанное свидание, только и думаю о том, чтобы оно поскорее кончилось? Что происходит?** Значит, все эти ситуации обладают одним свойством: **их нужно распутывать, и форма романа должна быть такой, чтобы участвовать в распутывании этого жизненного опыта.** Здесь я пока помечу одну очень важную мысль: **литература, или текст, не есть описание жизни, это не просто то, что внешне (по отношению к самой жизни) является ее украшением, не нечто, чем мы занимаемся пишем или читаем на досуге, а есть часть того, как сложится или не сложится жизнь, потому что опыт нужно распутать, и для этого нужно иметь средства, инструменты.**

Так вот, для Пруста, и я попытаюсь в дальнейшем доказать, что это вообще так, **текст, то есть составление некоей воображаемой структуры, яв-**

ляется единственным средством распутывания опыта (Мамардашвили. Лекция 1).

Это фрагмент первой лекции цикла, в котором лектор дает представление об особенностях поэтики знаменитого писателя. Обозначив цитатой творческий импульс писателя, М. Мамардашвили раскрывает суть обозначенной *трагедии* и показывает, как эта суть предопределяет художественные методы изложения в романе. Ячейка представления о природе поэтики М. Пруста создана, но в рамках одной лекции ее формирование завершить невозможно, и лектор возвращается в следующей лекции к той же цитате:

Я уже упоминал в прошлый раз **Фолкнера, который говорил, что самая большая трагедия человека, когда он не знает, кто он и какое он занимает место.** Мы знаем, что Фолкнеру понадобилась **весьма усложненная форма письма (то есть писания), или текста, чтобы в различных временных пластах реконструировать действительный смысл тех ощущений и состояний, которые человеком испытываются сейчас, в данную минуту,** но они непонятны по своей природе, непонятны по своему смыслу, по своему значению, **если ты их не развернул в реконструированные пласты и корни, уходящие очень далеко от тебя.** Французский поэт XX века Поль Валери говорил: «Мои чувства приходят ко мне очень издалека», или «мои состояния идут ко мне очень издалека». Вообще человек есть существо далекого; то, что он испытывает сейчас, здесь, ему кажется самодостаточным, вот, например, я вижу блокнот, значит, кажется, это акт, за который дальше идти не нужно, он сам себя исчерпывает, он самодостаточен, так мне кажется, а в действительности даже то, что я вижу сейчас блокнот, идет как мое **теперешнее состояние** в эту минуту **издалека.** Вспомним тот пример, который я приводил: Сен-Лу смотрит на Рашель так же, как я смотрю на этот блокнот, но то, как он видит Рашель, идет к нему не из **этой секунды,** не из того, что он видит **сейчас,** а идет к нему **издалека,** в том числе из мира мечтаний, из мира высоких грез (Мамардашвили. Лекция 2).

Изложенное и осмысленное возвращается, чтобы быть дополненным. Если в первой лекции говорилось о поэтике *распутывания* чувств, то во второй дано представление о том, что именно распутывается в событиях романа и что, собственно, есть это распутывание – путь к себе настоящему, к себе здесь

и сейчас от себя *далекого* (неслучайна оппозиция *здесь vs издалека*). Наполненность этого пути осознанием прошедшего, его осмыслением и создает ту поэтику, особенности которой выявляет лектор. Очевидно, что в течение одной лекции невозможно полноценно представить обе рассмотренные специфические черты поэтики М. Пруста, несмотря на их тесную взаимосвязь. Вовлечение слушателей в рассуждения о поэтике *распутывания* жизненных ощущений и о том, как это осуществляется в конкретных литературных произведениях, требует паузы, поэтапного изложения, где новое опирается на нечто уже изложенное и в определенном смысле привычное для слушателя.

Формы подобного поэтапного развития объема понятий, сущности наблюдаемых явлений и пр. в лекциях весьма разнообразны, но их методическая и, соответственно, хронотопическая схемы едины: в методике – это поэтапное наращивание информативного поля, в аспекте хронотопической модели – это циклическое концентрическое построение изложения, основанное на возвращении к известной точке на новом витке для дополнения уже сформированных представлений.

Что касается обращения к истории науки, третьему фокусу изложения, то это обычно делается для создания широкомасштабного временного «полотна», позволяющего увидеть преемственность развития науки и особенности исторических и теоретических связей изучаемых явлений. Кроме того, история науки может быть стартом в формировании определенных теоретических представлений. Рассмотрим пример из лекции по физике. Приведенная ниже лекция (лектор – Дмитрий Игоревич Казаков, доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник лаборатории теоретической физики Объединенного института ядерных исследований) опубликована в открытом доступе, расшифровка записи сделана авторами настоящей статьи.

Элементарные частицы. **Интуитивно понятно, что это означает это что-то такое самое элементарное, что уже нельзя расколоть на части нельзя найти, из чего это частица состоит.**

Исторически в то же время это понятие менялось, наверное, самыми элементарными частицами когда-то считались атомы, потому что еще с

древних греков (курсив наш. – *Примеч. авт.*) было понятно людям, что **мир состоит из каких-то мельчайших элементов и такими элементами считались атомы.**

Но это продолжалось до тех пор, пока мы не смогли попасть **внутрь атома. Примерно 100 лет назад Резерфорд, бомбардируя альфа-частицами тонкую фольгу, обнаружил, что атомы пустые, что в середине атома находится то, что после стали называть атомным ядром, которое примерно в тысячу раз меньше, чем размер атома. И, наверное, тогда можно было сказать, что элементарные частицы – это атомные ядра.** Но, кроме атомных ядер, которые имеют заряд электрический, а атомы заряда не имеют, должно было быть что-то еще, и **это что-то еще потом получило название электрон.** И так у нас получились две элементарные частицы: **ядро и электрон.**

Но и это был не конец, и довольно скоро стало понятно, что ядра различных атомов на самом деле состоят из чего-то еще, это не есть единые объекты, которые можно считать элементарными. **Примерно в тридцатых годах прошлого века Гейзенберг в Германии и Иваненко в России выдвинули гипотезу, что ядра состоят из двух элементарных частиц: протона и нейтрона. И у нас уже получилось три элементарные частицы: протон, нейтрон и электрон.**

Долгое время это так и было, но за это время **родилась квантовая механика** – наука, которая, собственно, **объяснила, как устроен атом, почему электрон, вращаясь по стационарным орбитам вокруг ядра, не падает на это ядро.** На самом деле, по законам классической физики электрон, как электрически заряженная частица, должен был все время испускать свет, терять энергию и очень быстро упасть на ядро. Этого не происходит, и причина этого оказалась в том, что электрон подчиняется законам квантовой механики (Казаков. Лекция 1).

С этого фрагмента начинается первая лекция из цикла лекций по теории элементарных частиц. Здесь Д.И. Казаков намечает основные этапы развития данной теории, и, хотя каждый из них дан сжато, в виде тезиса, перед слушателями разворачивается определенная картина того, как шаг за шагом формировались те представления, которые господствуют в современной науке. Дидактическая прагматика такого изложения очевидна: в начале курса слушатели могут вспомнить каждый шаг, сделанный наукой в заявленном направлении, дополнить картину, если какие-то фрагменты в памяти утеряны, и таким образом подготовиться к восприятию нового ма-

териала. На первый взгляд может показаться, что сам факт начала беседы по определенной теме мобилизует в сознании слушателей все знания по данному вопросу, однако это не так: в полном объеме ментальная мобилизация происходит только при умелом напоминании, подобном только что приведенному. В приведенном фрагменте лекции время сжимается, тысячелетия научного опыта собраны в несколько абзацев, чтобы затем повествование вернулось к более привычному размеренному течению, где-то даже замедленному для разъяснения важных вопросов.

Безусловно, дидактический потенциал многомерной хронологической организации лекции раскрывается приведенными примерами лишь частично, но наша задача – поставить вопрос о необходимости изучения данной организации.

Третьей особенностью хронотопа лекции является специфическая роль в нем тех средств, которые исследователи традиционно называют средствами диалогизации:

– изложение-обращение (использование личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа, соответствующих глагольных форм, а также императивов);

– вопросы к аудитории (требующие и не требующие от нее ответа).

Изложение-обращение в лекции опирается, как правило, на глаголы мысли и речи (*представить, обобщить, сделать вывод, вспомнить* и т. д.), тем самым создается синхронизация мыслительных процессов, происходящих в сознании лектора, с процессами, которые должны происходить в сознании слушателей. В значении местоимений *мы* и *вы* и в значении соответствующих глагольных форм есть потенциально реализуемый компонент осуществление действия в одном времени говорящим и слушающим (слушающими). Этот компонент активизируется не всегда, он может быть исключен указаниями на то, что некое действие будет осуществлено не в момент речи, но в лекциях, как правило, данный компонент активирован и используется для синхронизации мыслительных действий лектора и его слушателей. Ментальное событие, происходящее в лекции, поддерживается не только композиционно, но и содержательно. Поскольку лекционный диалог ведется собеседником, который не сразу

словесно реагирует на то, что слышит, необходимы специальные языковые средства, поддерживающие интеллектуальный контакт, указывающие на то, что он происходит: «выбор перспективы от 2-го лица, несмотря на то что речь идет о личных переживаниях говорящего, возможен только тогда, когда характер сообщаемого позволяет говорящему предполагать, что и адресат мог бы – в действительности или хотя бы психически – переживать, думать, ощущать то же самое, что и говорящий» [Коженикова, 1985, с. 520]. Это высказывание справедливо и по отношению к вопросам, и к любому персонифицированному личными местоимениями изложению.

Вопросы, о дидактической функции которых есть обширная литература (см., например: [Дронова, 2016; Цин, 2018; и др.]), также создают «синхронную ментальную зону», в которой и осуществляется обучение. Мотивирующая функция вопроса, в особенности такого, который рассчитан на ответ из аудитории, включает слушателей в процесс изложения, меняя функцию наблюдателя на функцию одного из создателей, функцию непосредственного участника обучения. Ответ на вопрос, в зависимости от того, верен он или нет, предопределяет дальнейшее развитие лекции: продолжится ли изложение, или лектор остановится для разъяснений и уточнений. Таким образом, обращения и вопросы – это способы приобщения слушателей к созданию лекции, прежде всего на уровне композиционной организации.

Диалог лектора и слушателей тщательно планируется, он разворачивается в сознании лектора и, как он надеется, в сознании слушателей. Для того чтобы такой диалог стал обоюдно значимым событием, нужна сложная трехмерная композиция, а для того чтобы время от времени напоминать себе и слушателям, что это событие происходит, нужны способы его экспликации, те самые средства, которые не *создают* диалог, а *обнаруживают* его движение.

В качестве примера рассмотрим еще один фрагмент лекции М. Мамардашвили:

Вся философия Пруста состоит в том, чтобы доказать, что такого быть не может: нет таких качеств людей, из которых вытекали бы наши к ним (к этим людям) отношения. <...>

Напомню слова Аристотеля, чтобы **вы не воспринимали эту фразу как обыденный текст; это текст, в котором я ищу смыслы**. Чтобы поставить нас на путь смысла, я приведу одну его фразу; в свое время Аристотель очень хорошо сказал, что причина, почему я люблю, гораздо важнее объекта любви. Он имел в виду, что, любя человека, мы любим в действительности нечто другое, не совпадающее с качествами этого человека, и, следовательно, наоборот, из качеств того, кого мы любим, невыводимо наше состояние; оно не ими рождено (Мамардашвили. Лекция 2).

В данном небольшом отрывке лекции перед нами настоящий полноценный диалог, в известном смысле более глубокий, чем большинство, например, бытовых диалогов, в которых речевую активность проявляют оба собеседника. Лектор приводит суждение об отсутствии прямой связи между качествами человека и отношением к нему других людей. При этом он понимает, что данное суждение может быть истолковано в обыденном, стереотипном смысле, что снизит информативную ценность тезиса. Предвосхищая возможную ошибку, лектор приводит новое суждение, маркируя его предполагаемым интеллектуальным действием слушателей (*не воспринимали эту фразу как обыденный текст*). Затем, уведя своих слушателей от неверного пути, лектор намечает путь верный (*я ищу смыслы*), путь не поверхностного, а глубокого понимания приведенного явления. В конце фрагмента лектор показывает, что дальнейший путь рассуждений – совместный поиск, в результате которого желанный смысл будет обретен обеими сторонами диалога.

Заключение

Между литературным произведением, для описания которого был впервые использован термин «хронотоп» в его филологической интерпретации, и лекцией есть и сходства, и различия. Основным сходством, дающим право на использование названного термина для характеристики жанра лекции, является то, что она, как и литературное произведение, представляет собой масштабное интеллектуальное событие, состоящее из организованного множества частных, специфических событий – этапов трансформации картины мира,

формирования нового знания, которое и является главной целью лекции. Они не во всем подобны событиям, происходящим в литературном произведении, но для того, чтобы состояться, они должны разворачиваться в особой модели времени и пространства. Хронотоп лекции имеет сложную организацию и, соответственно, сложную разноуровневую систему средств экспликации, это явление прекрасно иллюстрирует мысль В.И. Вернадского о том, что «*организованность* (курсив наш. – *Примеч. авт.*) не есть механизм. Резко отличается организованность от механизма тем, что она находится непрерывно в становлении, в движении всех ее самых мельчайших материальных и энергетических частиц» [Вернадский, 1975, с. 15]. Изучение этой динамичной организованности позволит, с одной стороны, лучше понять природу лекции как учебно-научного жанра, а с другой – отчетливее представить научно-методологический потенциал понятия «хронотоп».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н., 2009. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР. 448 с.
- Бахтин М. М., 1975. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит. С. 234–407.
- Бахтин М. М., 1996. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М. : Рус. слов. С. 159–206.
- Бурмакина Н. Г., 2013. Жанр лекции и его культурно обусловленная маркированность // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 1, вып. 1. С. 185–191.
- Вернадский В. И., 1975. Размышления натуралиста. В 2 кн. [Кн. 1]. Пространство и время в неживой и живой природе / сост. М. С. Бастракова, В. С. Неаполитанская, Н. В. Филиппова ; редкол. Б. М. Кедров [и др.]. М. : Наука. С. 165–173.
- Вернадский В. И., 1991. Научная мысль как планетарное явление. М. : Наука. 271 с.
- Выготский Л. С., 1999. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М. : Лабиринт. 352 с.
- Гогтишвили Л. А., 2001. Хронотоп // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4. М. : Мысль. С. 307–308.
- Гончарова Л. М., 2001. Профессиональный монологический текст / дискурс в учебно-научной сфере. М. : РУДН. 24 с.

- Дейк Т. А. ван, 2013. Дискурс и знание / пер. с англ. Е. А. Кожемякина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 13 (156), вып. 18. С. 5–23.
- Дронова Г. Е., 2006. Коммуникативная категория «ясность речи» в жанре лекции : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 165 с.
- Дронова Г. Е., 2016. Стилистические конфликты в ситуации учебно-научного общения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6-3 (60). С. 86–88.
- Кисметова Г. Н., 2004. Лекция в вузе как средство активизации познавательной деятельности студентов педагогического университета : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара. 24 с.
- Кожевникова К., 1985. О смысловом строении спонтанной устной речи // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс. Вып. 15 : Современная зарубежная русистика. С. 512–524.
- Лосев А. Ф., 2016. Вещь и имя. Самое само. СПб. : Изд-во Олега Абышко. 576 с.
- Нагиева Е. Б., 2015. Средства диалогичности публичной лекции в аспекте специфики жанра // Коммуникативные исследования. № 4 (6). С. 80–87.
- Пиротти Н. В., 1985. Отбор коммуникативного минимума для чтения текстов по специальности: 1 курс, естественнонаучный профиль : дис. ... канд. пед. наук. М. 183 с.
- Разинкина Н. М., 1972. Стилистика английской научной речи : Элементы эмоциональной субъективной оценки. М. : Наука. 168 с.
- Рубинштейн С. Л., 2002. Основы общей психологии. М. : Питер. 720 с.
- Скорикова Т. П., 2015. Жанрообразующие факторы устного научного монолога // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 3. С. 51–58.
- Цин Я., 2018. Приемы речевого воздействия в жанре лекции: стилистические фигуры, способы диалогизации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 26 с.

ИСТОЧНИКИ

- Мамардашвили – Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. URL: <https://mamardashvili.com/audio/proust.html> (дата обращения: 24.01.2020).
- Казаков – Казаков Д. И. Физика элементарных частиц. URL: <http://www.jinr.ru/posts/video-kurs-leksij-dmitriya-kazakova/> (дата обращения: 24.01.2020).

- Буланова-Топоркова – Буланова-Топоркова М. В. Педагогика и психология высшей школы : учеб. пособие. Ростов н / Д : Феникс, 2002. 544 с.

REFERENCES

- Azimov Ye.G., Shhukin A.N., 2009. *Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow, IKAR Publ. 448 p.
- Bahtin M.M., 1975. *Formy vremeni i hronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy pojetike* [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. Bahtin M.M. *Voprosy literatury i jestetiki* [Questions of literature and esthetics]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., pp. 234-407.
- Bahtin M.M., 1996. *Problema rechevykh zhanrov* [The problem of speech genres]. *Sobranie sochineniy. V 7 t. T. 5* [Collection of essays. In 7 vols. Vol. 5]. Moscow, Russkie slovari Publ., pp. 159-206.
- Burmakina N.G., 2013. *Zhanr lektsii i ego kulturno obuslovlennaya markirovannost* [Genre of lecture and its cultural markedness]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Leningrad bulletin of Pushkin State University], vol. 1, iss. 1, pp. 185-191.
- Vernadskiy V.I., 1991. *Razmyshleniya naturalista. V 2 kn. Kn. 1. Prostranstvo i vremya v nezhyvoy i zhivoy prirode* [Reflection of naturalist. In 2 books. Book 1. Space and time in inanimate and living nature]. Moscow, Nauka Publ., pp. 165-173.
- Vernadskiy V.I., 1975. *Nauchnaya mysl kak planetarnoe yavlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow, Nauka Publ. 271 p.
- Vygotskiy L.S., 1999. *Myshlenie i rech* [Thinking and speech]. Moscow, Labirint Publ. 352 p.
- Gogotishvili L.A., 2001. *Khronotop* [Chronotope]. *Novaya filosofskaya enciklopediya. V 4 t. T. 4* [New Encyclopedia of Philosophy. In 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Mysl Publ., pp. 307-308.
- Goncharova L.M., 2001. *Professionalnyy monologicheskii tekst / diskurs v uchebno-nauchnoy sfere* [Professional text-monologue / discourse in academic sphere]. Moscow, RUDN. 24 p.
- Dejk T.A. van, 2013. *Diskurs i znanie* [Discourse and knowledge]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo unidersiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin of

- Belgorod State University. Humanities Sciences], no. 13 (156), iss. 18, pp. 5-23.
- Dronova G.E., 2006. *Kommunikativnaya kategoriya «jasnost rechi» v zhanre lekcii: dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative category clarity of speech in genre of lecture. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg. 165 p.
- Dronova G.E., 2016. *Stilisticheskie konflikty v situatsii uchebno-nauchnogo obshcheniya* [Stylistic conflicts in situation of academic communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Problems of theory and practice], no. 6-3 (60), pp. 86-88.
- Kismetova G.N., 2004. *Lekciya v vuze kak sredstvo aktivizatsii poznavatel'noy deyatel'nosti studentov pedagogicheskogo universiteta: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [University lecture as a mean of activation of pedagogical university students cognition. Cand. ped. sci. abs. diss.]. Samara. 24 p.
- Kozhevnikova K., 1985. *O smyslovom stroenii spontannoy ustnoy rechi* [On the semantic structure of spontaneous speech]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., iss. 15, pp. 512-524.
- Losev A.F., 2016. *Veshch i imya. Samoe samo* [Things and name. Its very own]. Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko. 576 p.
- Nagieva E.B., 2015. *Sredstva dialogichnosti publichnoy lektsii v aspekte spetsifiki zhanra* [The means of dialogisation of public lecture within the specificity of genre]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communicative study], no. 4 (6), pp. 80-87.
- Pirotti N.V., 1985. *Otbor kommunikativnogo minimuma dlia chteniya tekstov po specialnosti: 1 kurs, estestvennonauchnyj profil: dis. ... kand. ped. nauk* [The selection of the communicative minimum for reading texts on the specialization: 1 year, science profile. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow. 183 p.
- Razinkina N.M., 1972. *Stilistika angliyskoy nauchnoy rechi: Elementy emotsionalnoy subyektivnoy otsenki* [Stylistics of English Scientific Speech: Elements of Emotional Subjective Evaluation]. Moscow, Nauka Publ. 168 p.
- Rubinshteyn S.L., 2002. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow, Piter Publ. 720 p.
- Skorikova T.P., 2015. *Zhanroobrazuyushchie faktory ustnogo nauchnogo monologa* [Basic Genre Factors of oral scientific monologue]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [RUDN Journal of Russian and foreign languages research and teaching. Series: Russian and foreign languages research and teaching], no. 3, pp. 51-58.
- Cin Ya., 2018. *Priemy rechevogo vozdeystviya v zhanre lektsii: stilisticheskie figury, sposoby dialogizatsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Techniques of speech influence in the lecture genre: stylistic figures, dialogue methods. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg. 26 p.

SOURCES

- Mamardashvili M.K. *Psikhologicheskaya topologiya puti*. URL: <https://mamardashvili.com/audio/proust.html> (accessed 24.01.2020).
- Kazakov D.I. *Fizika elementarnykh chastic* [Physics of elementary particles]. URL: <http://www.jinr.ru/posts/video-kurs-lektsij-dmitriya-kazakova/> (accessed 24.01.2020).
- Bulanova-Toporkova M.V. *Pedagogika i psikhologiya vysshey shkoly* [Pedagogy and psychology of higher education]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2002. 544 p.

Information About the Authors

Maria S. Glushkova, Candidate of Sciences (Philology), Postdoctoral Research Fellow, Faculty of Philosophy, Letters and Human Sciences, University of São Paulo, Rua do Lago, 717, Butantã, 05508-080 São Paulo, Brazil, maria.glushkova@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-1922-4448>

Olga G. Zgur'skaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Saint Petersburg Mining University, Vasilievsky ostrov, 21st Line, 2, 199106 Saint Petersburg, Russia, olgazgur'skaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4764-2102>

Aleksandra A. Talanina, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Literature, Saint Petersburg Mining University, Vasilievsky ostrov, 21st Line, 2, 199106 Saint Petersburg, Russia, talnina_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8522-055X>

Информация об авторах

Мария Станиславовна Глушкова, кандидат филологических наук, постдокторант факультета философии, филологии и гуманитарных наук, Университет г. Сан-Паулу, Риа до Лаго, 717, Буганта, 05508-080 г. Сан-Паулу, Бразилия, maria.glushkova@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-1922-4448>

Ольга Григорьевна Згурская, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский горный университет, Васильевский остров, 21-я линия, 2, 199106 г. Санкт-Петербург, Россия, olgazgurskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4764-2102>

Александра Андреевна Таланина, аспирант кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский горный университет, Васильевский остров, 21-я линия, 2, 199106 г. Санкт-Петербург, Россия, talanina_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8522-055X>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2021 года 1930 руб. 02 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 2nd half of 2021 is 1930.02 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

